

Александр Савицкий, Константин Луговой

ШТУРМ БАХМУТА

«Разведвзвод»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Том 18+

Александр «Писатель» Савицкий

**Штурм Бахмута.
Разведвзвод. Том I**

«Автор»

2026

«Писатель» Савицкий А.

Штурм Бахмута. Разведвзвод. Том I / А. «Писатель» Савицкий —
«Автор», 2026

Штурм Бахмута. Разведвзвод, написанный на основе реальных событий, которые происходили с бойцами разведвзвода, 7 штурмового отряда ЧВК Вагнер с ноября 2022 года по апрель 2023 года. Эта книга без главного героя, потому что главным героем этой книги является сам разведвзвод. В книге, от лица бойцов и командиров, рассказывается о военных и бытовых буднях рядового состава штурмового подразделения. Каждый из бойцов пришел в подразделение добровольно и старался выжить и выполнить боевые задачи, которые ставились перед ними. Книга написана с уважением к павшим бойцам с обеих сторон и с благодарностью к тем, кто рисковал своей жизнью, ради Родины. Авторы: Савицкий Александр, он же Писатель и Константин Луговой, известные вам по предыдущей книге . Приятного вам чтения!

© «Писатель» Савицкий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Сапалер. 1.0. «И откроют врата для нас...»	6
2. Гаврош. 1.0. РВ – разведвзвод	19
3. Абрек. 1.0. «Железный и деревянный лес»	25
4. Влад и семья. 1.0. Мирные в Бахмуте	30
5. Абрек. 1.1. Штурм Веселой долины, Сисек и Пещер	37
6. Родной 1.0. Как выжить в экстремальной ситуации?	44
7. Обида. 1.0. Продвижение разведвзвода	53
8. Флир. 1.0. Настоящая война	59
9. Сапалер. 1.1. Прибытие	64
10. Цахил. 1.0. Иванград	68
11. Флир 1.1. Командир группы	72
12. Обида. 1.1. Работа в частнике	77
13. Цахил. 1.1. Иванград (продолжение)	83
14. Миор. 1.0. Пулеметчик	88
15. Абрек. 1.2. Гонки на выживание	95
16. Маша. 1.0. Наш родной Иванград	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Константин «Констебль» Луговой, Александр «Писатель» Савицкий Штурм Бахмута. Разведвзвод. Том I

*Посвящается всем воинам, защищавшим свои принципы
и Родину, независимо от национальности, вероисповедания и
социального положения...*

*«...Здесь никто не ищет смерти,
Нужно,
вперед идти!
Братья, сестры, чур я первый,
Раз, всех нас,
не спасти.
Кто шагов наших усталых,
Ждать будет,
у окна?
Пусть запомнят, как нас звали.
Все,
наши имена.
Наши имена...»
группа «Русский строй», песня «Пепел»*

1. Сапалер. 1.0. «И откроют врата для нас...»

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут голоды, моры и землетрясения по местам».
(Евангелие от Матфея. 24:6–7)

Это было самое счастливое время суток – время, которое я мог проводить в храме, внутри стен, защищающих меня от внешнего мира, среди икон с ликами Богородицы, Господа, Апостолов и святых. Наш храм был райским уголком в пустыне. Шесть соток обработанных руками заключенных земли с грядками клубники, кустарниками смородины, крыжовника и малины, огороженные фруктовыми деревьями, надежно прятали храм от внешнего мира. В зоне не должно быть никакой растительности, но *хозяин* разрешил посадить и вырастить деревья и ягоды. Вопреки суровым условиям, земля ожила и заплодоносила. Все, что касалось вопросов веры и содержания храма, находило отклик у администрации и среди заключенных, независимо от степени их сопротивления *режиму*. Рядом мы разбили маленький парк в память о российских воинах, погибших в бесконечных войнах, защищая нашу необъятную Родину. Сегодня в этом уголке уютной благодати, обволакивающей и согревающей душу, я готовился к проведению вечерней службы и параллельно наслаждался запахом горящих свечей, ладана и дерева, из которого было построено здание.

С верой в сердце было проще *тянуть срок*. А срок у меня, как и у большинства находящихся в нашей колонии строгого режима, был не маленьким. «...И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла...» – вспомнил я место из «Бытия».

По договоренности с администрацией колонии я работал полдня, а остальное время – *грузился* за храм. После освобождения предыдущего старосты от его должности, мужики уговорили меня взять на себя это непростое служение общему делу. От должности, как положено, я отказался, а порадеть за общее посчитал для себя честью. Вспоминая, как согласился на это, я улыбнулся.

Дел было много. Постоянно не хватало свечей и утвари. Нужно было все это *затащить* правдами и неправдами с воли. В последнее время часть свечей мы наловчились отливать сами. Такое большое количество свечей, которое необходимо для службы, затянуть было сложно. Нужно было много ходить, спрашивать разрешения и сталкиваться с лимитами.

Что-то привозил Отец Михаил – настоятель нашего храма. Но это было ни о чем. Он приносил в сумках столько, сколько мог поднять в двух руках. А мужикам что? Каждому надо свечку поставить! А то и не одну. Пришлось установить ограничения – не больше трех свечей в одни руки: Иисусу, Богородице и за упокой. В принципе, для истинно верующего человека этого достаточно. Но им постоянно хотелось поставить еще одну: любимому святому или в честь праздника. Я вздохнул, наблюдая, как красиво трепещется пламя одинокой свечи, которую я зажег перед ликом Господа. Приходилось еще решать вопросы человеческие. Разговаривать с мужиками – прихожанами храма, которые нуждались в поддержке и наставлении. Нужно было, в конце концов, просто содержать храм и территорию в чистоте и порядке. Спасибо добрым людям, которые помогли нам затянуть с воли пылесос и другие полезные вещи. Храм – это целое хозяйство, и он требовал нашего ежедневного участия.

Закончив дела внутри, я присел на лавочку у входа и стал любоваться яркими лучами солнца, которые пробивались через низкие ватные тучи, плывущие над Мордовией. Разгляды-

вая косые сполохи живого огня, я в очередной раз стал размышлять о неизбежности и закономерности происходящего со мной. Больше двенадцати лет находясь в тюрьме и зоне, пообщавшись за это время с тысячами заключенных, я убедился, что все, кто находились здесь, были не случайными невинными жертвами, а людьми, всю свою жизнь, изо дня в день, неизбежно шедшими к такому финалу. Порой я спорил на эту тему со своими *семейниками*, отстаивая простую мысль: «В зоне не бывает случайных людей!»

В эти спокойные минуты я размышлял о вечном, и, по своему обыкновению, перескакивал с мысли на мысль. В голове всплыли старые семейные фотографии с лицами моих предков, которые заботливо хранились моими родителями в пыльных семейных альбомах. Я стал вспоминать историю своей фамилии и почувствовал легкую, теплую грусть. Корнями моя родословная уходила к кубанским казакам, но родился и вырос я в Москве, в Орехово-Борисово. В семье моей было много высокопоставленных военных и чиновников, верой и правдой служащих Государству Российскому и его народу. К сожалению, мой отроческий возраст совпал с развалом СССР и девяностыми. И поскольку кругом была сплошная ореховская братва, я, вместе со старшим братом, поплыл по течению, хватаясь за криминальные *понятия* о долге и чести, как за соломинку в мире хаоса и общей неразберихи. Погружаясь в эту жизнь, борясь за существование и свой кусок пирога, мне приходилось принимать решения, которые причиняли вред людям и были мне не по душе. Старшего брата, когда мне было шестнадцать лет, убили в бандитской разборке, а я решил пойти в армию и скрыться там от самого себя и навалившихся проблем с родными и милицией. В 1996 году, к радости моих родных, особенно мамы, я попал в славные пограничные войска. Отслужив там два года, я окончательно понял, что армия это мое, и решил после окончания службы вернуться домой и поступить в Московский Институт Пограничных Войск. В то время, пограничники были отдельным родом войск и подчинялись лично Президенту. Последний год службы пролетели незаметно. Офицеры видели, что мне нравится порядок и структура военной службы, и поручали мне военно-патриотическое воспитание молодого пополнения, чем я с удовольствием и занимался. Мне нравилось помогать молодым постигать азы воинской службы. Послушав напутственные речи отцов-командиров, и трижды проигнорировав их предложение остаться служить дальше, я дембельнулся и вновь оказался среди привычного окружения. Выбирая между службой в силовых ведомствах и загородными жуликами, я вновь взялся за старое и достаточно быстро получил несколько колото-ножевых ранений в область груди и сердца...

Пока врачи боролись за мою молодую жизнь, проводя сложную четырехчасовую операцию, я был далеко. В безликом холодном и сером месте. Ужас отчаяния и ощущение полной внутренней изоляции от всего живого наполнили меня: какие-то серые и бездушные существа волокли мое тело и сознание все дальше и дальше, к чему-то пустому и бессмысленному. Люди по ошибке думают, что противоположностью любви является ненависть. Но это не так. Ненависть – это очень сильное чувство. Противоположностью любви является безразличие и отсутствие интереса. Духовная смерть во сто крат хуже смерти физической. В этом сером городе я на несколько минут соприкоснулся с этой всепоглощающей пустотой и очень сильно испугался. Но явился свет, я очнулся и пришел в себя. Придя в сознание, я постарался вытравить из своих воспоминаний этот неприятный момент, и списал эти видения на недостаток кислорода и действие обезболивающих средств. Но совсем забыть это состояние не получилось, и периодически оно накрывало меня с головой, пытаясь утащить «...во тьму внешнюю...».

После операции меня специально зашили простым, не классическим швом, чтобы было проще расшивать в морге, но, к удивлению всех присутствующих врачей, я выжил. Для консилиума врачей это стало необъяснимым феноменом, а для меня вторым шансом понять, что я не хочу возвращения в серый город.

Дальше была тюрьма, где я просидел до суда три года. У меня было много времени и пытливый ум. Эти два фактора позволили мне продолжать искать то, что я пытался обнару-

жить с самого детства – четкий и понятный закон, которому необходимо следовать в этой жизни, чтобы чувствовать себя счастливым. Криминальные понятия и арестантский уклад хоть и помогали структурировать этот хаос, но отвечали только на поверхностные вопросы повседневной жизни и выживания в этом мире. А мне хотелось чего-то более понятного, простого и одновременно глубокого, и универсального. Каждый день, просыпаясь и осозная, что «Я – есмь», я тут же думал: «Я не просто «есмь», «я есмь» в тюрьме!» Все, что меня окружало – было тюрьмой! А тюрьма – это такое место, где необходимо помогать друг другу. Если там не будешь участвовать в важных мероприятиях, то можешь не выжить. Тебя жизнь выкинет за обочину, и будет еще хуже. «...Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби...» – мне нравилась эта цитата из Евангелия от Матфея, которая всякий раз всплывала в моей голове в минуты напряженных отношений в тюрьме и на зоне. И, конечно, я участвовал тут в том, что укладывалось в мои представления о правильной жизни. Тем более, что достаточно быстро мужики начали просить, чтобы я помогал им, поскольку у меня самого жить получалось неплохо. Издревле так повелось, что в тюрьме того, кто умеет жить, грузят дополнительной ответственностью за других мужиков. Здесь я не просто плыл по течению, а именно активно жил тюремной жизнью.

Уже в тюрьме я начал понимать, что в мире есть некий высший порядок. Что нами руководит что-то, пока мне непонятное и неведомое. Какой-то закон, который я искал, сколько себя помнил. И он выше всех остальных правил, которые я знаю. Я зацепился за эту идею и начал... Начал с малого – молитвы читал, утренние и вечерние. Святых Отцов стал читать, чтобы получить научение и наставление. Чтобы к моменту серьезного изучения Библии, уже быть немного просвещеннее и не ошибиться в выводах. Так я стал находить для себя ответы, которых у меня раньше не было.

А когда я приехал на зону, там была отрада – этот храм. Я повернулся и внимательно осмотрел здание храма, как бы проверяя, что он действительно существует, и это не сон. «... Вот, Я говорю тебе: ты Петр, и на этом камне Я воздвигну Церковь Мою, и силы ада не одолеют ее...» – вспомнил я слова Господа. Храм был.

Нам разрешали проводить крестные ходы. На Крещение мы окунались. Это был луч света. В храм приезжал батюшка Михаил с монахами. Этот батюшка светился и *пах* правдой и жизнью. Он был молодой и жизнерадостный. И службы, которые он проводил, были светлыми и душевными. Это была отдушина, спасавшая меня. И я понимал, что действительно есть добро, и есть зло. Есть то, что созидает и сотворяет, и есть то, что разрушает и убивает. В зоне было много негатива – но храм и молитва выручали.

Я очнулся от своих воспоминаний, понимая, что наступил вечер и начался *съем с работы*. Судя по времени, сейчас из *рабочей зоны*, отряд за отрядом, в *жилищную зону* потянутся мужики. В это время в воздухе появлялась какая-то напряженность. Какое-то человеческое электричество. И эта энергия начинала искать выход. А выход в зоне один – общение. Передача сарафанных новостей по радио «ЗК-FM». Первым мимо храма прошел Мишаня. Проходя мимо, он поймал на секунду мой взгляд и улыбнулся: «Завтра, Вань. Завтра...»

Следом за ним шел Кемеровский. Лицо и вся его фигура выражали усталость, но увидев меня, он улыбнулся мне морщинками своих глаз и почти беззвучно сказал: «Братуха... Завтра», – и еле заметно кивнул головой. У меня не было повода не верить им, но доверие – это такая штука, которую нужно еще достать откуда-то из глубины. А для этого я должен был дожидаться самых главных и близких, и именно от них это услышать. Первым пришел Сашка Юдин. Он был очень кротким и верующим человеком. Поэтому он смиренно, не показывая свои эмоции, перекрестился на храм, и сухо и осторожно сказал мне: «Наверное, завтра, Вань». Я кивнул ему в ответ и молча проводил его взглядом. Я верил Сашке, но мне не хватало самой малости. Я ждал самого главного – Серегу Максименко. Его я увидел издалека. Эту здоровую мужскую глыбу, которая, не спеша приближалась ко мне. Он не выглядел мускулистым боди-

билдером. Он просто был здоровым по своей природе. Настоящим русским мужиком, крепким телом и духом. Когда он, как айсберг, навис надо мной, я посмотрел на него снизу вверх, потому что он был выше меня на голову. «Завтра, – сказал он утвердительно, глядя твердо и уверенно мне в глаза. – Завтра наша жизнь изменится навсегда». Мы крепко обнялись, чувствуя ликование во всем теле.

– Двенадцать лет я ждал этого! – прошептал я, сдерживая эмоции и чувствуя, как колотится мое сердце.

– Я знаю, Вань, – ответил он и посмотрел в небо. – Чувствуешь, как будто даже солнца больше стало? И греет сильнее!

– Слава Богу! – ответил я, не находя других слов.

На вечерней службе было намного больше народа, чем обычно. Службы мы старались проводить согласно канонам, установленным церковью, и совмещать их с режимом: утренняя служба была после *утренней проверки*, а вечерняя проводилась после проверки вечерней. По субботам мы читали молебны за упокой. Службы в обычные дни проводили заключенные – я, Сашка, или Серега. Мы старались вовлекать побольше людей. Можно было просто прийти, постоять, послушать. А можно было поучаствовать. Когда люди участвуют, читают молитвы по очереди, то начинают задавать вопросы. Начинают узнавать больше о церкви и читать книги. Тут то и начинается их духовная жизнь. В голове и душе появляются новые принципы, выходящие за рамки личного эгоизма и наставляющие сверять свои мысли и поведение с высокими требованиями веры.

Обязательным в начале службы был звон колоколов. У нас их было пять. Колокола – это радость души. Когда звонят колокола, душа ликует. Даже мусульмане кайфовали от этого. Очень редко бывало, что мы не звонили. В такие вечера зона волновалась. Звон колоколов был сигналом и символом, что все идет по установленному порядку. В этот вечер мы звонили сильнее и дольше обычного. После службы я нашел Серегу и так посмотрел на него, что он все понял без слов.

– Иван, не *мороси*. Завтра все точно будет. Без *базара*. Можешь готовить баул.

У Сереги был близкий, который был приближен к главному, сообщавший ему достоверные сведения.

– Да, у меня давно все готово. Но перебрать его еще раз стоит.

– Я даже перед *этапом* так не волновался, как сейчас, – я пожал ему руку, закрыл храм, и мы пошли в жилую зону к баракам, чтобы подготовиться к завтрашнему дню.

Я зашел в *кантерку* и забрал оттуда свой *баул*. Нужно было еще раз все пересмотреть и подготовить вещи самым тщательным образом. «Что значит собраться для *зека*? – задал я себе мысленно вопрос, и тут же сам на него ответил. – Это значит, что все его вещи, все, что у него есть, он должен унести с собой: от спичек с иголкой до одеяла и, возможно, даже любимой подушки. Нужно постараться собрать и разместить в бауле все вещи, которые могут пригодиться в дороге. А дорога может быть длинная!» Я стал аккуратно выкладывать вещи на *шконку* и раскладывать их ровными рядами. Здесь были мыльно-брильные принадлежности, вакса, щетка для ботинок и сами ботинки. Трусы, майки, носки... Одежда, вплоть до фуфайки и шапки, чтобы не мерзнуть и не болеть. Я вспомнил тюрьму и стал про себя комментировать воспоминания: в камерах окна всегда открыты, особенно ночью. Ночью они превращаются в *дорогу* с веревками, натянутыми между камерами, по которым идет тюремная почта. От записок до *ништяков* каких-то. Поэтому, по возможности, должно быть все, что согревает и сохраняет жизнь и здоровье. Я нащупал особый пакет в сумке и достал его на свет божий. Чай! Чай обязательно! Без чая не существует ни одного зека. Потому что чай – это источник витаминов и антисептик, который лечит болезни. За чаем же происходит заживление ран душевных. За чаем ты мечтаешь о доме и вспоминаешь хорошее из прошлого. Кружка чая с утра согревает и наполняет теплом. И если у тебя в бауле нет чая, то какой ты зек... Ты *чухан* какой-то.

Откуда ты, если у тебя нет чая? Еще сигареты! Да, сигареты всегда должны быть, на несколько дней вперед. Даже если не куришь, сигареты – это валюта, как и чай. Они никогда не бывают лишними. Мысленно, по давней привычке, разговаривая сам с собой, я рассматривал вещи, разложенные передо мной. Все ли я собрал?! Кружка, ложка, тарелка. Всякие нужные штучки: баночки, скляночки, пакетики. Обязательно пакетики! Чтобы что-то зафасовать, что-то запечатать, если что-то нужно будет провезти тайно. Все это необходимо. И так, по мелочи, всегда набирается баул! Минимум баул... А то и два. Я стал аккуратно, вещь к вещи, складывать свои пожитки обратно в большую сумку установленного образца, пошитую на *промке*. Вообще зек без баула – это не зек! Это непуть какой-то, неспособный ни на что! Потому что, если у тебя нет порядочного баула, то ты замерзнешь и умрешь с голоду. И чем строже режим, тем важнее баул, со *шмурдяком*, нажитым по тюрьмам, этапам и зонам. Иногда люди месяцами по этапу катаются, а некоторые годами. Я огляделся по сторонам и увидел обычную жизнь барака. Барак никогда не спал. Ночью, на строгом режиме, и происходят основные движения.

Чем отличается строгий режим от общего? Да просто серьезностью подхода к заключенным. На общем можно *проканать*, так или сяк. Там все попроще. Общий режим еще болтает, как сороки. Строгачи более сдержанны. Тут слова уже весят. Ну, как правило, строгий – это от десятки и выше, плюс-минус. На строгом все тяжелее. Передачи получаешь реже – всего раз в три месяца. Так что каждая мелочь имеет значение! Потому что тебе надо протянуть до следующей передачи. А может быть такое, что тебя лишат передачи, и нужно будет тянуть уже полгода. Ты должен быть готов ко всему. Без магазинов и банковских карточек. Без возможности пойти купить, что нужно. Все достается с трудом и имеет особую ценность. Поэтому отношение к вещам и баулу соответствующее. Отсюда эта щепетильность и бережливость. «Потому что в бауле вся твоя жизнь!» – убедительно сказал я вслух, сам не замечая того. Осекся, замолчал и продолжил про себя, застегивая замок на бауле: и это происходит не один день. Не два. Не месяц... Это происходит годы! Десятки лет! Это въедается в тебя до автоматизма. Твой баул – это часть тебя. Твоя квартира и твой счет в банке. Вся твоя жизнь в этом бауле. Сверху я положил собранные за годы книги и отнес сумку назад в каптерку.

Видимо, устав от напряжения многодневных переживаний, вырубился я в тот вечер очень быстро. Качественно, практически без сновидений проспав, я проснулся до подъема, заварил и попил чая с семейниками: Серегой и Сашкой. После обычных мероприятий: зарядка, проверка – прошла информация, что на промку мы сегодня не выходим.

– Это конечно нонсенс, – отхлебывая чай из *чифирбака*, негромко сказал Сашка. – Ладно, нас не вывели на работу. Но что бы подхоз не вывели, это просто фантастика! Бедная наша животиная сегодня останется не кормленная с утра.

– Сегодняшнее событие это навроде землетрясения, или извержения вулкана, – кивнул Серега и улыбнулся.

– Ну, что братва? Двинули? – поднялся я, широко улыбаясь, слыша, как *отрядник* стал подавать команды на выход и общее построение.

Перед выходом из *локалки* каждый отряд проходил через *шмон*. За почти десять лет нахождения в зоне, я видел сотни досмотров, но в этот раз нас пропустили через царь-шмон! Каждого из нас досматривали двое сотрудников с металлоискателями и средствами обнаружения *запретов*, буквально раздевая до трусов. От сотрудников следовали короткие и четкие команды, которые необходимо было выполнять. Во время шмона встречались два человека, по сути своей, ничем не отличающиеся друг от друга. Кроме одной простой вещи – власти! Полномочия и права, данные контролеру государством, в десятки раз превышали права другого. И именно эта власть, давала право одному человеку приказывать другому. Но власть – это всегда внешний фактор. Пока еще не придумано способа залезть в душу заключенного... Очередь дошла до меня и я, повинувшись командам, стал подвергаться обыску. Согласно требованиям, на мне не должно было быть ничего железного: ни булавки, ни заколки, ни ремня.

Сотрудники прощупывали меня своими умелыми пальцами и руками, снимая кепку и проверяя волосы. Они проверили каждый сантиметр моей одежды: воротник, рукава, штанины и полностью обхлопали тело. Заставили снять ботинки и показать, что в них ничего нет. Тщательность досмотра говорила о невероятной важности готовящегося мероприятия. Особенно тщательно и долго проверяли тех, кто был склонен к противоправным действиям и неповиновению администрации. С самого начала стало понятно, что вся процедура затянется надолго. Но мне было все равно. Я знал, что меня ждет после этого и внутренне даже получал удовольствие от растянувшегося процесса.

Как правило, все передвижения заключенных происходят в строю и в сопровождении сотрудника, поэтому общение, между нами, часто тоже происходило в строю. Говорить в такой ситуации необходимо лаконично и так, чтобы контролер не докопался до слов и вообще не понял, о чем идет речь. Слова должны быть четкими, значимыми и весомыми. Заключенный строгого режима – это спартанец. Он конкретен и максимально немногословен. И там, где слово можно заменить жестом или мимикой, это делается автоматически.

Было часов одиннадцать, когда нас вывели на общий плац и выстроили по отрядам. Пока мы ждали и по-тихому общались, а сотрудники досматривали последний отряд, раздался гул летящего вертолета. Мы, как обычно, стояли вместе с Сашкой и Серегой. Каждый из нас задрал голову, пытаясь рассмотреть это невиданное чудо, которое приближалось к нашей колонии.

– В зоне сядет? – предположил Сашка.

– Места маловато. Да, и вторая зона через дорогу. Они в обе пойдут.

– Значит, в деревне, – подвел итог Серега, и я кивнул ему в знак согласия.

От двойных ворот и двух *локалок*, до плаца, на котором мы стояли колоннами, было метров пятьдесят. Живя в тюрьме и лагере, ты привыкаешь к тому, что вокруг замкнутое пространство, из которого нет выхода. Ни одного. Вокруг тебя всегда есть стены и заборы, которые ограничивают твой мир. И единственный выход из этой клетки – это ворота. Массивные, железные и давящие своей массой на психику. Въезд в зону устроен таким образом, что ворота имеют систему шлюза. Когда открываются одни ворота, чтобы впустить машину, то вторые обязательно закрыты, и они не откроются до тех пор, пока не закроются первые. Все это сопровождается специальными шумовыми эффектами: визгом сигнализации и скрипом самих ворот, напоминающих врата древних крепостей и цитаделей с их ржавыми цепями и заклепками. В этот день мы стали свидетелями чуда, которое не происходило никогда. Мы услышали характерный звук открывающихся ворот и увидели, как обе массивные створки одновременно поехали в стороны, полностью открывая путь на волю. Краем глаза я заметил лицо лейтенанта – сотрудника оперчасти, который стоял к нам ближе всех. Рот его медленно открылся, и он с испугом стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, побежим мы в ворота сейчас или через минуту? По рядам заключенных прокатился невнятный гул. Вид настежь открытых ворот был настолько поразительным, что все семьсот человек смотрели в этот просвет, как на лифт в райские кущи, не понимая любоваться этой картиной маслом, или воспользоваться ситуацией?!

– Ни хуя себе! – услышал я чей-то вздох сзади. – А так можно было?

«Лишь бы какая-нибудь перхоть не ломанулась, – подумал я с испугом, оглядываясь на заключенных и ворота. – Если сейчас кто-то побежит, плакала моя мечта!»

– Спокойно, Ваня, – твердо сказал Серега, видимо прочитав в моих глазах желание броситься к этим воротам и защищать их грудью от желающих в них проскочить. – Они знают, что делают.

Не успел он договорить эту фразу, как в ворота зашли два ничем не примечательных человека, по повадкам которых было понятно, что лучше всем стоять как приклеенным и не дергаться. Когда долго сидишь в тюрьме, начинаешь интуитивно, по малейшим деталям чувствовать людей и то, что они из себя представляют. Эти хищники пахли силой и смертью.

Вслед за этими двумя в ворота не спеша въехал светлый микроавтобус и остановился посередине плаца. Когда он проехал, я увидел второе чудо. Ворота зоны строгого режима, так и остались открытыми настежь.

– Ты это тоже видишь? – спросил я Сашку, стоявшего рядом.

– Собственными глазами.

– Какое-то чудо Господне! – добавил Серега.

В груди на мгновение возникло такое чувство, какое у меня было в детстве, когда заканчивался страшный фильм. Я называл его «страшно-интересно»! Дверь в микроавтобусе открылась и из нее легкой, уверенной походкой вышел герой Российской Федерации, герой Донецкой Народной Республики, герой Луганской Народной Республики Евгений Викторович Пригожин. Одет он был в простую военную форму. Выглядел так же, как на роликах, которые мне показывал Серега – коренастым мужчиной с тяжелой челюстью и недобрый взглядом. Он молча сделал жест рукой, показывая, что нам всем можно не соблюдать строй и подойти.

– Подходите ближе, – сказал он голосом человека, имеющего власть и полномочия. – Не ссыте, сегодня можно не по режиму.

Оглядываясь на администрацию в ожидании привычных выкриков и наказаний за нарушение правил, мы, ломая построение, собрались вокруг него. Выкриков и команд, останавливающих наше хаотичное движение, не последовало. Пригожин выдержал паузу, и когда толпа успокоилась, начал говорить.

– Я представитель частной военной компании ЧВК «Вагнер». Вы, наверное, уже слышали? Уже проскакивало в СМИ. Мы длительное время, почти десять лет, воевали в разных странах, отстаивая интересы нашей Родины. Сейчас пришлось воевать на Украине. У меня есть полномочия набирать в компанию любых заключенных, с любых зон, с любыми статьями и сроками. Естественно, по вашему желанию, для работы с нами. Условия работы, следующие: воюете полгода. Через полгода получаете помилование и награды. Плюс к этому... В течение полугодика зарплата сто тысяч рублей в месяц. И, премия. Так называемые – боевые. Пять миллионов рублей – «груз 200», компенсация в случае вашей гибели, по вашему завещанию тому, кому вы их отписываете... Это хорошие новости! – по рядам заключенных пробежал нервный смех. Выдержав короткую паузу, Пригожин продолжил:

– Теперь реалии. А они следующие: «*двухсотые*» – пятнадцать процентов; «*трехсотые*» – около тридцати процентов. Перевожу на русский язык. Из ста человек – пятнадцать вернутся в *цинке*. Тридцать будут ранены. Из них большая часть вернется в строй. Поэтому помните эти цифры, когда будете принимать решение, идти к нам или нет.

Трудно было представить себя среди этих цифр, да и вообще хотелось видеть себя через полгода уже с наградами и деньгами едущим домой.

– Хорошо базарит, Ваня, – прошептал мне на ухо Сашка.

– Угу, – на автомате пробубнил я.

– Вроде все складно... – продолжил он, желая разделить со мной свои мысли, как он это привык делать всегда.

– Давай после, – мягко оборвал я его мысли вслух. – Слушай внимательно. Он же нас на священную войну зовет. За свободу и Родину!

Сашка замолчал, а Евгений Викторович продолжил вбивать в наши головы информацию своим голосом-кувалдой:

– Теперь о самой компании... Мы были вне закона много лет. Есть статья за наемничество. В интересах Родины, мы *цепушили* в разных странах правительства. Делали перевороты и выигрывали войны. За то время, пока мы были военизированной ОПГ, с танками и самолетами, сложился определенный кодекс, который немного отличается от законов Российской Федерации. В рамках этого кодекса мы живем только на войне, – он оглядел всех своим тяжелым, сверлящим взглядом из-под нависшего лба и продолжил:

– Есть три греха, за которые мы расстреливаем на месте. Грех номер один! Это дезертирство. Никто без приказа командира не дает заднюю. Все выполняют общую задачу. В этом залог успеха нашей компании. Грех номер два – это алкоголь и наркотики. В любом виде и в любом количестве. В зоне боевых действий их употребление карается так же, как и грех номер один. Пока вы с нами, вы в зоне боевых действий. И грех номер три – это *мародерка*. Вы убиваете противника, и он ваш. Забираете все что угодно вместе с жизнью. *Мирняк* не трогаем. Сами к себе относимся с уважением, сохраняя свое лицо. Пальцы с кольцами не отрезаем, зубы золотые плоскогубцами не вынимаем. В сексуальные отношения с мирняком не вступаем. Ни с мужчинами, ни с женщинами. Ни с крупным, ни с мелким домашним рогатым скотом.

Большая часть заключенных засмеялась. Пригожин был дипломатом и понимал, с каким контингентом имеет дело. Шутка была пошлой, но понятной для большинства мужиков, и немного сняла напряжение.

– Кто нам нужен? Конечно, вы все молодцы. Нужны все, но идеальный кандидат для нас это... Илья Муромец со строгого режима, судимый не в первый раз.

Я оглянулся на своих семейников и быстро прикинул, что мы подходим. Хоть Серега и был меня старше, но легко мог бы уделывать любого тридцатилетнего. Пригожин, тем временем, перечислял необходимые достоинства для кандидатов, понимая, что на строгом много возрастных заключенных:

– Это двадцать пять – сорок пять лет от роду. Крепкий, уверенный в себе зек, отсидевший от десяти, до пятнашки и более. Желательно не раз за убийство, тяжкие телесные, разбой и грабеж. Если администрацию или ментов отпиздил, то тем более! – подлил он елея в арестантские души, натерпевшиеся за годы заключения.

– Нам нужны ваши криминальные таланты! Я сам отсидел десятку, прежде чем стать героем России... Благодаря своим талантам, которые мне очень помогают в жизни. Уверен, что у каждого из вас их намного больше! Теперь – кого мы не берем. Не берем никакие виды *опущенных*, чтобы вам было уютно воевать в вашем коллективе. Мы чтим и соблюдаем все понятия. Не берем маньяков и насильников, если это не явная подстава. И к наркотической *статье 228* относимся с осторожностью.

Говорил он еще минут десять. И, хотя использовал витиеватые матерные обороты, направлены они были в души и умы заключенных. Это был и современный Степан Разин, который обращался к вольным казакам, призывая их в поход, и товарищ Сталин, который в минуту опасности для страны, неожиданно, вместо привычного «товарищи», обратился к народу: «Братия и сестры»! Евгений Викторович был наш. Он знал, что нужно заключенным и понимал, что мы хотим услышать. С первых же его слов стало ясно, что он глубоко в теме тюремной жизни и войны. Заключенного, который только и выживает за счет интуиции и умения распознавать *фраеров* и прочих *фуфлыжников*, трудно обмануть. Пригожин не просто вызывал доверие, он заряжал своей непоколебимой уверенностью в правильности выбранного пути. Он не агитировал, не обещал золотые горы, не *ссал в уши*, он говорил правду: «...Да, вы можете погибнуть. А может, навсегда обелите свое прошлое и создадите будущее для себя и своих детей. Можете перестать винить себя и опускать глаза перед родными и близкими. Вы можете вернуть доброе имя и уважение к себе, независимо от предыдущих грехов и вашего положения. Вы можете применить свою отвагу, дерзость и агрессивность в нужном русле...».

Он давал нам право быть мужчинами, отстаивающими свою честь и свободу с оружием в руках. А кому это важно – заработать денег и получить награды. Он стоял от нас в пяти метрах и был уверен в себе на тысячу процентов.

– Вопросы есть? – оглядел он нас, глядя в глаза.

– А нас на пушечное мясо не *кинут*? – выкрикнул кто-то чуть правее от меня.

– Как только вы подпишите контракт с ЧВК «Вагнер», вы станете полноценными, свободными сотрудниками и ничем не будете отличаться от всех остальных. Вы будете выполнять

точно такие же функции, как и те, кто пришел с воли. К вам будут относиться точно так же. Без привилегий и поблажек. Вы будете воевать среди моих ребят, которыми я дорожу, – он говорил, не отводя глаз, встречаясь с каждым из нас глазами. – Ответил? – толпа одобительно загудела.

Ответив еще на несколько вопросов, Пригожин оглядел наши ряды.

– Ну, все. Мне пора. У меня впереди еще пять зон, кроме вашей. Рад буду видеть вас в рядах нашей компании. Ну а те, кто выберет не ехать... Это тоже понятно. Жизнь – одна. В зоне оно спокойнее и сытнее, – подбросил он напоследок дров в топку мужского и пацанского. – А тех, у кого есть настоящие яйца, мои ребята будут ждать там, – указал он на здание штаба.

Дождавшись пока за минивэном Пригожина закроются ворота, мы пошли записываться. К штабу выстроилась длинная очередь, но мне было уже все равно. Я готов был ждать тут до утра. И Саня, и Серега были со мной. До этого, конечно, я думал, что кто-то из них останется, чтобы смотреть за храмом, но посмотрев им в глаза, я понял, что разговаривать бесполезно. У каждого из них были дети и свои представления о Родине и чести. Они знали вес слов и разговаривать тут было не о чем. Запись для меня и моих близких прошла быстро. Я вошел в комнату и с порога заявил сидевшему за столом сотруднику ЧВК «Вагнер»: «Я из секретного списка. Вы посмотрите там у себя». Он с интересом посмотрел на меня, порылся в своих бумагах и кивнул головой.

– Тебе семь месяцев осталось? – я кивнул. – И для чего ты едешь? Смысл?

– У меня дед возглавлял подразделение НКВД по борьбе с незаконными формированиями на Западной Украине и погиб там в 1955 году. Похоронен там же. Хотелось бы его оттуда забрать, – чтобы долго ничего не объяснять, быстро выпалил я.

– Вопросов нет. Ты с нами, – он коротко и крепко сжал мне руку.

Вечерняя проверка в лагере начиналась в шесть вечера, и до ее начала записались еще не все желающие. Случилось еще одно чудо, и проверку перенесли. В итоге записалось нас сто восемьдесят семь человек из всей зоны, сто из которых забраковали. Хотя на тот момент меня это совсем не интересовало. Я был очень окрылен тем, что ехал на святую войну и мог обелить свою биографию. Я чувствовал себя разбойником, которого в последний момент помиловал Иисус: «...Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю...».

С этого дня режим для нас остался в прошлом. И отношение к нам и вся ситуация в лагере поменялись. Лагерь как будто разделился на две части. Были «мы» и все остальные. Нас поселили на облегченке, предварительно выселив оттуда всех, кто там проживал. Хозяин зоны мог отдать под нас любой другой барак, но нам отдали именно этот. Облегченка – это барак облегченного режима, в котором, во-первых, кровати-шконари в один ярус; во-вторых, там два телевизора! И свое помещение для приема пищи. И, в-третьих, нас полностью освободили от любых видов работ. Делай, что хочешь. Хочешь лежи, хочешь ешь. Но главное, что поменялось, это отношение к нам администрации и сотрудников. Они стали разговаривать не на «Вы», конечно, но с теплотой и уважением. Мы как будто превратились в людей, которые больше не были преступниками.

Все занимались чем-то своим, физически и духовно готовясь к отправке. А у меня был храм. На следующий день меня вызвали в оперчасть, и я, немного волнуясь, пришел туда в назначенное время.

– Может, останешься, Иван? Кто же за храмом будет смотреть? – с ходу попытались меня уговорить оперуполномоченные.

– Там останется человек, – быстро ответил я, чтобы пресечь дальнейшие уговоры. – Можете меня даже не уговаривать. Я еду на войну!

– Мы, конечно, понимаем, что ты уже мысленно уехал, но, как говорил товарищ Сталин: «Попитка, не питка», – улыбнулся капитан.

– Может, и вы с нами? – вдруг обнаглел я, решив, что тоже могу их агитировать.

– Спасибо за приглашение. Мы подумаем, – просто ответил он и сразу же добавил. – Ладно, давай, иди, готовь своего человека. Пусть придет познакомиться.

– Хорошо... – поднялся я со стула и надел кепку. – Вопрос есть.

– Говори.

– Нам бы службу провести. Перед отъездом. И братья мусульмане тоже просят муллу пригласить, внеурочно.

– Дело понятное. Позвоним им. Удачи тебе, Иван.

– Спасибо. И вам всего хорошего, – попрощался я и вышел.

Пока мы собирались в дорогу, нам готовили документы. За три дня сотрудникам было необходимо подготовить и оформить огромное количество бумаг. На третий день к нам приехал отец Михаил, и мы провели очень душевную службу, на которой были не только заключенные, но и сотрудники. То ли от эйфории, то ли от торжественности момента, мне казалось, что голоса наши звучат более искренне и ярко. Я смотрел по сторонам и видел в каждом из заключенных, стоявших на службе в храме, Опту. Раскаявшегося главаря разбойников из Козельска, принявшего монашеский постриг и заложившего фундамент Оптиной Пустыни. Слова молитвы Оптиных старцев часто поддерживали и направляли нас в начале дня: «Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого, не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь».

После службы мы вышли все вместе с батюшкой на нашу аллею, которую заложили в честь «Воинов, павших за Отечество», и еще раз получили от него благословение. Дождавшись, когда все выйдут из храма, один из контролеров, сделал шаг вперед и попросил слово. Мужики молчали, ожидая, что он скажет.

– Мужики... Я, от лица всех сотрудников колонии, хочу поблагодарить вас за ваш выбор и ваше желание защищать Родину, – начал он немного официально. – А проще говоря... Простите нас, если кого обидели, вольно или невольно. В общем, такое дело. Если что, не помните недобрый словом.

Мы стояли напротив сотрудников в тени нашего храма и смотрели в глаза друг другу. Длилось это буквально несколько секунд. Молча, кивком поблагодарив друг друга, за понимание, мы почувствовали себя свободными людьми. То, что сделал контролер, было не по уставу, но очень по-человечески.

– Иван, а ты кого за себя оставишь? – спросил у меня отец Михаил.

– Да хотел вон Сашку... Так он тоже записался, – он молча улыбался, слушая, как я отчитываюсь за него. – Двое детей говорит. Хочет для них будущее подчистить.

– А второй Ваш помощник? Сережа.

– Так и тот тоже, записался. Есть человек один, я его подготовил.

– Ну, на все воля Божья. Разберемся как-то, – перекрестил нас батюшка и, попрощавшись, уехал.

Двадцать первого сентября, в день Рождества Богородицы, в четыре часа утра, мы поднялись и потянулись со своими баулами к шлюзу. У шлюза нас встречало все руководство колонии.

– Ну, что мужики... – начал хозяин зоны. – Благодарим вас за ваш выбор! Что не посрамили нашу колонию и добровольно пошли выполнять свой долг. Не подкачайте. Спасибо вам.

– И вам спасибо. Не поминайте лихом...

Вчера у храма и сегодня у шлюза я увидел всю суть православной души. Еще неделю назад мы были врагами, которые с огромным недоверием и затаенной ненавистью относились друг к другу. И вот прошло несколько дней, и наше решение пойти на войну убрало все наносное и лишнее. Сдуло и с нас, и с сотрудников все ненужное. Поставило нас всех в один ряд перед лицом смерти и опасности и очистило нас до состояния ближнего – подумал я, вспоминая притчу Иисуса о добром самаритянине.

В шлюз заехал автозак, и мы стали загружаться в него, в привычном режиме. Но даже окрики конвоиров были какие-то добрые и почти формальные:

– Фамилия?

– Иванов Иван Иванович. Статья такая-то, часть такая-то.

– Пошел!

– Фамилия?

– Ибрагимов Ибрагим Ибрагимович. Статья такая-то, часть такая-то.

– Пошел!

Все восемьдесят семь человек, которых отобрали представители ЧВК из нашей зоны, запахнули в две машины, и мы тронулись. Мне было все равно, что эти машины рассчитаны на меньшее количество человек. Нам было не привыкать. Мне, конечно, не хотелось получить увечья и остаться инвалидом, но смерти я на тот момент не боялся. Я уезжал на войну. От тоски, злости, стыда и своего прошлого. И наше особое положение чувствовалось даже в машине.

– Как дела, мужики? – спросил конвоиров кто-то из заключенных.

– Да, ничего, но подустали... – по-простому ответил один из них.

– А чего устали?

– Вторая ходка уже, а нам еще третью делать. Сейчас еще к нам с «копейки» машины присоединятся и поедem.

– И много нас уезжает? – не надеясь на ответ, спросил я.

– Тысяча сто девятнадцать человек с нашей ветки, – легко и по-доброму ответил конвоир.

– Мордовия не подкачала.

– Курить можно? – ради прикола спросил мой сосед.

– Курите, чего уж там... – с грустью в голосе ответил старший конвоя.

– Чудны дела Твои, Господи!

Ехали мы долго. За это время, наверное, можно было бы долететь из Калининграда в Хабаровск. Не могу сказать, что в дороге мы спали... Так, кемарили, по-тихой.

Этап – это изматывающая дорога. «Не каждый военный так перенесет этап, как зеки», – думал я, закрыв глаза. Мы действительно привыкшие, но сил на разговоры не было. Да и вообще, заключенные со строгими словами разбрасываться не любят, поэтому мы чаще дремали.

Несмотря на пониженные дисциплинарные требования к нам со стороны конвоя, по дороге не произошло ни одного инцидента. Такого братства и единства я не встречал за все отсиженные годы. Обычно на этапе обязательно находилась какая-то *чесотка*, которая все портила и создавала проблемы. А сейчас мы ехали, сидя друг у друга на головах, понимая, что мы выше того, что нас волновало еще недавно. Мы ехали на войну. Мы ехали за новой жизнью. Мы знали, что многие, может быть, не вернутся, но не в этом было дело. Почти каждый ехал

за чистой биографией, почти каждый ехал, чтобы обелить себя и своих родных. Чтобы они больше никогда не страдали. Не знали, что такое очереди для передачи и свиданки. Чтобы не знали, что такое стыд, когда говоришь родственникам о своем сыне, брате, или муже. Это придавало смысла и сил.

Выгрузились на военном аэродроме, на котором стояло два борта с включенными двигателями. Мы не попали в первую волну, и «самолеты, с серебристым крылом» взмыли в небо без нас. Мы остались ждать. Ждать для зека – это самое привычное состояние из всех, какие можно представить. Конечно, среди нас были нетерпеливые, но нетерпение было уже другим. Оно не тяготило. Оно было радостным.

– Далеко не расходитесь, – последовала скорее рекомендация, чем команда от конвоиров.

– Прикинь, Сашка?

– Что?

– Нас тут человек шестьсот взрослых преступников. В основном строгаши с тяжелыми статьями.

– Да... Раньше бы, если бы нас так привезли, тут бы рота уфсиновцев стояла в оцеплении по всему периметру, – оценил ситуацию Серега. – А тут пару человек всего на горизонте.

– Сечешь фишку? Нас тут толпа, а они нам просто: «Далеко не отходите».

Через несколько часов ожидания из мохнатых туч по очереди зашло на посадку два грузовых военных борта, и, пока они оперативно дозаправлялись, нас стали грузить в обширное брюхо этих кашалотов. «...И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи...», – с блаженной улыбкой вспомнил я приключения пророка. Нас, словно десантников из передачи моего детства «Служу Советскому Союзу!», стали закидывать наверх по трапу и рассаживать по креслам.

– Думают, мы сами не справимся, мужики? – кричал рядом бодрый мужик не из нашего лагеря. – А мы-то привыкшие.

– И не на такие этапы катались, – подхватил его выступление шуплого вида зек. Не успел он договорить фразу, как его схватил за баул и, как поролонового, забросил наверх по трапу молчаливый «вежливый человек» в форме.

– Давай быстрее! Следующий!

Нас по-быстрому закидали в самолеты, и борта стали выруливать на взлетку. Я с Сашкой и Серегой оказался на втором этаже и с удивлением оглядывался по сторонам.

– Смотри ты! Прямо как в Доминикану, на втором этаже. Эксклюзивные условия, братва. На войну в бизнес-классе! Серега, ты бывал в Доминикане? – с улыбкой спросил я.

– Это где такая зона? – озадаченно ответил он.

– Да неважно! Доминикана – это как Куба! Остров свободы! Все! Мы вырвались!

– Да. Еще утром был в зоне... А сейчас лечу, – пытаюсь перекрыть рев двигателей, сказал Сашка и нежно погладил ручки самолетного кресла, как будто проверяя его реальность. – Мы не проснемся обратно в зоне?

– Нет! – ушипнул я его. – Мы, конечно, еще в робе, но мы уже не зеки! Мы – братья по оружию! И воевать мы будем не хуже, а лучше всех! А почему? А потому что нам терять нечего, кроме своей жизни. Умный мужик, этот Пригожин!

– Шоколадку будете? – спросил Сашка, вытаскивая плитку из кармана.

– Как ты это делаешь?! – удивился я. – Где ты ее взял?

– Так... Завалилась, – спокойно ответил он, разламывая ее на три ровные части.

Мы, как три великовозрастных ребенка, сидели в ряд на сидениях в самолете, который нес нас в наше будущее, и жевали вкусный шоколад. Периодически я поглядывал на них, и мне становилось теплее. Что могло греть больше и лучше, чем два надежных человека, с которыми у меня были общие планы и ценности, общий взгляд на жизнь и наша вера. Это было состояние, которое не требовало слов. До подсадки у меня был знакомый, с которым, как и с ними, я был

на одной волне. Бывало, он приезжал ко мне, я выходил, садился в его машину и закуривал. Он тоже закуривал, и мы молча курили в тишине, слушая радио. Докурив, мы так же молча жали друг другу руки. В конце он неизменно говорил одну и ту же фразу: «Хорошо посидели. Спасибо, Иван». Сашка открыл глаза и уставился на меня.

– Ты чего лыбишься, Иван?

– Радостно мне. Душа ликует!

– На войну же едем?

– По сравнению с моей прошлой жизнью... По сравнению с тем, что я натворил... Война – это праздник. Освобождение!

– Забыл тебя спросить. Хотел все, да забыл... Ты матери-то сказал?

– Грешен. Соврал... Вернее, недоговорил, – посмотрел я ему в глаза. – Понимаешь... Соврал, но не совсем. Сказал матери, что отправляют на исправительно-трудовые работы. Окопы копать, в Луганск.

– Поверила?

– Спросила: «Точно не на войну?» А я ей: «Мам, да кто нас там на войну-то пустит?» Она говорит, что в интернете видела. А я ей: «Да что ты веришь кому-то?! В интернете все что угодно напишут! Зеков пустят на войну?! Ты слышала закон такой?» Она говорит: «Нет». «Ну и все!» Брату тоже по *ушам проехать* хотел, но брат меня сразу *спалил* и сказал: «Ты походу на войну!». Спросил: «К вам Пригожин приезжал?». Я говорю: «Нет». В общем, спорить он со мной не стал, но я так понял, что он мне не поверил.

– А я своим сказал, как есть. Чтобы уж знали, если что...

Тюрьма давно научила меня, что нужно отсекай вещи, которые могут мне навредить. Казалось бы, чем может навредить общение с близкими и друзьями? Когда ты привязан к кому-то, то попадаешь на крючок этих переживаний. И знаешь, если ты не позвонишь вовремя, то мама будет сильно переживать там, дома. А в тюрьме с тобой может случиться все, что угодно. Поэтому я давно стал отучать родных от регулярных звонков и постоянного общения. Потому что в тюрьме нет ничего опаснее того, что может тебя сломать. А что сильнее привязанности к близким?

– Ладно, после прощения попрошу, – пообещал я себе и Сашке.

– Бог простит, Ваня. Бог нас всех простит.

Я знал много молитв. Я читал утреннее правило. Читал молитвы, обращенные к Богородице и к Господу. Но сейчас мне захотелось прочитать свою любимую молитву. Я закрыл глаза, обратился внутрь себя взглядом и стал про себя читать: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша».

2. Гаврош. 1.0. РВ – разведвзвод

Я работал на дальнем направлении, когда узнал, что российская армия зашла на «*хохламу*». Сказать, что я был удивлен – это, мягко говоря, ничего не сказать. В то же время у меня практически сразу возникло непреодолимое желание по окончании работы выдвинуться туда.

Ситуация на войне быстро менялась. У нас не было полного доступа к информации ввиду запрета на гаджеты внутри компании, но по отдельным слухам, которые мы обсуждали с пацанами с Донбасса в моем отряде, складывалось впечатление, что меняется она не в нашу пользу. Буквально через пару месяцев мы узнали, что компанию пригласили поучаствовать в мероприятии на Украине. Туда отправились один за другим сразу три отряда, но к моему сожалению, отряд, в котором работал я, не попал в эту отправку. С утра я пришел в палатку командира нашего взвода, решив обсудить возможность поехать в Украину. Выслушав меня, он коротко ответил: «Базара нет. Иди к командиру отряда». Командир и штаб располагались в вагончике, куда я и направился.

– Привет! – как обычно вежливо поздоровался я с командиром и старшиной, который находился при штабе.

– Здорово, – они по очереди пожали мне руку. – Случилось чего?

– Нет. Просто... командир взвода сказал, чтобы к вам шел... – немного замялся я, думая, как лучше объяснить свое желание. – Короче, я с Донбасса. И хотел бы поехать на ближнее, в те отряды, которые туда уже зашли. Тем более, я там в ополчении три года воевал до *конторы!* – привел я неоспоримый аргумент.

– Ясно... – лицо командира сделалось грустным, и я понял, что легко уехать не выйдет. – Вы как сговорились. Перед тобой, вон, Гонг приходил. Тоже просился. Теперь ты. А тут кто бабанаков гонять будет?

– Да и с бортами сейчас проблема... – поддержал его старшина.

– Так я же не говорю, что прямо сейчас меня отправляйте, – решил я использовать обходной маневр и договориться с ними о перспективах.

– Ну, сразу бы тебя никто и не отправил. Нам завтра на задачу выдвигаться на пару недель, – сделал командир лицо кирпичом. – Давай так... С задачи вернешься, и мы еще раз поговорим про это.

– Принял, – кивнул я и, по-военному развернувшись, почти выскочил из вагончика, чтобы не показать им свою радость.

На следующее утро мы погрузились в вертушки и вылетели для выполнения поставленной боевой задачи. В процессе ее выполнения я сломал одну из костей кисти руки, пытаясь добыть разведданные из упрямого бабанака. Меня хотели эвакуировать, но я отказался и оставшуюся неделю пробегал с рукой, напоминаяшей боксерскую перчатку. По возвращении на базу мне наложили лангет и пообещали эвакуировать в госпиталь на большую землю для прохождения дальнейшего лечения. С бортами действительно была проблема, и волшебные слова «Гаврош, готовься на эвакуацию!» я услышал только через несколько недель. Гонг за это время уже успел улететь, написав мне, что теперь работает в седьмом штурмовом отряде, куда зовет и меня. Он, как и я, несколько лет до работы в конторе воевал в ополчении и имел к персонажам, незаконно захватившим власть в Украине, свои вопросы.

Я забежал к нашим мужикам, с которыми успел сдружиться, чтобы попрощаться, но в голове крутились мысли, что надо сделать все возможное, чтобы перевестись в те отряды, которые уже работали на Луганском направлении. Туда, где я пять лет назад начинал воевать под чутким руководством моего близкого друга и командира Сани Марилова, с позывным Морпех. Именно он меня и затащил в ополчение после службы в батальоне морской пехоты и дал

мне первые навыки настоящей боевой работы. К сожалению, в один из выходов мы попали в засаду, и Саня погиб...

Попрощавшись с мужиками, я оперативно переместился на аэродром и уже через несколько дней был в «офисе» компании, где получил полный расчет и все остальное, что мне полагалось. Вернувшись домой, я быстро привел руку в порядок и уже 18 мая 2022 года отправился на базу в Краснодарском крае. Я попросил Стрельца, ответственного за набор сотрудников по нашему отряду, помочь перевестись в отряд, который уже работал на территории ЛНР. Мы спустились на пару этажей ниже, и он начал презентацию моих великолепных качеств для Читюка, наборщика из седьмого штурмового отряда. Послушав пару его рекламных речей о том, где и кем я работал, я решил вмешаться.

– Братан, успокойся, – улыбнулся я, – тут много кто кем был. Давай так... – посмотрел я на наборщика из семерки. – Нужны люди?

– Да, нужны. Разведчики-штурмовики, – коротко ответил он.

– Я готов. Пойду, – в ту же секунду ответил я.

Через несколько дней нас, как в крутых фильмах про секретные подразделения, погрузили на автобусы без номеров и на крейсерской скорости привезли на заброшенный промышленный объект в пригороде Попасной, которую только взяли. Здесь были ребята из разных отрядов, и именно в этой точке нас должны были разобрать наши командиры и развезти по пунктам временной дислокации, согласно их местонахождению. На улице, как все в тех же фильмах про специальные подразделения, чтобы показать все тяготы жизни, шел дождь. Мы стояли под его косыми струями и слушали командира, который двигал речь, объясняя основы предстоящих мероприятий.

– Мужики, все вы, насколько я знаю, уже имеете боевой опыт на разных направлениях... – сурово взглянул он на нас, – но, поверьте мне, такого вы еще не встречали! Да, компания уже успела зарекомендовать себя, мы с вами много где достойно отработали! Но это были зачеты, а тут наша компания сдает полноценный экзамен на профпригодность в полном объеме. Боевые действия, в которых мы сейчас участвуем, – гораздо серьезнее всего, с чем приходилось сталкиваться до этого. Скажем так... Да, там тоже все было серьезно, но тут все еще серьезнее и масштабнее, – он выдержал пару секунд паузы. – Вам ясно?

Нам было ясно, но не до конца. После этого нас разделили по группам; тех, кто относился к седьмому ШО, на пикапах перевезли в Стаханов, где с нами пообщался начальник штаба нашего нового отряда, с позывным Берег. После небольшой бодрой речи он стал отбирать людей в разведвзвод. Я стоял в самом заднем ряду, поэтому решил застолбить себе место и поднял руку.

– Говори, – кивнул он.

– Я хочу воевать в разведке по своему профилю! Мне нравится это направление...

– Не, братан... – как мне показалось, скептически посмотрел он на меня. – В другие взвода тоже нужны люди.

Я немного обломался и замолчал, наблюдая, как он продолжает отбирать бойцов в разведку, расспрашивая про их навыки и опыт. Но вскоре еще раз дал о себе знать, решив не сдаваться в своих намерениях.

– Все же, я хотел бы попасть в разведку, потому что много лет работал по этому профилю.

– Номер жетона? – обернулся ко мне Берег.

– М...

– О! – сразу оживился он. – Брат... Ты с таким жетоном нам нужен среди командиров отделения второго взвода.

– Скажете – буду, конечно, – посмотрел я ему в глаза. – Просто это лучше с командиром второго взвода решить, кем я там буду. А то вы меня сейчас нарядите, я туда приеду, а мне скажут: «Типа, ты чо? Угомонись. Ты будешь тем, кем мы скажем».

– Все будет как надо, – улыбнулся он. – Выдвигаешься туда.

– Принял, – ответил я, решив, что со временем еще вернусь к этому вопросу.

По приезде во второй взвод, я стал командиром отделения и в ту же ночь выдвинулся на недавно отбитый у противника укреп. Просидев там в закрепе пару дней, мы получили приказ взять побольше **БК** и выдвигаться в помощь другому отделению второго взвода, которое уже начало штурм **опорника** недалеко от Попасной. Мне дали в помощь несколько первоходов – ополченцев из числа добровольно мобилизованных граждан Луганска, и мы выдвинулись к депо, где загрузились как выючные животные и потащили БК в сторону звуков боя.

Не успели мы пройти и пятисот метров, как гражданские, временно одетые в военную форму, начали вздыхать и ныть. Мне и моим коллегам пришлось подгонять их и частично разгружать. Мы забрали часть БК себе, но это мало помогло ситуации.

– Еперный театр, пацаны! – не выдержав, стал орать я. – Вы тут ебланите, а там другие за вас гибнут! Мужики вы или, сука, чмошники?

– Ну, шо ты сразу, чмошники... – обиделись они, но пошли бодрее.

Вскоре нам встретились двое наших бойцов, сопровождавших двух пленных солдат ВСУ. С ними был еще один наш – легкий трехсотый. «Судя по всему, опорник за нами», – оценил я картину.

Укропы выглядели как обычные среднестатистические мужики, проживающие в Украине. В них не было ничего примечательного, за что мог бы зацепиться глаз. Они не выделялись атлетическим телосложением, суровостью лиц или дерзостью взгляда. Скорее, они напоминали обычных хуторских рогулей, которых я насмотрелся еще в прошлый раз. Большинство из них относились к войне, как к заработкам, на которые они приехали. Глядя в землю, они старались не смотреть на нас, видимо опасаясь своей дальнейшей участи.

– Привет, мужики, – первым поздоровался я. – Позиция новая далеко? – спросил я, разглядывая украинцев.

– Там, дальше. Метров сто еще, – махнул один из них рукой вдоль посадки. – Заранее только пароль кричите, а то наши еще на взводе после штурма.

– Спасибо! – бодро ответил я и почувствовал привычный азарт и напряжение, которые всегда возникали у меня на **передке**.

Оставшееся расстояние мы прошли осторожно и быстро. Метров за двадцать до позиции стали выкрикивать пароль. Получив отзыв, быстро преодолели последние метры и **запрыгнули** в окопы, занятые нашими.

– Привет! – поздоровался я с мужчиной примерно моего возраста, который был старшим их группы. – Я – Гаврош. Нас вам в подкрепление прислали.

– Русак, – хмуро кивнул он.

– Какие задачи? – быстро перешел я к делу.

– Задача простая – держать правый фланг, а если немцы попрут, отбивайтесь.

Просидев сутки без дела на опорнике, я решил пробежаться по окопам и досмотреть всех двухсотых, которые находились тут. Сходяв первый раз самостоятельно, я принес несколько стволов, которые нашел на брошенных позициях, и этим увлек пойти со мной Кармана и Эткета. Втроем мы достаточно быстро осмотрели все траншеи и оставшихся двухсотых. В процессе осмотра мы нашли несколько бетонных ДОТов, закрытых изнутри. Пришлось проявлять смекалку и гибкость, чтобы забраться в них через бойницы. Внутри были двухсотые украинские бойцы, которые не успели перед смертью отпереть двери, чтобы запустить наших. Сбрав их документы, жетоны и вооружение, мы вернулись в свою **располагу**.

Следующие несколько дней по нам периодически отрабатывала арта противника, серьезно накрыв наших соседей справа. Мы вызвались помочь им вытащить в тыл трехсотых и двухсотых. Пока несколько километров тащили носилки, сами попали под обстрел.

Все эти дни мой мозг перестраивался с войны в южной стране с бабанаками на работу в родной донбасской грязи и слякоти. Я часто вспоминал Морпеха и нашу работу в самом начале конфликта на Донбассе. Тогда здесь было хорошо, нас курировали достаточно грамотные специалисты, которые передавали нам опыт диверсионной работы. Но постепенно на их место пришли странные люди, которые совершенно были не готовы к выполнению задач и больше интересовались отчетами и красивыми цифрами, чем реальными целями. После гибели моего друга я некоторое время еще пытался сопротивляться системе, которая убивала все здоровое и ценное, но, поняв бесперспективность ситуации, просто уволился.

– Гаврошу прибыть в депо! – поступила по балалайке команда от вышестоящего руководства.

«Хм, странно... Вроде пока не успел ничего накосячить...» – подумал я и, назначив старшим вместо себя Кармана, выдвинулся в сторону штаба.

По прибытии в Попасную я вылез из пикапа и стал ждать, когда меня позовут. Из подъезда многоэтажки в сопровождении двух телохранителей вышел опрятно одетый человек в хорошо подогнанной форме и осмотрел меня.

– Гаврош?

– Да.

– Заберите у него оружие! – приказал он двум бойцам, находившимся рядом с ним.

«Ебать, – только и успел подумать я. – Что же я такого натворил? Полиграф я прошел... Косяков серьезных за мной не числилось отродясь. Зацепиться ни с кем не успел... Что?» – крутились в моей голове мысли, пока я отдавал ствол и нож охране.

По предыдущему опыту я знал, что изъятие оружия в основном происходит в двух случаях: перед отправкой на контейнер, который в условиях боевых действий заменял тюрьму, и... Про второй вариант думать не хотелось.

– Хозяин. Командир отряда, – уперся он в меня тяжелым взглядом. – Расскажи о себе подробнее, – безэмоционально продолжил он.

– Да что рассказывать? – начал было я свою скромную песню.

– Че ты ломаешься? Рассказывай.

Я стал вспоминать и пересказывать ему свой карьерный путь, начиная со службы в морской пехоте и до сегодняшнего дня, перечислял подразделения, в которых служил, и занимаемые в них должности.

– Так... Все верно. Как и говорил Берег, в основном служил в разведке, – удовлетворенно кивнул он. – А разведвзвод потянешь?

– Там же вроде командир уже есть? Какие-то проблемы?

– Это не твое дело, – обрубил он мое любопытство. – Взвод потянешь?

– Да, я уже был замкомвзвода... В общем, без проблем, – обрадовался я, понимая, что моя мечта воевать в разведке сбылась.

– Вот и отлично, – кивнул он. – Верните ему оружие, – кивнул он на меня своей охране. – Возвращаешься назад, отбираешь себе ребят и принимаешь командование.

– Понял.

– Но, смотри... Ты у меня там и умрешь! – засмеялся он. – Легких задач не будет.

– Ну, что же поделать... Я сюда не склад приехал охранять.

Пока я шел назад, переживал, что мужики посчитают меня засланным казачком, который по-тихому пришел вместе со всеми, сидел с ними, пил чай, а после выясняется, что он их командир. «Ладно, разберемся», – решил я, подходя к опорнику.

По прибытии к себе я собрал всех и встретил недовольный ропот и опасения, что нас тут всех привалит одной миной.

– Мужики, мне нужно всего пять минут, – сгладил я недовольство. – Меня вызывал к себе командир нашего отряда и назначил командиром взвода разведки, – сразу раскрыл я все карты. – Для меня самого это неожиданность, но я принял это предложение.

– А предыдущий где?

– Не знаю. Может, на повышение пошел, может, еще что, но это уже неважно, – обвел я их взглядом. – Суть такова. Я с вами побыл тут несколько дней. Увидел вас в деле и понял, кто на что способен... Поэтому, как новый командир, совершу небольшие командные рокировки.

На меня смотрели десять пар глаз, которые не понимали, куда и как повернутся их судьбы под руководством нового командира, которого они толком еще не знали. Я тоже не имел о них достаточной информации, но некоторых уже успел оценить по их действиям. Люди взрослые, они обычно не нуждались в лишних указаниях, могли брать на себя инициативу и заниматься своей работой. Те, кто этого не делал, возможно были хорошими воинами, способными отлично выполнять команды, но им было нечего делать на руководящих должностях, где требовалась не только исполнительность, но и способность принимать решения и воплощать их в жизнь.

– Если кто-то будет недоволен моими решениями, я никого не держу, вы легко можете перейти в другое подразделение. Я сам был в похожей ситуации, когда в моем отряде сменилось руководство, поэтому никого осуждать не буду, – совершенно искренне сказал я, вспомнив, как со сменой начальства меня мягко выжали с руководящей должности во взводе разведки. – Давайте начнем на нормальных тонах.

Повисла молчаливая пауза. Они смотрели на меня и ждали, когда я озвучу свои решения, как игроки за карточным столом ждут раздачи карт.

– У нас по штатке должно быть тридцать четыре человека. Поэтому нам нужны три *комода*.

– Да нас всего десять рыл, – с улыбкой сказал Этикет.

– Пока да. Но это может измениться, – спокойно ответил я. – Комодами будут Русак, Карман и Беренг.

– Меня, значит, снимаешь? – процедил боец, ранее занимавший эту должность.

– Братец, извини, но я не увидел, что ты кем-то тут командуешь и за эти три дня хоть что-то сделал. Не обессудь, но комодом ты не будешь, – четко ответил я. – Работай с нами, если хочешь. Как к бойцу у меня к тебе нет претензий.

– Я подумаю... – наигранно улыбаясь, ответил он.

– А можно, я не буду комодом? – спросил меня Русак. – Я вообще командовать не хотел.

– Хорошо, брат... Но ты, как минимум, уже тут поработал. У тебя есть опыт. Потерпи малехо, пока я нового комода не найду, а там уже разберемся.

– Чем мотивировать будешь? – серьезно спросил меня Беренг.

– Ну, как минимум, это бабки за уничтоженную технику... – начал я.

– Я тут не за деньги, – сразу остановил он меня. – Я тут по зову сердца.

– Ок... Тогда можешь проявлять инициативу и, согласовав со мной, двигаться самостоятельно, уничтожая противника. Так пойдет?

– Попробуем...

– Если вопросов больше нет, то работаем дальше как отдельный разведвзвод седьмого штурмового отряда, ЧВК «Вагнер».

На следующий день мы стали толкаться вперед по посадкам, постепенно выжимая украинцев, тактику которых я хорошо изучил, воюя в ополчении. Через несколько дней на *фишку*, в которой был Русак, вышли в лоб два украинских корректировщика. В результате короткого боя украинцы погибли, а Русак стал тяжелым трехсотым; его мечта не быть комодом осуществилась. Вместо него я назначил Батагура, и мы стали продвигаться дальше.

Еще через несколько дней взвод получил пополнение и по команде руководства пошел на запад от Попасной. Мы, как и положено разведке, шли впереди, выполняя задачи штатного штурмового подразделения, к сожалению, время от времени теряя бойцов. Но на тот момент по всей стране уже набирала обороты кампания по массовому привлечению в ЧВК добровольцев, благодаря чему, на место выбывших бойцов мы практически сразу получали достойное пополнение. Жизнь моя наладилась, и я опять чувствовал себя «человеком на своем месте», занимаясь тем, что мне больше всего нравилось и лучше всего получалось.

3. Абрек. 1.0. «Железный и деревянный лес»

Наша группа, тащившая сейчас на передок, еду с водой и боеприпасы, была одной из первых, которую Пригожин забрал с зоны в ЧВК «Вагнер». Во всяком случае, нам так говорили, и знать это было приятно. Сразу по прибытии в поселок Клиновое, нас определили в группу доставки и эвакуации, видимо еще не доверяя и не понимая, как обычные зеки поведут себя в бою. Крайняя позиция нашего взвода разведки называлась «Норка». До хохлов от нее было метров триста – четыреста. Между этой «Норкой» и ближайшей точкой эвакуации мы и курсировали в течение дня по несколько километров туда и обратно. Нам удавалось сделать несколько ходок, поднося все необходимое и вытаскивая трехсотых и останки двухсотых. Бои на подступах к Бахмуту, за «Железный лес» и «Деревянный лес», шли ожесточенные. «Железный лес» на самом деле был огромной электрической подстанцией с бункерами, уходившими на несколько этажей под землю. Его штурмовали ребята из второго взвода. Он примыкал к огромному куску густого леса, которому дали название «Деревянный лес». И там, и там хохлы создали разветвленную сеть оборонительных сооружений, которые нашим приходилось штурмовать.

По рассказам раненых, которых мы вытаскивали с передка, я знал, что группы взвода разведки, под руководством нашего командира с позывным Гаврош, несколько раз безуспешно штурмовали позиции ВСУ в «Деревянном лесу». Открытое заминированное поле, заросшее неубранными подсолнухами, не давало возможности подобраться к украинцам незамеченными. Одна из штурмовых групп нашла лазейку в обороне противника, и Гаврош завел наших бойцов с торца леса. Оказавшись в тылу обороняющегося противника, они выбили его с двух, вырытых в землю и забетонированных позиций, и закрепились там.

Сегодня мы делали уже пятую ходку на передок и сильно устали.

– Давайте передохнем, – стал просить Капля.

Он всегда уставал самым первым и постоянно поднывал в дороге.

– Братан, лучше отдохнем, когда на месте будем, – урезонил я его.

– Руки уже деревянные... Я их почти не чувствую.

– Братан, давай скорее поршнями шевелить, – услышал я сзади голос Ростика, который был жилист и вынослив.

– Двигаем, пока нас не засекли и мин не накидали, – он забрал у Капли упаковку с водой и ускорил шаг.

Благо земля была сухая, и мы могли, когда это было безопасно, передвигаться по проселочной накатанной дороге, проходящей вдоль посадки. Если начинался обстрел, мы прятались в посадке, где густо росли кустарники, акации, деревья грецкого ореха, посаженные здесь еще во времена СССР для спасения полей от степных ветров.

Когда мы, пройдя обучение в лагере и показав, со слов инструкторов, неплохие результаты, ехали на передок, мы были полны сил и энтузиазма убивать и мочить хохлов. Большинству зеков, никогда не участвовавших в войне, это представлялось как легкая прогулка в стиле «Блицкриг», наподобие тех, что они видели в боевиках и фильмах о войне. В их фантазиях мы приезжали и с криками «Ура!» гнали украинских солдат в сторону западной границы. Приятно было думать, что «мы – крутые наемники»! «Вагнера – *музыканты*»! Но попав в первые два дня под обстрелы минометов, арты и танчиков; охренев от мяса разорванных тел, которые мы таскали, многие поняли простой факт – в любой момент тебя могут убить, невзирая на возраст, веру в Бога, социальное происхождение, *фарт* и личные достоинства. Не Васе, не Коле, а именно тебе, в любую секунду может оторвать ноги или вскрыть брюхо, и твои потроха окажутся у тебя в руках, как это было с первым раненым, которого нам довелось нести на *оттяжку*. Многие начали нервничать и бледнеть до дрожи в коленках.

Мне повезло. Я был наименее эмоциональным из всех и поэтому мыслей *запятисоваться* или выстрелить себе в ногу, как это хотел сделать один чудик, у меня не возникало. Напротив, помимо естественного страха от реальной и повседневной опасности, мне было интересно все, что тут происходило. Головой я понимал, что могу умереть. Но еще я понимал, что могу проявить себя. «Если я себя тут покажу, – размышлял я, – это даст мне шанс, вернуться к нормальной жизни, обелить биографию, заняться делами и забыть зону как страшный сон».

В этот день мы сделали еще две ходки, и к вечеру вся группа была опустошена физически и морально. Когда собирались тащить назад очередного трехсотого, к нам подошел Гаврош.

– Помощь нужна, мужики? – просто и без пафоса спросил он.

– Да не... – замялся Ростик. – Ты же командир.

– Это, бля, я в бою тебе командир, а тут я такой же боец, как и вы. Мне все равно в ту сторону идти за пополнением, а вы, я вижу, подустали. Давай носилки.

Именно в этот момент я понял, что все, что говорил нам Евгений Викторович, когда приезжал к нам в зону, является чистой правдой. «Наш командир взвода, без каких-то *левых понтов*, сам водит группы в штурмы и помогает выносить раненых, как простой боец. Он не смотрит на то, что мы зеки, а он командир. Он не перекладывает на других черную и кровавую работу. Он берет и делает», – с удивлением думал я, разглядывая командира.

Гаврош был спортивного телосложения. Сбитый и коренастый мужчина, примерно с меня ростом, с живым, прямо смотрящим взглядом. «Значит, где-то метр восемьдесят», – подумал я. Выражение его лица с серо-голубыми глазами было простым и жестким одновременно. Было видно, что человек он по натуре добрый и положительный, но строгий. Насколько я знал, раньше он служил в морской пехоте. Экипирован он был в обычную русскую каску и *броник*, на котором красовался сделанный от руки рисунок с надписью: «Сын Донбасса». Он, как мне показалось, с легкостью помог нам донести трехсотого, всю дорогу разговаривал с ним и морально поддерживал. На промежуточной точке он отдал носилки нашему бойцу и попрощался с нами.

– Давайте, мужики. Дальше – сами.

Мы пожали друг другу руки и побежали вперед, стараясь донести трехсотого как можно быстрее до точки эвакуации.

На следующий день, когда мы принесли БК в лес, половину которого Гаврош и компания уже забрали, я увидел его и решил, что можно попытаться сделать то, что я хотел сделать еще вчера.

– Командир? – Гаврош посмотрел на меня, выжидая, что я скажу дальше. – Вам же, наверное, нужны штурмовики? Возьми меня к себе в группу! – выпалил я, чтобы не тянуть резину. – Я же не грузчиком сюда пришел... Я, конечно, понимаю, что носить тоже нужно, но я хочу с вами в штурма.

– Когда приехал? – спокойно ответил он, глядя мне в глаза.

– Четыре дня как. Я уже привык.

– Ну что, Цымля, возьмем его? – обратился он к стоящему рядом бойцу.

– Да, раз хочет судьбу за яйца подержать, пусть идет.

– Считай, что принят. Пойдешь с нами.

– Спасибо! – обрадовался я. – Своим только скажу и назад.

Я тут же вернулся к своей группе и взял автомат.

– Пока, мужики. Я на штурм пойду с Гаврошем.

– Ты че... дурик? Мы же на подносе. Тут безопаснее, – вытаращил на меня глаза Капля. – Мы же – команда!

– Не... Вы сами таскайте, а я лучше в штурмах побуду. Подустал я носить это все, – показал я рукой на двоих двухсотых, которые лежали рядом с нами.

– А кто же их потащит? – задал вопрос Ростик.

– Не знаю. Это уже не мои проблемы. Бывайте, мужики. Еще увидимся.

Еще когда мы ехали сюда, я твердо решил не заводить тут друзей. Я не хотел знать имен тех, с кем воюю. Мне было достаточно позывных. Здесь не могло быть приятелей, здесь были только братья по оружию. Дружба – это лишние переживания. «Сегодня мы подружмся, а завтра тебя или меня убьют, или мне придется друга в бой посылать. А, может, даже на смерть! На войне дружба ни к чему», – так я решил для себя и придерживался этого. «Вот закончится все это, и мы еще вернемся к обычным жизненным моментам», – думал я, уходя от них в сторону штурмовиков.

Через десять минут Гаврош собрал группы, чтобы повести нас на очередной штурм. Я смотрел на него, слушал, как четко и без воды он давал вводные, и впитывал каждое слово. Я, наверное, был первый и единственный бывший заключенный среди них, но я не чувствовал какого-то особого отношения к себе, в связи с этим фактом.

– Значит, так... – посмотрел на меня Гаврош. – Держись сзади, замыкающим. Слушай команды и прикрывай нас огнем.

– Вперед пока не лезь. Еще успеешь, – поддержал меня боец с позывным Цымля.

– Хорошо, – коротко ответил я.

– Позывной у тебя какой?

– Абрек.

– Разбойник, значит. Ну, ну... Сам выбирал? – группа внимательно смотрела на меня и ждала пояснений. Им первый раз предстояло идти со мной в бой и, видимо, они хотели знать про меня хоть что-то.

– Да как получилось... Нам предлагали брать позывной по *погремухе* зоновской. У меня ее не было, – стал пояснять я группе ситуацию. – Ну, максимум говорили «Айко Карабахский». Так как среди армян в Одинцово несколько Айко было, которых в городе знали. И чтобы как-то различать, были там Айко Одинцовский, Айко Карабахский и Айко Боец. И когда скажали выбрать позывной, я сказал: «Давайте, Боец». Я спортом занимался профессионально. А парень, который позывные вбивал, голову поднял и сказал: «Да какой ты боец?! Ты за что сидел?». Я ответил: «Разбой». «Значит, будешь Абрек. Ты посмотри на себя. Ты же – разбойник». Все ребята подхватили: «Точно, Абрек»! Я согласился: «Абрек, так Абрек», – закончил я свой рассказ.

– Хорошая история, – кивнул Цымля.

– Выдвигаемся. Десятиминутная готовность и пойдём, – скомандовал Гаврош.

– Проинструктируй его, – кивнул командир Цымле, показывая на меня.

– Хорошо, – Цымля пододвинулся ко мне и без предисловия начал говорить, – выдвигаемся тройками, как вас учили в лагере, – он посмотрел на меня. – Учили?

– Да.

– Ты в замыкающей тройке. Идешь след в след за нами. Без самостоятельности, если хочешь подольше прожить. Понял?

– Понял, – кивнул я, понимая, что все, что сейчас происходит, очень важно.

– Выполняешь только те команды, которые отдаю тебе я. Наблюдай и учись. И под ноги смотри.

– Хорошо.

– Когда запрыгнем в окоп, держись сзади и крой верхний радиус. Может, вас этому и учили, но я повторю. Прежде чем зайти за угол...

– Кидаем туда гранату. Если это Т-образный перекресток, то кидаем две гранаты в разные стороны.

– Правильно. После этого вытащил автомат и вслепую сделал прострел. Вот так.

Цымля ловко показал, как стрелять из-за угла. В его руках автомат был, как живой, и казался естественным их продолжением.

– Прострелил и быстро выглянул. Глянул – и голову назад. Если блиндаж...

– Тоже кидаем гранату и простреливаем.

– Можно еще крикнуть: Сдавайтесь! – улыбнулся он. – Вдруг там честные украинцы. И самое главное, что?

– Что?

– В окопах ты увидишь много всякого классного шмурдяка: магазины, каски, обмундирование, броники, *трубы* разные... Ни в коем случае не хватать! Может быть заминировано. А бывает, что еще рюкзаки красивые с тротилом. Уебет, мало не покажется. Ни тебе, ни тем, кто рядом. *Усек?*

– Да.

– Ну раз усек, пошли.

В первом бою, пока мы крались по лесу в сторону опорника украинцев, я не испытывал никаких острых ощущений. Я наблюдал за действиями других бойцов и старался копировать их повадки и движения. Ребята были на опыте, и сблизившись с опорником, мы стали поливать его огнем. Две другие группы тоже стали сближаться с врагами, и не встретив серьезного сопротивления, достаточно быстро заскочили в траншеи. Наша группа, вслед за первыми двумя, подтянулась ближе, и тоже запрыгнув в траншею, пошла в противоположную от них сторону.

– Короче, – зашептал Цымля. Он был напряжен и собран, вибрируя от адреналина, как трансформаторная будка.

– Держи верх. Я иду первым. Сильно не стреляй. Как у меня *маслята* закончатся, поменяешь меня.

– Хорошо, – так же тихо ответил я.

Эти траншеи почти ничем не отличались от тех, в которых мы тренировались в лагере. Спасибо инструкторам, я выполнял действия на автомате и менялся местами с первым номером, когда от него следовала команда «Пустой!», и контролил траншею. Повсюду была слышна трескотня калашей и разрывы гранат.

Когда мы приехали из зоны в тренировочный лагерь, нас встретили два инструктора, которые и готовили нас на протяжении всего времени, что мы там находились. Мы попали в группу, которой руководили Топор и его заместитель Мишка. Мы прозвали его Мишкой за то, что он, одним из первых в ЧВК, стал носить плюшевого мишку у себя на *разгрузке*. Это были опытные *рексы*, вложившие в нас первые тактические навыки передвижения и ведения боя в окопах и городской застройке. Они сразу отделили тех, кто уже умел пользоваться оружием, от тех, кто не умел. Оружием я владел не просто неплохо, а прямо скажем, хорошо, поэтому попал в группу, которую не драчили бесполезными занятиями, обучая нас только тому, чего мы не умели. Мы думали, что Топор будет нашим командиром, и даже шутили, что набьем себе татухи: ОПГ «Топор»! Но, после прибытия в Клиновое, он куда-то *слился*, даже не попрощавшись с нами, чем сильно испортил о себе впечатление. Остальные командиры стали *подкалывать* нас: «Наверное, вы такие хреновые бойцы, что ваш командир не решился с вами в бой идти, чтобы не погибнуть. Бросил вас, потому что вы все равно подохнете». Было обидно и грустно от разочарования в человеке, который воодушевлял нас и обещал дойти с нами до края вселенной.

– Эй, не спи, – подтолкнул меня Цымля в спину. – Тут Т-образный перекресток. Ты берешь право, я – лево.

Мы бросили по гранате и одновременно прострелили обе стороны. Я выглянул направо и решил добежать до следующего поворота и *законтролить* его, чтобы быть уверенным, что там никого нет. Цымля остался прикрывать меня со спины, и я рванул. Быстро преодолев

пять метров, держа на мушке пространство впереди, не успев затормозить, я выглянул за угол. Прямо на меня смотрел украинский солдат, пытаясь вставить трясущимися руками магазин в свой АК. Время, как в фантастическом фильме, стало тягучим как мед и таким же обволакивающе-липким. Я четко видел карие глаза этого украинца, его немолодое лицо со щетиной и куском прилипшей к щеке глины, и его руки, которые все никак не могли вставить магазин в щель приемника. Если бы хохол был ученый и оставил один патрон в патроннике, он мог бы просто нажать на спуск, и я был бы мертв. Но он не сделал этого. Теоретически, я должен был выстрелить в упор и убить его, но я тоже не сделал этого.

– Сдавайся! – громко крикнул я. Он отбросил от себя автомат, как ядовитую змею, и испуганно поднял руки.

– Я... я, – стал заикаться он.

– Лицом в землю! Быстро! – схватив за ляжку разгрузки, я кинул его вперед на дно траншеи. – Цымля! У меня тут – пленный! – затараторил я, возбужденно и радостно.

– О! Ни хера себе! – сказал он, подбегая ко мне. В траншее, позади нас, уже суетилась еще одна наша тройка, двигаясь в противоположную от нас сторону. Давай связывай его, и нужно глянуть, что там дальше...

В тот день мы забрали еще два блиндажа и *зачистили* укреп от *вэсэушников*. Закрепившись и разобрав сектора обороны, мы рассредоточились по позиции и стали ждать подкрепление. Я сидел на своей фишке и всматривался в поредевшую растительность, за которой мерещилось движение, и все никак не мог выкинуть из головы этого хохла.

– Ну как ты, Абрек? – окликнул меня Гаврош, который оббегал наши новые позиции. – Слышал, ты пленного взял. Поздравляю!

– Неправильно я, наверное, сделал, что не убил его, – поделился я с ним своими сомнениями. – Не выстрелил, а должен был. А если бы он не сдался, вставил бы рожок и нажал...

– Но не нажал ведь. И сдался, – пожал плечами Гаврош. – Не парься. Тут все решают доли секунды.

– Хотя, начал вроде хорошо. Человека пожалел, – стал размышлять я вслух и тут же ясно и четко представил, как этот пленный вставляет рожок и валит меня очередью в упор. – Не... Больше я так делать не буду. Своя жизнь дороже.

– Правильно. На войне или ты их, или они тебя. Это тебе не Франция, а мы не мушкетеры, – улыбнулся командир, хлопнул меня по плечу и пошел дальше.

На следующее утро у нас был очередной штурм, который за ночь спланировали Гаврош и командиры штурмовых групп. В ЧВК «Вагнер» все делалось быстро, без лишней волокиты и бесконечных согласований. Нам был важен результат, а не формальное соблюдение замедляющих процесс правил. Гаврош вышел по рации на командира отряда – Хозяина и запросил арт-поддержку. Связь на всех уровнях была прямой и повышала мобильность и скорость продвижения.

– Договорились. Насыпем, куда вы просите. Главное, продвигайтесь бодрее. Как лес займете, на «Веселую долину» пойдем, – по-свойски пообещал в рацию Хозяин.

– Конец связи, – быстро сказал Гаврош и, подмигнув мне, отключился.

– Поздравляю тебя с первым боевым крещением. Эх, где мои молодые годы...

4. Влад и семья. 1.0. Мирные в Бахмуте

К началу октября с телефонной связью в нашем районе стало совсем плохо, но недавно я нашел место, где хоть как-то ловил телефон, и сегодня собирался набрать своей девушке Ане, которая жила с семьей у памятника «Самолет», на окраине Бахмута. Этот район номинально считался Бахмутом, но административно относился к совхозу. Дом, где она жила с младшим братом Иваном, отцом Женей и мамой Ирой, как раз стоял на границе совхоза и Бахмута. За дорогой, напротив ее дома, стояли многоэтажки, считавшиеся началом города. У Ани стабильно ловил телефон, потому что она жила ближе к Константиновке, и мы могли с ней созваниваться, делиться новостями и поддерживать друг друга. Хорошо, что была хотя бы связь и радио, потому что света и воды не было уже давно.

Свет пропал в конце лета. Сначала он пропадал периодически, когда из-за прилетов рвались провода, и мы ждали, когда их приведут в норму. Провода регулярно чинили, восстанавливая освещение и подачу воды, но после того, как были взорваны опоры линий электропередач, свет пропал окончательно, и нам сообщили, что больше никто ничего делать не будет, потому что это опасно. Прилетов с каждым днем становилось все больше, и прилетало все ближе к дому. Надежды, которыми мы подпитывались долгие месяцы, уходили вместе со светом, газом и водой. Хотя для меня и моей семьи все пошло не так с самого начала. Но тогда мы, как и все жители Бахмута, еще не подозревали, что нас ждет впереди...

Четырнадцатого февраля 2022-го года мне позвонили из военкомата и попросили незамедлительно явиться по месту приписки. Незадолго до этого я окончил техникум и еще не встал на воинский учет. В военкомате не знали, что после техникума я поступил в университет на юридический факультет, так как университет не успел вовремя подать ведомости о поступивших, и они думали, что я скрываюсь от призыва. На следующий день я явился туда и принес им справку, что учусь на очной форме и не подлежу призыву в армию. Тем не менее, мне вручили повестку и пригласили пройти медкомиссию 24 февраля 2022 года. Новость эта сильно обеспокоила и меня самого, и маму с отцом.

Рано утром, двадцать четвертого, меня разбудил далекий грохот, доносившийся со стороны дамбы, недалеко от которой жила моя бабушка Таня. Я встал и вышел в зал, где отец смотрел новости; передавали репортаж о том, что Россия вторглась на территорию Украины.

– Война? – удивился я.

– Видимо, да, – с тревогой в голосе подтвердил отец.

– А мама знает? – забеспокоился я, потому что ее не было дома.

– Да. Я ей уже позвонил в Соледар. Она скоро приедет, – растерянно ответил отец. – Да это уже во всех новостях. Российские войска уже под Киевом, Запорожьем, Мариуполем... Как говорят по всем нашим каналам: «Полномасштабное вторжение»! А российские говорят, что это СВО – специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины.

– И что мне делать? – спросил я, показывая повестку.

– Ничего, – спокойно ответил он. – Повестку кладешь на полку и никуда не выходишь из дома. Потому что уже все. Будем сидеть и ждать, пока все закончится. Уверен, это будет быстро.

Новость о войне застала всех врасплох. Вялотекущий конфликт тянулся с четырнадцатого года, и никто по-настоящему не верил, что он может перерасти в полномасштабное военное столкновение с Россией. Эту возможность обсуждали, но больше – как маловероятный слух, и мало кто придавал этому серьезное значение. Об этом, конечно, писали в разных телеграм-каналах, которые мы читали тайком, но даже в самом популярном пророссийском канале «За Бахмут» это обсуждалось, как маловероятная возможность. Все ждали, что будут очередные переговоры, и политики договорятся. Тем более, что вновь выбранный президент Зелен-

ский говорил об этом в своих предвыборных обещаниях. Но грохот вдалеке, ворвавшийся в нашу жизнь вместе с новостями со всех каналов, неумолимо говорил о том, что события пошли по худшему из всех возможных сценариев.

– Как думаешь, сколько это продлится? – спросил я отца, надеясь, что он меня успокоит, хотя глубоко внутри себя я боялся, что это надолго.

– Да кто его знает? – задумчиво ответил отец. – Может, месяц или два... Думаю, россияне быстро дойдут сюда, и все закончится.

Мы стали сидеть дома, и началась привычная нам, со времен КОВИДа, жизнь. Мы с отцом и мамой просыпались, делали необходимые дела по дому, смотрели российские и украинские телеграм-каналы, постоянно обсуждали новости и смотрели в окно на жизнь нашего двора.

– Па, смотри, вон машина грузится, – позвал я его, увидев, как к соседнему подъезду подогнали грузовичок, и несколько проворных грузчиков под руководством деловитого мужчины стали грузить в него нажитый годами скarb.

– Решили, видимо, не ждать россиян, – задумчиво ответил отец.

– Мы ведь не поедem? – посмотрел я на него.

– Мы же все решили. Сидим и ждем. Куда нам ехать?

– Наш дом здесь. В Артемовске, – твердо сказала мама. – Тебя, с твоими регалиями, – она кивнула на полку, где ровными рядами стояли мои кубки за выигранные соревнования по кикбоксингу, – точно в какие-то спецвойска заберут, в диверсанты.

– КМСника-кикбоксера точно загребут, – кивнул отец. – И меня к тебе в адъютанты, – пошутил он, чтобы разрядить обстановку.

Ехать, и правда, было некуда и незачем. Тем более, на первом блокпосту и меня, и отца забрали бы в ВСУ, так как сразу же, после начала военных действий, на улицах стали вручать повестки мужчинам призывного возраста, видимо стараясь максимально привлечь всех, кто мог держать в руках оружие. Судя по репортажам украинского *тэлэбачення*, в стране происходила массовая запись в добровольцы и отправка на фронт. В Киеве и некоторых других городах, к которым подошли российские войска, людям выдавали оружие прямо на улице. По всей Украине формировались добробаты, в них записывались тысячи мужчин и женщин, чтобы отстаивать *незалэжность*... Зеленский ездил по всему миру, его приветствовали как героя, который защищает европейскую демократию от нападков России. Никому в Европе и в США не было никакого дела до сути конфликта, который начался не 24 февраля, а много лет назад, когда произошел переворот и новая украинская власть стала бомбить Донбасс.

Вдалеке неоднократно разорвалось что-то большое, и дом несколько раз изрядно потрянуло. Я вынырнул из своих воспоминаний и размышлений. Глянув на часы, я увидел, что до созвона с Аней оставалось еще пятнадцать минут. Настроение было прекрасным, и я ждал, когда вновь услышу Анин голос, привычно расспрошу ее об их делах и поделюсь свежими новостями, которые принес наш сосед. Он, несмотря на обстрелы, взял на себя роль сталкера и ходил по городу, общаясь с людьми, которые так никуда и не уехали, и сидели по подвалам. Чтобы создать ощущение, что мы с Аней рядом, я пробежался по нашей смс переписке, в которой мы беспокоились друг о друге:

Вы: У нас тут бахнуло.

Энчик: Ух! Я слышала. Не рядом?

Вы: Та нее... Просто район.

Энчик: Походу, за вас взялись.

Вы: Ну, слышно нормально, как дрожит все.

Энчик: Главное, чтобы не рядом. У вас нормально все?

Вы: Да. Не переживай.

Сеть недоступна

Энчик: Не у вас самолет бомбил, Владик?

Вы: Нет. Но было громко. Аж тряслось все. У вас нормально?

Энчик: Нормально. Тоже тряслось.

Вы: Жестко.

Энчик: Ручки согрел?

Вы: Та, да. Поотжимался немного.

Связь недоступна

Вы: Бля. Теперь и нам хлеб возить не будут. Придется в центр ходить получается.

Энчик: Че?!

Вы: Ну этот тип, что возил, вчера под обстрел попал. Сказал, что больше не будет возить.

Энчик: Плохо. А откуда возил?

Вы: Та, хз. Просто по городу, походу.

Энчик: Плохо, конечно. Ходить сами будете?

Вы: Та вряд ли)))

Энчик: И правильно.

Сеть недоступна.

Днем мы старались находиться в квартирах, а ночью стали спускаться в подвал, в котором было проще сохранять тепло от буржуйки. Месяц назад мы были вынуждены переехать в пятиэтажку напротив, где заняли две пустующие квартиры на втором этаже. В нашей – взрывами уже давно выбило все окна, и наши с отцом попытки заделать их полиэтиленом, ДСП и досками не увенчались успехом. При малейшем обстреле на нашей улице эти конструкции выносило внутрь квартиры, создавая опасность быть раненным и покалеченным.

Обе квартиры, в которые мы перебрались, находились на одной лестничной площадке, слева от лестницы. Трехкомнатная квартира располагалась прямо, а двушка была справа от нее. Несмотря на небольшое количество членов нашей семьи, мы старались, чтобы у каждого из нас было хоть какое-то личное пространство. Тем более, что помимо меня, отца, мамы и бабушки Тани, с нами проживали породистая восьмikiлограммовая черная кошка Мия и овчарка Рена, которая очень не любила кошек и была любимицей бабушки. Кошка Мия была домашним животным и до начала военных действий ни разу не бывала за пределами нашей квартиры. Весь ее мир состоял из наших трех комнат, коридора, кухни и туалета с ванной. Переезд в новую квартиру полностью поменял ее мир. Ей было страшно не меньше нашего. Во время обстрелов все ее массивное тело сжималось, и приходилось брать ее на руки или прижимать к себе. Рена была более храброй, но она тоже боялась и остро чувствовала угрозу от прилетов. Обычно во время обстрелов бабушка брала ее с собой в коридор, где они, прижавшись друг к другу, лежали на матрасе и ждали конца обстрела. Рена категорически не хотела спускаться в подвал, где у нее начиналась паника. Она скулила, визжала и не хотела туда идти. Бабушка, сопереживая собаке, оставалась в квартире, чтобы ей не было одиноко и страшно. Всякий раз, когда мы уходили из квартиры, мы переживали за них, но поделать с Реной и бабушкой Таней ничего было нельзя. Во всяком случае, пока...

Трешка выходила окнами во двор и была более безопасной во время обстрелов. В ней мы хранили запасы одежды и еды и проводили основное время: кушали, мылись и ходили в туалет. Двухкомнатная квартира выходила на ту сторону, где шли бои, и вероятность прилета в нее была кратно выше. Но эта квартира имела одно важное и неоспоримое преимущество – окно, которое выходило на запад, в сторону Налоговой Инспекции и Иняза, и давало возможность поймать сотовую связь.

Я включил радио, которое прекрасно брало в этой квартире, и стал серфить по каналам, в надежде услышать что-то интересное. Слушая радио, я смотрел перед собой на запасы еды,

которые были собраны всеми членами нашей семьи за эти месяцы. Тут были крупы, тушенка, макароны и множество других непортящихся продуктов, доставшихся нам из разных источников.

В марте 2022 года, через пару недель после начала войны, люди стали неистово скупать все, что можно было съесть и выпить. Мы активно следили за тем, что происходило в Мариуполе, и понимали, что эта история может повториться и у нас. У меня был знакомый в Мариуполе и, пока была связь, я с ним переписывался о происходящем. После того, как зажатые российскими войсками со всех сторон нацики и морпехи Украины полностью закрыли город, люди стали выносить магазины. Цивилизация продержалась ровно четыре дня. У нас, в Бахмуте, все скупали заранее. Пока деньги еще можно было снять в банке и обменять на продукты, люди активно пользовались этой возможностью.

Я рассеянно смотрел на нашу с Аней переписку и вспомнил, как мы познакомились... Встретаться мы стали еще во времена учебы, а познакомились намного раньше. Первое, что мне бросилось в глаза, это ее красота. Она была простой и легкой в общении и никогда не строила из себя кого-то, кем не являлась. Я увидел, что тоже ей понравился, и мы стали вместе проводить время: гуляли и общались после учебы и моих тренировок. Забота, которую она проявляла ко мне, умиляла. Она стала приносить после тренировок *термосок*, чтобы я мог поесть. Я стал вспоминать, как мы сидели на лавке, и я ел принесенные ею салатики, котлетки и гречку. Тогда я понял, что с ней не пропаду. Для меня она открывалась с разных сторон. Она была и сильная, и нежная одновременно, и я часто не понимал ее характер. Она могла уехать на Украину или к родственникам в Россию, но зная, что я не могу выехать, приняла твердое решение остаться в Бахмуте. По-настоящему я понял, что люблю ее, наверное, уже когда в городе было жестко. Молясь в последнее время Богу, я просил Его: «Если нужно кого-то забрать, лучше заberi меня. Главное, чтоб она была жива». А еще мы часто прикалывались вместе и по-доброму подшучивали друг над другом. Я и сам не заметил, как стал называть ее не Аня, а Энчик. Вспоминая это, я автоматически листал и перечитывал нашу переписку:

Энчик: Блин, как же я плохо выгляжу... Лосины старые какие-то, закошаченные.

Вы: Нам главное выжить.

Энчик: Это да.

Вы: А после уже будем ходить по магазинам, покупать, что хотим и красиво одеваться.

Энчик: Новости читала. Фортеця Бахмут держится. Ничего нового.

Вы: Да. Пока сидим.

Энчик: У вас тепло?

Вы: Да, печку новую дядька соорудил. Мастер. Повезло нам с ним.

Энчик: И покупать можно не в холодной воде.

Вы: Это да. Натаскали воды. Одно плохо, связь постоянно пропадает.

Сообщение не доставлено. Связь недоступна.

Наши родители тоже давно подружились и, поняв, что у нас все серьезно, стали относиться друг к другу как родственники. Моя мама называла Аниных родителей не иначе как сваты. У Аниных родителей был свой небольшой частный бизнес по пошиву. В последнее время, когда закрылись все магазины для животных, они специализировались на пошиве переносок для животных, в которых люди увозили их вглубь Украины и за границу.

По праздникам или во время дней рождения кого-либо из нас мы собирались вместе и устраивали совместные посиделки. Я вспомнил, как во время одной из таких встреч мы решали непростой вопрос, и был рад, что приняли правильное решение.

– Ну что, давайте поднимем? – начал тост дядя Женя, Анин отчим, которого она всегда называла папа. – За то, чтобы мы с вами пережили это непростое время, чтобы мир поскорее наступил.

Все выпили и, пока закусывали, собирались с мыслями.

– Ну, что думаете по поводу дальнейших событий? – спросил отец. – Войска стали сюда приезжать, говорят. Все больше и больше. По всему городу копают.

– Думаю, быстро тут ничего не получится, – заметил дядя Женя, глядя на всех.

– Может, если что... вы к нам переедете. Все-таки дом кирпичный, и подвал у нас крепкий и большой в доме, и такой же по соседству. Смотрите вон, что в Мариуполе творилось. Все по подвалам, – стала ласковым голосом закидывать удочки моя мама.

– Ты что, Оль? – махнула на нее рукой Анина мама. – Я из своего дома частного никуда. Там все ясно. Огород. Мы дома, да, Жень? – посмотрела она на мужа, ища поддержки. Я так боюсь в пятиэтажке сидеть, я лучше в частном доме. Мне в своем доме не страшно.

– Да, конечно. Там все родное. А тут... что мы вас стеснять будем? – оглядел он бегло квартиру. – Нас вон четверо, да еще батю хотим к себе забрать... Куда мы тут всем кагалом?

– А может, вы к нам? – предложила мама Ани, Ира. Там, знаете, рядом дом есть, хозяйева съехали. Так вы – туда. И ребята вместе будут!

– Ой нет, Ир! Я боюсь. Тут крепко все: кирпич, плиты, все надежнее. Я в частный дом боюсь. Вон вчера прилетело тут уже, на соседней улице, я после ходила, смотрела... Ужас! Все стекла в домах повывлетали, – стала эмоционально и торопливо делиться мама историей первого серьезного прилета по нашей улице, – в частном доме, наверное, и крышу бы снесло волной этой от взрыва!

Мы с Аней сидели, прижавшись друг к другу, и слушали рассуждения родителей. Она прильнула к моему плечу, крепко держа меня за руку. Мы с ней неоднократно говорили о том, как здорово было бы жить вместе, но для этого один из нас должен был решиться покинуть свою семью. Был еще один вариант, о котором я и планировал поговорить с родителями. Я, если честно, сразу был против этого варианта, но Аня меня убедила поговорить об этом.

– Мы, наверное, с Аней переедем, – сказал я и замолчал, ожидая родительской реакции, и почувствовал, как Аня сильнее сжала мою руку обеими руками. – В дом бабушкин, возле церкви на Забахмутке. Будем вдвоем там.

Повисла пауза, и стук вилок о тарелки прекратился. На нас с недоумением, как на Ромео и Джульетту, смотрели две семьи и, видимо, не понимали еще, что мы говорим серьезно. Отец хотел было начать говорить первым с выпученными от страха глазами, но мама остановила его жестом и спокойно произнесла:

– Вы это когда решили, сынок?

– Да уж как пару недель, наверное, – я посмотрел на Аню, и она кивнула мне в знак согласия и поддержки.

– Это, конечно, хорошо, что вы уже такие взрослые, что собираетесь до свадьбы жить вместе, а нас-то вы почему не спросили? – чуть менее спокойно, чем моя, спросила мама Ани.

– А вот мы и говорим вам, – отпуская мою руку и подаваясь вперед, вступила в разговор Аня.

– Там, сынок, частный дом, и подвала даже нет хорошего, – привела первый аргумент моя мама. – А ты что думаешь, Ир?

– Да я не знаю, – замялась тетя Ира. – Я тоже думала... Но сейчас уже передумала. Лучше дома, вместе со всеми. У нас дома все запасы есть. И продукты. А там вы, что есть будете? Тут-то мы готовились уже! – она посмотрела на наших отцов, которые тут же закивали в ответ. – Вот!

– А представляете, как вы окажетесь без связи?! Да мы все тут с ума сойдем! И я! И Ира! И бабушка, и отцы ваши! – зашла моя мама с козырей. – А вам самим легко будет, если вы будете в неведении, что с нами тут происходит? Живы мы еще или уже нет?

– Ну, может, там по церкви стрелять не будут? – попытался я привести железный аргумент. – И там вода! Колодец... – говорил я, сам понимая глупость этой затеи.

– Да с чего ты взял-то это? Ты же читал все. По Донецку, когда стреляли, что, выбирали какие-то места особенные? Конечно, нет, – не выдержал отец. – Ты же прекрасно все сам знаешь, сынок! Никто ничего выбирать не будет.

– Давайте так... Когда все закончится, когда обстрелов тут не будет, вы потом живите вместе. Но сейчас, пожалуйста, давайте останемся каждый на своем месте, – перехватила инициативу мама Ани.

– Это вам кажется, что легко жить вместе, что рядом церковь. И церковь могут обстреливать, все, что угодно.

Чтобы избежать дальнейшей полемики и никому не портить общение, мы не стали сопротивляться и приняли во внимание все, что еще в течение получаса говорили нам родители и бабушка. Выслушав их, к моей радости, мы согласились, что останемся каждый в своей семье, чтобы наши родители не сошли с ума, переживая за нас. Тем более поводов для переживания на тот момент и без того хватало. Аня переживала за своего родного отца и бабушку, его маму, которые жили в Попасной. Мама переживала за свою маму, оставшуюся в Соledаре. Нам с отцом нужно было переживать о том, чтобы каким-то образом к нам в дом не пришли и не забрали меня и его в ряды ВСУ. И всем нам нужно было переживать о том, что по городу стало прилетать все больше мин и снарядов, хотя было не ясно, откуда они берутся. До российской армии было очень много километров, и по городу уже ходили слухи про самообстрелы, которые делали наши *захыстныкы*, чтобы люди поскорее выезжали из города. Одно мы знали точно, что уезжать из Бахмута мы не будем, и обе наши семьи будут сидеть тут и ждать окончания конфликта, как бы он не завершился.

У меня сработал будильник, который я ставил, чтобы не пропустить время связи с любимой. Даже от одной мысли о том, что сейчас я услышу ее голос, в груди появлялась легкость, и губы сами по себе растягивались в улыбке.

– Ма, я пойду с Аней поговорю, в двушку, – предупредил я ее, кивнул бабушке, которая сидела на кухне с Реной, и вышел в коридор.

Дверь в двухкомнатную квартиру была расшатана несколькими близкими прилетами и открывалась с трудом. Я аккуратно проскользнул в нее и подобрался к проему давно выбитого взрывами окна. В последнее время обстрелы были довольно плотные, нужно было быть осторожным и постоянно прислушиваться к шуму за окном. Я давно уже научился различать по звукам сто двадцатые и восьмидесятые мины, артиллерию и звуки от выстрела танка. Немного послушав улицу, я подпрыгнул, сел на подоконник и стал набирать ее номер. Она ждала моего звонка и сразу же, как только нас соединили, взяла трубку:

– Алло! Алло!

– Привет, любимая, – улыбаясь во весь рот, прошептал я.

– Как у вас дела? Что нового? Рассказывай.

– Какая связь сегодня хорошая! Что это, интересно, произошло?

– Папа придумал новшество! – радостно стала тараторить Аня. – Примотал скотчем телефон к палке, сверху мы завернули его в пакет, чтобы дождь не мочил, а я с тобой по блютусу разговариваю. Правда, классно?

– Молодец дядя Женя, запомню это, – восхитился я его находчивостью. – Что там у вас? Сильно стреляют?

– К сожалению, да.

– Тепло у вас?

– Да, нормально. Печка работает отлично. Бензин на генератор есть. Свет есть. Жить можно... Только с водой проблемы. Далеко ходить, и то там такое... То пускают, то не пускают.

– Жесть, конечно. Может, поговоришь с мамой, чтобы к нам? У нас тут много пустых комнат есть в подвале.

– Ты же знаешь, мама не захочет. Ей страшно отсюда уходить...

– Да, знаю...

Мы делились повседневными новостями, досконально пересказывая жизнь наших семей друг другу, чтобы не потерять контакт и сберечь наши чувства. На самом деле, мне очень хотелось быть рядом с ней, и я знал, что она находится всего в полчаса ходьбы от моего дома. Раньше я бы с легкостью мог пробежать до нее и за пятнадцать минут, но сейчас эта дорога могла бы занять и час, и два, и сутки. Дорога до любимой стала смертельно опасной по многим причинам. Ты мог попасть под обстрел. Тебя могли остановить солдаты и, в зависимости от их настроения и того, были ли они русскоговорящими украинцами или приехали сюда с западенщины, ситуация могла развиваться по-разному. Те, кто не уезжал, зная, что российская армия, в лице ЧВК «Вагнер», была рядом, для ВСУ однозначно были ждунками, а значит, являлись предателями и врагами.

Разговаривая с Аней и разглядывая дома напротив с пустыми глазницами окон и следами возгорания в двух местах, я слышал далекий звук выхода: «Ду-ду!»! От этого звука мне в долю секунды стало тревожно и тоскливо. Горло перехватила какая-то жесткая и колючая рука и сжала его так, что сердце зашлось, и я каким-то шестым чувством понял, что летит сюда. *Чуйка* или Божье провидение подтолкнуло меня к автоматической реакции.

– Аня, подожди минуту! – только и сказал, прыгая с подоконника.

Не успел я договорить последние звуки, как в крышу дома напротив прилетела мина и разнесла ее в разные стороны кусками досок, кирпича и шифера. Благодаря годам тренировок в зале и отточенным реакциям, на полном автомате я развернулся на одной ноге, как стойкий оловянный солдатик, и в два прыжка оказался у стенки, которая отделяла комнату и коридор. Взрывная волна догнала меня и впечатала в стену. Ударившись об нее, я упал и лежал, глядя на пол, заваленный мусором, батарею у окна и квадратный кусочек неба, который был виден в проеме. В следующую секунду под окно дома прилетела вторая мина и разорвалась с оглушающим грохотом. Еще одна взрывная волна прошла сквозь меня и дом. В потолок ударили сотни осколков, они были похожи на искры от болгарки или новогодние бенгальские огни. Следом за этим две огромные ладони резко ударили меня по ушам, и в голове взорвалась большая хлопушка. Я оглох и уже не мог слышать, как Аня испуганным голосом громко кричала в трубку:

– Владик! Владик! Что там случилось? Ответь мне! Ты живой?

– Я ничего не слышу... – прошептал я и закрыл глаза.

5. Абрек. 1.1. Штурм Веселой долины, Сисек и Пещер

Мы стали двигаться от «Деревянного леса» в сторону «Веселой долины», следующей позиции укропов, которая находилась в паре километров на запад. Я был в разведгруппе Нагара – нашего снайпера. Гаврош и Гонг со своими ребятами заходили с северо-востока, а мы шли прямо на запад по естественному оврагу, густо заросшему терновником. Не копая никаких окопов, мы быстро с боями продвигались вперед по пятьдесят метров в сутки. Хохлы использовали свою обычную тактику заманивания нас к большому укрепу, на который мы и натолкнулись через неделю. Находились они от нас примерно в ста метрах, это было понятно по отчетливо слышной украинской и русской речи, которая доносилась со стороны противника. Мы сделали пару пробных вылазок, выявив их пулеметные гнезда и огневые точки. Наши *бэпэл-эашиники* полетали над их позициями и разведали месторасположение пулеметов, блиндажей и одиночных окопов с фишками. Мы стали готовиться к основательному *накату*, но утром начался сильный артобстрел, и мы потеряли трех человек ранеными, в том числе и командира группы Нагара. Накат перенесли до прибытия нового старшего группы.

На войне события часто происходят непредсказуемо и спонтанно, по воле его величества «Случая». Фарт – он и есть фарт. А фарт, как дом на крепком фундаменте, всегда стоит на чуйке – интуиции и умении автоматически анализировать сотни разрозненных маленьких деталей. Мозг сам, без помощи сознания, начинает собирать этот кубик Рубика, и в какой-то момент ты понимаешь, что действовать нужно сейчас и именно таким, а не иным, способом. Звезды складываются в созвездия, и ты *пятой точкой* чувствуешь, что пора сделать поступок, который оказывается лучшим вариантом, из всех возможных.

Вместо Нагара пришел Бром и возглавил нашу группу. В отличие от химического вещества, призванного гасить возбуждение и психическую активность, в честь которого командир получил свой позывной, – Бром был быстрым, эмоциональным и способным принимать решения. Мы сидели на своих позициях перед стометровой *открыткой* и планировали, как запрыгнуть в гости к украинцам, обойдя их с двух сторон.

– Короче, – стал тыкать пальцем в планшет Бром, – вы по команде *наваливаете* из труб по пулеметам, а мы заходим вот отсюда и запрыгиваем к ним с фланга. Они отвлекаются на нас, а вы в это время заходите отсюда, – посмотрел он на нас глазами пионера-героя. – Давайте, пятиминутная готовность.

– Хорошо, – мы покивали головами и пошли готовиться играть на трубах Баха и Вагнера.

Бром остался рассматривать что-то на карте, сверяясь с тем, что фактически находилось перед его глазами. Потому что, как говорили многие великие люди, «карта – не есть территория». На карте вы видите вполне себе приятную гладкую поверхность, а в реальности это может оказаться полем, густо заросшим травой с кочками, или болотистой поляной. И вот вы, застряв по колено в грязи, уже представляете собой отличную мишень для противника. И кто-то другой отмечает на этой же гладкой карте, откуда выносить двухсотых.

Бром резко встал и снова собрал нас.

– Короче, давайте попробуем по-другому. Ты, ты и вы двое, – выбрал он четверых бойцов, – бежите за мной, не отставая. Мы сейчас на космической скорости сближаемся с *нидарами*, пока у них обед, и заскакиваем в окопы. Ясно? – нам оставалось только кивнуть в ответ на его план. – Как только мы окажемся в окопах, ебашите из труб и выдвигаетесь.

Мы остались сзади и стали наблюдать, как они выскочили из окопов и внаглую, как стадо кабанчиков, ломанулись к позиции ВСУ. Да так быстро, что когда они подбежали к пулеметному гнезду, то увидели украинского пулеметчика, который стоял к ним спиной и курил. Не успел он обернуться к ним с открытым от удивления ртом, как очередь из автомата моментально *обнулила* его. Они запрыгнули в траншею и быстро прошли настолько далеко,

насколько им позволила расхлябанность хохлов. Следом подтянулись мы и пошли зачищать траншеи с другой стороны. *Замес* в окопах закончился в нашу пользу, со счетом одиннадцать – ноль. Мы потеряли трехсотым только одного бойца, которому прострелило ногу и руку.

Бром отправил меня отвести раненого в тыл, взять что смогу из БК и вернуться. По дороге я встретил Гавроша. Он шел на наши позиции с молодым пополнением, которое только прибыло откуда-то из поволжских лагерей. Выглядели они, как и все мы в первые дни, – бледно. Взрослые зеки, за плечами которых были срока, пересылки и еще черт знает что, рассматривали меня и трехсотого наивными, выпученными глазами детей, внезапно попавших в мир взрослых дядей.

– Знакомьтесь, это Абрек. Тоже *кашник*. Воюет давно. Все время на передке в штурмах, – представил меня Гаврош и поинтересовался: – Как дела?

– Неплохо, – с улыбкой ответил я, искренне радуясь нашей встрече.

– Я смотрю, ты уже прибарахлился, – кивнул Гаврош на мой автомат с *банкой*.

– А чего не брать, если дают, – я посмотрел на *пополнях*, улыбнулся, и мне захотелось поддержать их. – Мужики, главное учитесь у тех, кто тут давно, и тогда фарт неизбежен.

Гаврош пожелал нам всего хорошего, и мы разошлись.

На обратном пути, неся на себе несколько одноразовых труб, я погрузился в размышления о превратностях судьбы, о ее невероятных поворотах и еще раз внутренне удивлялся тому, как армянский мальчик, родившийся в Нагорном Карабахе, оказался в Луганской Народной Республике, в составе ЧВК «Вагнер».

После войны в Нагорном Карабахе, моя семья и еще три семьи соседей, оставшись без домов и средств к существованию, переехали в Россию, чтобы начать новую жизнь с нуля. Наши отцы и старшие братья были людьми старой, коммунистической закалки, не привыкшими отступать и сдаваться. Скинувшись деньгами, они купили один большой дом. В этом доме, как в теремке из сказки, и жили все наши семья первое время. Время было непростое и насыщенное событиями. Нужда толкала нас шевелиться и зарабатывать на хлеб насущный. Сначала открыли несколько кафе на трассе и стали сообща там работать, постепенно развивая бизнес. Я с самого детства помогал старшим и учился у них труду и упорству. Я видел, как мои отец, мои дяди и братья не унывают и не пасуют перед трудностями. Несмотря ни на что, я всегда чувствовал свою защищенность и любовь со стороны семьи и родителей. Когда я подрос, наша семья переехала в Москву. Я закончил школу, получил два высших образования, работал в отделе инвестиций в Сбербанке, занимался спортом и профессионально участвовал в соревнованиях по боям без правил. Потом открыл спортзал и начал довольно успешно тренировать ребят. Некоторые из них становились призерами и чемпионами области.

Сел я за то, что хотел забрать свои деньги у человека, который не хотел возвращать долг и не шел ни на какие компромиссы. Когда я услышал в лагере о том, что по зонам ездит дядя Женя Пригожин, я подумал, что в своей жизни успел увидеть все, кроме войны. Война осталась тусклым воспоминанием из раннего детства, и знал я ее только по рассказам старших. И, будучи мужчиной, считая себя таковым, я понимал, что у меня появилась редкая возможность доказать это на деле, а заодно отдать долг своей второй Родине. Очистить свою историю, чтобы после освобождения не иметь судимости, как обещал президент. Помимо этого, я четко понимал, что это шанс, который мне дал Всевышний, чтобы я переосмыслил определенные этапы своей жизни. И хотя мне светило условно-досрочное освобождение, я принял для себя твердое решение поехать воевать.

Однажды утром мы слышали вертолет и поняли, что это случилось. Нас вывели на плац, куда приехал Евгений Викторович, чтобы выступить перед нами. Он сказал все как есть, без приукрасок: «Вы, ребята, будете в штурмах, на переднем крае. Но у нас нет различий между «музыкантами» из конторы и вами. Вы вольетесь в наш музыкальный коллектив и будете воевать с ними на равных. Те, кто хочет и имеет желание, может пройти в определенное место и

там уже поговорить тет-а-тет с представителями нашей компании», – вспомнил я речь Пригожина на плацу нашего лагеря.

Я пошел сразу, и попал на собеседование лично к нему.

– Воевал, не воевал? Служил, нет? – спросил меня Евгений Викторович.

– В армии на срочке не служил, но с оружием знаком. Как собрать автомат Калашникова, пострелять, строение пистолета, что такое «эфка» я знаю. Как пользоваться «одноразками» и *РПГ* тоже понимаю, – стал я перечислять ему свои навыки, – в практике это не применял, кроме автомата и пистолета.

– Откуда такие навыки и знания? Бандит?

– Нет, – улыбнулся я. – У меня было очень много знакомых сотрудников определенных органов, с которыми мы ездили на полигоны и стрелковые тир. Имею представление, что такое оружие.

– Ты нам подходишь, – сказал мне Пригожин и предупредил ребят из своей СБ, чтобы внесли меня в списки в обязательном порядке и проверили.

Я быстро прошел детектор лжи со стандартными вопросами:

– Выбор самостоятельный?

– Да.

– Будешь воевать?

– Да.

– Все. Прошел.

– Все? – удивился я быстроте теста и решил задать сотруднику встречные вопросы. – Расскажи, как в действительности? Страх нету, но интересно, как там в штурме? Кинут нас на мясо?

– Понятное дело. Война – это всегда мясо и кровь, – улыбнулся он. – Но в действительности вы идете с нашими ребятами вместе. Если даже вас не жалко, то ребят своих мы явно будем жалеть. Так что, без нас, вас одних, никуда не отправят. Да... Есть вероятность, что после определенного времени, когда вы поработаете и к вам будет доверие, вы и сами станете полностью нам равными, – он на секунду замолчал, рассматривая меня. – Ответил?

– Да.

В августе 2022 года я отбыл из Рязанской ИК–5 в тренировочный лагерь ЧВК «Вагнер».

Вспоминая, как попал сюда, я незаметно для самого себя подошел к краю *зеленки*. Глянув в небо и не увидев *птичку*, я уже хотел было выйти на открытку, но заметил в ста метрах от себя около десятка пленных, идущих с поднятыми руками, которых вели четыре конвоира. Один из конвоиров бросался в глаза своим белым прорезиненным пальто.

– Хохлы! – тут же взорвалась мысль в голове. – Наверное, выбили наших и захватили пополнях в плен. Народ-то необстрелянный... Что делать? Убежать? Не вариант! Выскочить на них?... Глупость!

Сердце стало стучать как отбойный молоток под воздействием адреналина. Маховик мыслей набирал обороты. Страшно не было, было приятно тревожно. И эта тревога не парализовала, а бодрила меня, как это обычно было перед боями на ринге: «Ладно... Щас».

Я встал на одно колено, снял с плеча трубы и подготовил одну для стрельбы. «Сейчас ебану по этим двум первым. Может, конечно, и своего одного зацеплю, но остальные-то спасутся», – прокручивал я варианты. «...Готовясь встретиться с превосходящими силами противника...», как красиво писали об этом в книгах о войне. И тут я заметил широкую улыбку одного из конвоиров и услышал знакомый гогот, который нельзя было спутать ни с одним другим.

– Марс, ты что ли?! – крикнул я, осторожно высываясь из *зеленки*.

– О! Абрек! Здорово! – закричал он мне голосом веселого бойца из кинофильма «Служили два товарища». – Смотри, мы подарки поймали!

- Блять! Я бы вас сейчас ебанул, дебилы! Что это за пальто?
- Так дождик идет, – стал оправдываться Рослик, – а ты что, думал мы хохлы?
- Конечно!
- А зачем мы тогда ведем пленных к нам в тыл? – поставил мне шах и мат Марс.

Двое из пленных, которые шли впереди, стали широко улыбаться, слушая наши разборки.

- А ты что лыбишься? – сорвал я свою злость на одном из них.

– Как, что? Я – живой! Мне эта война нахер не нужна. Меня поймали, одели форму и вот сюда привезли. Я только рад, что в плен попал! – продолжая улыбаться, затараторил он.

– Ладно, пацаны. До встречи. Нам сегодня всем повезло, – пожал я руки Марсу и Рослику и побежал к нашим новым позициям.

«Веселую долину», в которой находилось несколько жилых домов и психоневрологический интернат, проще говоря «дурку», мы взяли довольно быстро. Силами второго и нашего взводов зажали эти здания со всех сторон и пошли в накат. Хохлы, особо не сопротивляясь, попрыгали в машины и откатились на следующую позицию, которую мы назвали «сиськи». Эта позиция находилась на километр западнее «дурки» и представляла из себя гряду холмов, возвышавшихся над полями и посадками, с которых контролировались и простреливались «Веселая долина» и дорога до Зайцево, идущая строго на юг от психушки. Зайцево еще было не полностью взято нашими. **Пятёрка** только вошла в него и закрепилась на окраинах. Украинцы могли легко простреливать оттуда наши позиции, поддерживая окопавшихся на «сиськах» бойцов ВСУ. Немного помучавшись в посадках перед «сиськами», мы совершили обходной маневр и, выйдя во фланг позиции, забрали ее.

После захвата «сисек» в нашей группе осталось не больше десяти человек. Перебив почти всех хэроев, кроме двоих, которым удалось улизнуть в сторону Иванграда, мы стали осматривать позиции, рассредоточившись по ним. Совсем рядом я увидел зеленый УАЗ Хантер и сразу положил на него глаз.

– Чур, он мой! – побежал я к нему и сбросил на землю мертвого водителя. Крови из него натекло немного, и ничего не испачкалось. Хантер выглядел новым и вполне исправным.

- Это мое! – взял себе самый большой рюкзак боец с позывным Овация.

– О! Шлем безухий! И броник заебатый! – стал мародерить двухсотого хохла Бром.

- Вы же не против, если командир себе его возьмет? – утвердительно спросил он нас.

По всей видимости, у украинцев здесь была точка **подпитки** позиций, которые находились перед «сиськами» и слева от них. В **капонирах**, прямо под открытым небом, лежало большое количество полезных вещей: патроны в **цинках**, трубы разных модификаций, набитые вещами рюкзаки и пайки. Ребята стали тянуть себе, что нравилось, и сгрудились вокруг шмурдяка. Только возрастной мужик с позывным Подпол, который был опытным бойцом, стал урезонивать остальных. «Вы что-то рано расслабились. Бром, прикажи им позиции занять, – возмущался он, – два хохла убежали; сейчас накат начнется, а вы тут, как бабы, труссы приме-ряете».

Я увидел, как молодой боец, пулеметчик Мага, послушав его, пошел к крайней траншее, откуда открывался вид на километр вперед и стал окапываться. Я решил присоединиться к нему и прикрыть наших в случае наката. Не успел я поудобнее устроиться неподалеку от Маги, как в толпу пацанов сзади прилетел **ПТУР**. Мы услышали знакомый шуршащий звук, затем хлопок разрыва, и в ту же минуту пространство наполнилось стонами и криками наших раненых. Мы с Магой бросились на помощь к ребятам и увидели четырех человек, включая Подпола и нашего командира Брома, забрызганных кровью и кусками плоти. Я, вместе с Магой и другими бойцами, не получившими ранение, стал осматривать и перетягивать их.

- А где Овация? – через пять минут опомнился я.

– Не знаю, может, взрывом отбросило? – тихо простонал Бром.

– Да каким взрывом. Овация по всем нам размазан. Разорвало его ПТУРом. Если бы не он, нас бы всех разорвало, – кряхтя, стал пояснять нам Подпол.

У одного из трехсотых была сильно повреждена шея, и я испугался, что он *вытечет*. Но только я об этом подумал, как в моей голове всплыла картинка уазика, и я пошел к нему.

– Эээ, брат, он может быть заминирован! – предупредил меня Мага, смешно выпучивая глаза.

– Похер.

Визуально осмотрев Хантер и мысленно перекрестившись, я завел его. Машина бодро и весело затарахтела. Взрыва не последовало. Я подогнал ее к месту, где еще пять минут назад наша группа мародерила украинские трупы и вещи.

– Говорил я вам... – ворчал Подпол, которому тоже досталось.

– Давай, грузим их, – взял я инициативу в свои руки.

– Ты сейчас нас повезешь, а вдруг нас еще раз *запнут*! – занервничал Бром.

– Не ссы, командир. Прорвемся.

Бром вышел на связь с Гонгом, который тогда был за старшего, и доложил обстановку. Мне загрузили четверых раненых и части тела Овации, которые удалось собрать в пакет, и я тронулся. Я не сидел за рулем много лет, но как только я почувствовал машину, мозг тут же восстановил нейронные связи, и уже минут через десять я гнал, как будто всю жизнь проработал на этом Хантере.

– Потихе гони, черт! – закричал Подпол. – И так чуть не погиб из-за вас, еще и тут угробите.

– А ты и правда подполковник, Подпол? – переключил я тему разговора.

– Да. Но говорить об этом не хочу. Да и больно, – хотел обрубить он разговор, но помолчав секунд пять, продолжил: – Двадцать пять лет оттрубил. Даже награды есть. Уже и не думал, что еще воевать придется. А на кого тут Родину оставишь. Даже тут шмотки для вас главнее. Эх... Опять Ваньки да Кольки спасать Родину будут, – стал ворчать он.

По нам пару раз пытались попасть из *АГС* и минометов, но все обошлось.

– Привет, Абрек, – окликнул меня Гонг, когда мы разгружали трехсотых, – хорошая машинка.

– Трофейная. Можно загрузить хоть БК, хоть раненых, и дорогу на «сиськи» я теперь знаю, – стал я нахваливать своего коня как на рынке. – Сейчас загрузюсь, чем нужно, и назад к своей группе.

– Да куда ты поедешь? Там уже другая группа зашла. Я часть группы Немезиды туда отправил. Твоих там – раз, два и обчелся. Давай ты лучше будешь на машине. На подвозе. Договорились? – хитро посмотрел на меня Гонг. – Все равно ты уже на нее сел. Вот и давай, развивай автобат.

– Ладно, – согласился я, потому что пока ехал сюда, мне вспомнилось это чувство свободы, которое я всегда испытывал за рулем. Я чувствовал себя участником авторалли «Сиськи – Веселая долина», где я по кустам и буеракам гнал на внедорожнике под минометным обстрелом. Кто из знаменитых автогонщиков в этом мире мог похвастаться участием в таком заезде? Какой нахер Шумахер?

Наши стали продвигаться вперед и скоро заняли соляные пещеры и под командованием Гонга заскочили в Иванград. Я, чтобы сократить им расстояние подноса, довозил БК и провиант до «сисек», а оттуда забирал раненых и эвакуировал их в психушку, где была наша основная база.

От «сисек» к пещерам дороги не было, а поля и посадки, по нашим сведениям, были основательно заминированы и регулярно простреливались из Зайцево. Чтобы добраться до крайней точки, где запнуло мою группу и в клочья разорвало Овацию, мне приходилось делать изрядный крюк. Сначала я ехал по асфальту пару километров на север, а потом, резко

свернув, возвращался практически в обратную сторону по проселочной дороге. Несмотря на мою помощь, некоторых раненых не удавалось довести живыми, они вытекали по дороге. От соляных пещер, которые стали нашей крайней точкой, группе эвакуации приходилось нести тела погибших на себе несколько километров. Всякий раз, когда я приезжал, мне приходилось часами сидеть и ждать, пока они под непрерывными обстрелами принесут трехсотых и заберут у меня все необходимое для штурмовых групп.

– Тяжело вам, наверное, – с сочувствием сказал я, глядя на группу эвакуации. – Я неделю побегал и в штурмовики подался.

– Тяжело, не тяжело, мы делаем, что приказали, – с вызовом посмотрел на меня боец крепкого телосложения.

– Опасный тут маршрут. Кругом одна открытка. Как вы тут все носите?

– Специфика обычная. Работаем в основном в ночь. Набили уже маршрут. Перебежками, от укрытия до укрытия. От позиции к позиции. Вот так и продвигаемся, – стал делиться он, – днем ходить опасно. Птички летают, снайпера... Эти гандоны по нам даже ночью, сука, работают.

– Видимо, оптика хорошая, – предположил я.

– Нам пока, по воле Всевышнего фартит. Но, на Бога надейся, а сам не плошай. Тактику и хитрость никто не отменял, – усмехнулся боец.

– Вы выносливые – просто как «Мулы Мария»!

– Как ослы в смысле? – набычился он.

– «Мулами Мария» называли сильных и стойких легионеров Римской Империи, благодаря которым Рим завоевал все, до чего мог дотянуться. Марий, если так подумать, создал первую ЧВК! – закончил я свою мысль.

– И что же он такого сделал?

– Хмм... В I веке до Рождества Христова римская армия находилась в серьезной жопе. Легионерами становились только граждане Римской Империи высшего и знатного сословия; они должны были на свои средства покупать амуницию и оружие и служить государству шесть лет, – стал я вспоминать информацию, которую учил в институте. – Нужны были срочные реформы, потому что изнеженные римляне не хотели воевать годами, а знать, пользуясь этим, устроила в армии поголовную коррупцию. После нескольких поражений Рима в войнах с германцами, Гай Марий, выходец из сословия всадников, получил власть и должность консула благодаря своим военным успехам и очень удачному браку с теткой Юлия Цезаря.

– Ловкий тип, – хмыкнул возрастной боец из группы эвакуации.

– Умный просто и практичный, – кивнул я в ответ. – Доступ в легионы стал открыт для представителей всех слоев свободного населения и, впервые в римской истории, легионерам стали платить жалование. Они стали получать полное обмундирование за счет государства. Помимо этого, перед добровольцами открывались возможности для карьерного роста. Любой рядовой, благодаря своим достижениям и личному мужеству, мог подняться по социальной лестнице и в результате даже стать правителем Рима, как в дальнейшем показала история.

– Точно ЧВК, – уважительно отметил крепкий боец.

– Вот и я о том же. Благодаря реформам Гая Мария, римская армия постепенно превращалась в профессиональную. Вместо изнеженных молокососов в легионы Мария хлынул поток крепких тридцати-сорокалетних мужчин. Агрессивных и выносливых. Способных преодолевать трудности и безжалостно убивать врагов государства. Бывшие головорезы из различных слоев общества готовы были служить двадцать пять лет, чтобы по окончании службы получить пожизненную пенсию и надел земли. Реформа Гая Мария предусматривала, что набор в легион производится лично полководцем, а не государством, что делало невозможным получать взятки за уклонение от воинской службы.

– Как Пригожин, короче! – усмехнулся возрастной кашник.

– Похоже, так... Легионеры передвигались очень быстро, совершая длительные переходы и непрерывно тренируясь, таская на себе не только снаряжение, но и всю походную утварь.

– Прямо, как мы у Колониста! – все больше увлекались моим рассказом слушатели. – И, много таскали?

– Ну, как сказать? Общий вес снаряжения, пищи и походного инвентаря составлял около пятидесяти килограмм на одного солдата. Таким образом Гай Марий избавился от обозов, которые сильно замедляли передвижение легиона, что и послужило поводом называть профессиональных легионеров «Мулы Мария». Легионеры боготворили своего полководца и готовы были идти за ним в любое пекло.

Кратко пересказал я им реферат по истории, который писал в институте.

– Ясно... Крутая тема. Теперь, когда будет особенно тяжело, я буду думать, что я не просто кашник, а «Мул дяди Жени Пригожина! Моего командира»! – заявил боец, демонстративно расправив плечи и поставив одну ногу на цинк с патронами. – Ну что, мулы, погнались обратно? – бойцы одобрительно заржали.

Разворачиваясь на машине и увозя трехсотых на психушку, я видел, как они подняли носилки с БК и отправились в свой ежедневный путь, составляющий несколько километров. Группы эвакуации были не просто мулами, они были кровью и иммунной системой ЧВК «Вагнер», которые переносили все необходимые элементы на передок и утаскивали оттуда все раненое и убитое. К сожалению, в этой борьбе они тоже нередко гибли.

– Хорошо бы после войны поставить памятник группе эвакуации, – мелькнула у меня мысль, и я уехал.

6. Родной 1.0. Как выжить в экстремальной ситуации?

Нас троих оставили на фишке внутри пещер, из которых мы вчера выбили украинцев. Краснодар, один из бойцов нашей группы, сидел ближе к выходу, где хоть как-то брала рация, а нас оставили в глубине, сторожить огромный, уходивший в недра горы туннель, по слухам, идущий до самого Бахмута. Внутри было темно и холодно. Мы с напарником сидели в полнейшей темноте внутри громадного пространства, в котором не ощущалось конца и края. Я напрягал слух, пытаясь уловить шорохи и звуки, которые выдали бы нам приближение вражеских солдат. Остальная группа ушла вперед, чтобы зачистить пространство с западной стороны горы, выходящей на Иванград. Отступая, хохлы заминировали отходы, и Гонг сказал нам не соваться туда, пока саперы все не осмотрят. На улице было примерно около пятнадцати градусов тепла, а тут, судя по ощущениям, максимум – градусов пять. Мы с Димоном выложили себе небольшое укрытие из подручных средств и, спрятавшись за ним, ожидали атаки гоблинов из глубин подземелья.

– Холодно... – ежась, шепотом сообщил я Димону очевидный факт.

– И страшно... – улыбнулся в полутьме он. – Чтобы в темноте не было так тоскливо, нужно разговаривать.

– Мы так позицию спалим, и по нам прилетит.

– Гонг там мин каких-то хитрых наставил, так что, если они пойдут оттуда, мы услышим, – успокоил меня Димон. – Гонг вообще грамотный человек. Инженер.

– Пожрать бы чего-то... И попить... У тебя водички не осталось? – с надеждой спросил я.

– Есть немного, – достал он из рюкзака полторашку, наполненную водой на треть. – Все не пей, нам еще тут не ясно сколько сидеть. Если пить по глоточку, то можем протянуть долго, – он замолчал на секунду и для поддержания разговора продолжил вполголоса: – Нами, братан, движут потребности, и основные – потребности витальные. От латинского слова «вита». То есть жизнь. Святая пятерка: сон, еда, воздух, тепло и вода.

– Я бы еще добавил, судя по тому, что нам вдалбливали в лагере инструктора, БК!

– Это точно! На войне без боекомплекта гранат и патронов никак. Как без ножа в лесу, – еле заметно улыбнулся Димон.

– А сколько человек без воды может протянуть, интересно?

– Смотря в какой ситуации... – вдруг серьезно заговорил Димон. – Вода – смазка для нашего организма. Семьдесят процентов массы тела – это вода! Без нее все процессы останавливаются. Три дня без воды – и тебе конец. В жаре и того меньше. Кровь густеет, сердце стучит как загнанное, почки отказывают. Поэтому пить надо раньше, чем захочется, если есть такая возможность, – протянул Димон руку за своей полторашкой. – Любая вода лучше идеальной, но недоступной.

– А что делать, если у нас ее мало? – протянул я ему воду.

– Утром роса на стенах пещеры, конденсат на полиэтилене, мокрый мох, выдавленный в тряпку, – ответил Димон, засовывая свою бутылку в рюкзак.

– Снег зимой?

– Точно, но его нужно топить во рту, а не глотать кусками, – заметил Димон, – чтобы тепло из организма не забирать. Если есть возможность, воду нужно кипятить. Нет возможности – фильтруй через песок и ткань и рискуй. Хотя диарея от грязной воды убьет тебя быстрее, чем отсутствие воды. Диарея – это палач, который высосет из тебя последнюю влагу.

– Ни фиги, ты чешешь! – искренне удивился я. – Ты в спецвойсках служил?

– Нет... – грустно ответил Димон, – инструктором по туризму был. Группы водил по горам, а потом неудачно зашли... И пришлось мне осваивать новую науку – выживание в условиях ограниченных ресурсов в тюрьме и зоне, – улыбнулся он.

– Это да... Ресурсов в тюрьме негусто, если ты не на движе, – слушая Димона, я почувствовал интерес, окружающая темнота стала не так страшна. – Давай дальше, про выживание!

– Легко... – кивнул он. – Без воздуха тебе конец за считанные минуты. Три, максимум пять, и твой мозг начинает отключать лампочки. Ты можешь быть круче всех, но, если тебе перекрыт кислород, все остальное не имеет значения. Поэтому, если тебя присыпало, делай все, чтобы получить доступ к кислороду!

– Понял, – непроизвольно вздрогнул я, вспомнив, как чуть не утонул, и это ощущение ужаса от невозможности вздохнуть и понимания, что скоро наступит конец.

– Второе – это тепло. Оно – твоя вторая кожа, – посильнее закутался Димон в свой бушлат. – Забудь про градусы на термометре. На улице может быть плюс пять, а ты помрешь от переохлаждения, если промокнешь и попадешь под ветер.

– Ну, тут вроде не дует сильно.

– И это подарок! – кивнул Димон. – Без укрытия в экстремальном холоде организм начинает сдавать. Тело как печка, само себя вечно греть не будет. Если не укрыть от ветра и не подкидывать дров, остынет.

– А чем топить?

– Дрова – это еда, жир, движение. Но сначала – укрытие! Спрячься от ветра, зажги огонь, надень сухое. Голова должна искать укрытие раньше, чем руки начнут коченеть, – эмоционально, как будто читая лекцию туристам, продолжал Димон. – Почему от холода люди трястись начинают?

– Замерзают, наверное, вот и трясутся.

– Правильно, так организм заставляет нас двигаться и согреваться. Естественная эволюционная защита от переохлаждения. Но чтобы двигаться, нужна энергия, а она в пище. В качественной и высококалорийной. Сахар, орехи, мед... Будешь? – достал Димон шоколадку. – Лучшая еда в походных условиях!

– Давай...

Димон стал разворачивать шоколадку из нашего пайка, параллельно продолжая вещать мне о выживании.

– Еда – это дрова для твоей печки. Без нее можно жить три недели, а то и больше, если есть жирок и ты лежишь под елкой. Но если ты идешь, тащишь, рубишь, печка раскочегаривается, и дров нужно в разы больше. Первые дни тело жжет сахар из мышц и печени. Потом берется за жир. А когда и жир на исходе, начинает жечь мышцы. Ты слабеешь, впадаешь в апатию. Поэтому в долгом походе ешь до того, как проголодаешься. Лучше маленький кусок каждые два часа, чем пир раз в сутки. Все, что бегают, ползает и растет – потенциальный обед. Жуки, черви, древесная молодая кора, корни. Но есть подвох...

– Какой? – вынырнул я из своих фантазий, как пытаюсь с отвращением съесть гусеницу.

– Нужно знать, какие животные и растения пригодны в пищу, а какие нет. Современный человек избалован и мало что вообще знает о выживании.

– Не зря нас в лагере гоняли... Приучали к самым простым условиям.

– Да, Колонист с ребятами все делали по канонам спецподготовки. Это я тебе как инструктор со стажем скажу. Четыре часа сна – это минимум, что нужно, чтобы быстро не поехала кукушка, – закивал он головой. – Без сна уже через двадцать четыре часа твой разум начинает сдавать. Через трое суток ты – биоробот на автопилоте с глюками. А после пяти – ты в психозе и не отличишь реальность от фантазий. А там и до необратимых процессов недалеко.

– Зачем же они нас так мучали? – удивился я.

– Тест на психологическую стабильность, – хмыкнул Димон, – от недосыпа все, кто склонен к психозу и необдуманным действиям, уже на том этапе, по идее, должны посыпаться. И посыпались, – усмехнулся Димон. – Сначала замедляются реакции и начинаешь тупить, но

еще не понимаешь, что ты уже в неадеквате. После пары дней начинаешь дремать на ходу и отключаться на несколько секунд. Так водилы часто в аварии попадают.

– Это точно, – вспомнил я несколько ситуаций из своей жизни.

– А потом приходят галлюцинации. Сначала простые: боковым зрением поймал движение, обернулся, а там никого. Потом сложнее: в шуме ветра слышатся голоса, в узорах коры видится лицо. А еще через сутки психика разваливается окончательно. Паранойя и отстраненность. Товарищ у костра кажется чужим, а его действия подозрительными. Может накатить истерика или полная апатия, когда уже все равно на холод, опасность и смерть. Организм экономит энергию на всем, кроме поддержания этого кошмара.

– Фильм ужасов какой-то...

Сзади раздался шорох, мы одновременно дернулись и развернулись в сторону звуков.

– Краснодар! – раздался громкий шепот.

– Бля! – выдохнул я. – Ты чего нас пугаешь?

– Ну прости, забыл предупредить. А вы тут чего?

– Пиздим о разном... Димон здорово чешет про выживание на природе.

– Главное, башкой пулю или осколок не словить! – улыбнулся Краснодар. – Вот и все выживание.

– Тут ты прав, – согласился Димон, – если есть открытое повреждение и кровотечение, то ты теряешь и жидкость, и энергию, и тепло. Это хуже всего.

– Вытек, как говорят тут... – кивнул Краснодар и тут же переключился на другую тему: – Гонг на меня вышел, спрашивает, как у нас дела?

– Пока тихо.

Он побыл с нами еще несколько минут, а потом, пригибаясь на всякий случай, ушел на свою позицию, а мы с Димоном остались сторожить вход в гномьи пещеры. Мы договорились спать по очереди, я первым вызвался быть на фишке. Димон профессионально завернулся в полиэтиленовую пленку, которую использовали для выноса трехсотых, укрылся сверху бушлатом и задремал, оставив меня размышлять над его лекцией. Постепенно, как это часто со мной бывало, мои мысли стали перескакивать с одной темы на другую, я стал вспоминать, как оказался в составе ЧВК и вообще на войне...

На тот момент я отсидел ровно половину из своего десятилетнего срока, и ничего, как говорится, не предвещало беды. Через несколько месяцев после начала специальной военной операции на Украине ни с того ни с сего среди зеков начали ходить слухи, что нас будут посылать на войну. Кто-то должен прилететь и забрать нас в последний и решительный бой! Но все это было мутно и неясно. Тем более меня мало касалось. До знакомства с Пригожиным тогда, на плацу нашей зоны, я знать не знал ни про ЧВК, ни про него... Но когда он выступил перед нами, мне все понравилось, что именно он говорил. Он не обещал золотых гор, он сразу сказал: «Ребята, мне не нужны артиллеристы или танкисты. Мне нужны головорезы и штурмовики, которые готовы без раздумий защищать интересы нашей страны! Полгода воюете, за это получаете помилование, деньги и награды». Я слушал его с уважением, и когда он закончил, повернул голову к своему семейнику:

– Идем?

– Да.

– Пошли записываться!

Произошло это в конце июня, а приехали за нами 25-го августа. До Ростова мы долетели на самолетах, а оттуда на вертушках. Это был мой первый опыт, когда я летал на воздушном транспорте, и уже с этого момента для меня это стало новой увлекательной игрой. Все было как в детстве, когда я с пластмассовым автоматом выходил во двор, чтобы поиграть в войнушку. Мы сели в кресла, пристегнули ремни, и я почувствовал смесь страха и азарта. «Наверное, так себя чувствовал Юрий Гагарин, когда отправлялся в космос», – подумал я и почувствовал, как

душа утекает в пятки, когда самолет оторвался от взлетной полосы и взмыл с бетона грешной земли в небеса. Я прижался лбом к толстому стеклу иллюминатора и стал смотреть на удаляющуюся землю. «Интересно, – пришла мне в голову мысль, – а душа, когда выходит из тела, так же летит, или там все мгновенно? Как там говорил бандит в фильме «Место встречи изменить нельзя»? – стал вспоминать я цитату... «Ты не бойся. Мы тебя не больно зарежем. Чик, и ты уже на небесах!»

Земля спряталась за бескрайним полем мягких облаков, которые напоминали океан ваты. «Я сейчас тоже как в вате. Лечу не ясно куда, чтобы отбыть там свои положенные полгода и вернуться домой», – вспомнил я слова Пригожина.

Я еще раз испытал новые необычные ощущения в теле, когда самолет спустился из заоблачных далей на землю. Желудок подкатил вверх, и когда колеса самолета с визгом коснулись посадочной полосы, я вцепился в ручки кресла и замер. Самолет дико загудел, стал тормозить и, наконец, дернувшись, спокойно покатился по бетону. Я выдохнул и почувствовал нереальное облегчение.

– Ты чего, братан? – спросил меня мой сосед, которому достался позывной Мясо.

– Офигенно! – только и смог выдать я.

После этого полета я думал, что они уже ничем не смогут удивить меня, но им удалось! Нас пересадили в военные вертолеты. Я, как бывалый летчик, стал ждать, что он сейчас как самолет взлетит вверх за облака. Но вертолет, поднявшись, как мне показалось на метр от земли, наклонился вперед своим жалом, торчащим из его носа, и опасным шершнем быстро полетел вперед! Всякий раз, когда я смотрел вниз, у меня от страха замирало сердце, я боялся, что вот сейчас он встрянет этой пикой в какой-то куст, и мы кувыркнемся. Но вертолетчики, дай им Бог здоровья, в целостности и сохранности довели нас в нужную точку, где нас и переместили, как ценный груз, в «Уралы» и вывезли в секретное место. Там мы преодолели свой последний Рубикон, после которого отступление назад стало невозможным. У нас забрали прошлую жизнь, оставив только память и наколки, переодели в военную форму, выдали новые железные «ксивы» с буквой «К» и оружие. Сменив черную робу на зеленую, я почувствовал себя странно. Было такое ощущение, что произошла какая-то ошибка... До этого момента я видел людей в форме только среди представителей администрации и охраны. А теперь я сам являлся частью совершенно другой жизни и иной реальности.

– Автоматы нулевые, – заметил мужичок с моего барака, который раньше служил в армии в чине майора, – видимо, со складов прямо.

– И что это значит? – непонимающе спросил Краснодар.

– Что распечатали склады, а значит, война будет настоящей, – прищурился глаза, ответил майор. – Нужно готовиться к Великой Отечественной.

В учебке нас стали превращать в японских самураев, которым не нужно спать, есть и думать о лишнем. Путем непрерывных многократных повторений все движения доводились до автоматизма. Жизнь стала состоять из новых глаголов: «держу», «крою», «упали», «заходим в окопы»... Появились в нашем лексиконе, помимо известных нам матов, которые использовали инструктора, и новые существительные и числительные: «триста», «двести», «укреп», «БК»... За время учебки я три раза терял сознание во время занятий и сбросил вес со сто двенадцати килограмм до восьмидесяти пяти.

– Тяжело тебе? – с интересом смотрел на меня Колонист, когда я, обливаясь потом на тридцатиградусной жаре, в очередной раз пришел в себя после потери сознания.

– Я не могу...

– Ты, конечно, можешь. Ты просто не знаешь, на что ты способен, – улыбнулся он. – Но сегодня действительно достаточно, – протянул он руку и поднял меня с земли. – Давайте тактикой позанимаемся, пока вы тут не умерли.

Боевого опыта ни у кого в нашей группе не было. Половина служила когда-то давно срочку, а вторая половина состояла из таких как я – зеков, вместо армии попавших на малолетку, или тех, кто откосил в свое время от армии. Еще был майор, но он был майором армии мирного времени, знавшим о настоящей войне по книгам и фильмам. Это не помешало Колонисту с его командой за две недели вбить нам в головы азы тактики, медицины, работы с оружием в тройках и пятерках. Наши опасения, что к нам будут относиться так же, как к нам относились сотрудники ГУФСИН на зоне, не оправдались. Все было по-братски и наравне...

Рядом заворочался Димон и вернул меня из воспоминаний в пещеру. Как и тогда, сейчас мне на секунду это показалось игрой. Я в форме, с автоматом в руках сижу на фишке в пещере и высматриваю в кромешной тьме украинских диверсантов. «Фантастика какая-то... – помотал я головой. – Может, от недосыпа уже начинается то, о чем предупреждал Димон? – занервничал я и протер ладонями глаза. – Вроде нет», – оглянулся я по сторонам и не заметил ничего необычного. «Хотя, какая уж тут фантастика после того, как мы уже побывали в первых штурмах и взяли украинские позиции в лесу, психушку и сиськи», – вернулся я в реальность.

Когда нас после учебного лагеря привезли в подразделение, к нам не было никакого высокомерия со стороны вольных бойцов, которые давно воевали тут. И командиры, и рядовые сотрудники «Вагнера» отнеслись к нам по-дружески и с интересом. Проявляя такт, никто не рассматривал нас и не расспрашивал, за что и сколько мы сидели.

– Привет, мужики! – появился перед нами уверенный и шустрый мужчина в кепке Че Гевары. – Я – Гонг. Замкомандира взвода, в который вы попали. Сразу вам хочу сказать, что у нас тут нет такого «я не хочу или не могу». У нас есть работа, ее нужно выполнять. Понятно?

– Понятно, понятно... – вразнобой подтвердили мы, что осознаем ситуацию.

– И еще... Вы приехали сюда не умирать, а работать и защищать свою Родину. Война – это просто такая работа. Не более. Вы и заметить не успеете, как пройдет ваш контракт, и вы поедете домой. Ясно?

– Ясно, ясно... – опять загалдели мы.

– Ну, раз все ясно, то через полчаса выдвигаемся на позиции.

Тогда все показалось игрой «Зарница», в которой мы будем весело бегать по полям и посадкам с криками «Ура!» и палками гонять испуганных украинцев. Только майор не разделял нашего общего ликования и грустными глазами смотрел на наш «детский сад».

Я усмехнулся, вспоминая, как с перепугу тогда надел под бронежилет пуховик, переживал, что ночью могу замерзнуть на посту. Пока мы шли к нашему первому укрепу, находившемуся в пяти километрах от тыловой позиции, встало солнце, и мне стало невероятно жарко. Помучавшись полчаса, я стал обгонять бойцов и приблизился к Гаврошу, который шел в середине группы.

– Командир, можно я пуховик сниму, а то я уже фиолетовый от жары? – тяжело дыша, спросил я.

– Конечно, снимай! – улыбнулся Гаврош. – Такие вещи можешь не спрашивать. У командира нужно спрашивать что-то, что может повлиять на все подразделение, а если это касается только тебя лично, проявляй инициативу.

– Понял...

Продолжая передвигать ноги, на которые налипло по три килограмма грязи, ступая след в след, чтобы не наступить на мину-лепесток, я кое-как стянул с себя бронежилет и пуховик. Подержав его в руках и не понимая, куда его деть, я просто бросил его на землю и почувствовал невероятное облегчение, как будто опять оказался в самолете, который уносил меня в небо.

Ночью я впервые стоял на фишке и сильно мерз, сожалея, что выкинул свой прекрасный пуховик. Помимо холода, который забирал силы, я постоянно шугался шорохов и звуков, которые доносились из посадки. Тогда я еще не отличал случайные звуки от тех, на которые стоило

обращать внимание, поэтому при каждом непонятном звуке или движении, громко передергивал затвор, пытаясь отпугнуть этим страшным звуком невидимых врагов.

Подумав про это, я вернулся из своего внутреннего мира в реальный и вслушался в то, что происходило вокруг. Преимуществом фишки в пещере было эхо, которое предупредило бы меня о подходе хохлов за пару сотен метров. Любой звук, который тут раздавался, тут же отражался от стен и сводов пещеры и многократно усиливался. Послушав тишину несколько секунд, я успокоился и стал вспоминать свой первый штурм, в котором участвовал.

После взятия соседним взводом позиции «Железный лес», мы пошли штурмовать находившийся чуть сбоку обычный лес, который называли «деревянным».

– Мужики, это ваш первый штурм, поэтому слушаем меня внимательно, – начал говорить Гаврош. – Вам может быть страшно, но это нормально. Страшно всем. Главное, смотрите, что делаем мы, и делайте то же самое. Ясно?

– Да, – кивнули мы головами, с напряженными и немного испуганными лицами.

– Впереди будет их опорный пункт. Идем потихонечку, пока не начнется стрельба. Как только начнут стрелять, падаем, занимаем оборону, а дальше по обстоятельствам решим, как их лучше выкуривать оттуда.

Мы выстроились в линию и с разрывом в пять метров стали продвигаться вперед по двум сторонам густо заросшей кустарником и деревьями посадке. Колючки акации и терна постоянно цеплялись за амуницию и выдавали мое движение. От переживаний и тревоги я постоянно оглядывался на командира, чтобы не пропустить его приказ, и чтобы было чуть спокойнее. Его уверенный вид внушал мне, что мы делаем все верно и у нас все получится. Впервые там в посадке я узнал, что такое прилив адреналина. Это было очень необычное чувство, которое охватило меня с ног до головы. Мысли вдруг стали четкими и прозрачными и завертелись в голове с необычайной скоростью. Все инстинкты и органы обострились до предела, а тело наполнилось пружинистой силой.

«Ложись!» показал рукой командир, и я упал на землю прямо посередине открытого участка. В пяти метрах от меня находился мощный пенек от упавшего дерева, я пополз в его направлении. Магазины, которыми была набита разгрузка, сползли на живот и цеплялись за землю. Инстинктивно я встал на карачки и, как маленький кабанчик, быстро перебирая руками и ногами, побежал на четвереньках к заветному укрытию. Добравшись до пенька, я перевернулся на спину, спрятался за ним и передернул затвор. В этот момент я заметил командира, который улыбнулся мне и показал знак, что одобряет мой маневр.

Наши, кто был впереди, обнаружили тогда украинскую фишку и зачистили ее. После этого началась стрельба, украинцы стали накладывать по нам из АГС. Несколько гранат разорвалось от меня метрах в пяти, и, к моему счастью, осколки ушли в сторону. Я лежал и чувствовал запах пороха, которым были начинены **ВОГи**. Стало страшно. Тело парализовала предательская слабость, мне захотелось, как ящерице, двигаясь всем телом, поглубже закопаться в землю и спрятаться от стрельбы и взрывов.

Я увидел, как командир открыл ответный огонь, и меня отпустило. Я перевернулся на живот, высунулся из-за пенька и стал стрелять в сторону противника. Как мне показалось, все мои десять магазинов я расстрелял за пять минут боя. Когда они закончились, я достал из рюкзака полуторалитровую бутылку, забитую патронами, вскрыл ее и стал набивать магазины. Рядом со мной мой приятель Январь стал стрелять по укрепу из РПГ, которым он научился пользоваться. Украинцы не сдавались, и именно тогда я понял, что кина с победными атаками не будет.

– Ай-ай-ай! – заорал Мясо. – В меня попали! Я ранен!

– Перематывайся! – заорал ему сзади бывалый боец Обида. – Аптечка у тебя есть?

– Январь, помоги ему! – крикнул командир.

Продолжая стрельбу, тройки стали продвигаться вперед, и я понял, что мне сейчас предстоит встать из-за этого спасительного пенька и попробовать перебежать дальше.

«Раз, два, три!» – стал считать я про себя. На счет «три» подорвался и побежал за Обидой, который уже был немного впереди, обходя украинский укреп с правого фланга. Непрерывно постреливая вперед, он продвигался все дальше, а я семенил за ним, в точности повторяя его передвижения. Мы с двух сторон заскочили в окопы и стали зачищать их. Я двигался сзади, и когда Обида перезаряжался, прикрывал его и простреливал траншеи.

Через час укреп был взят. Как выяснилось, мы потеряли двоих. Сначала нашли Рыбака, а чуть позднее Отшельника, который закатился под куст. Мясо было отправлено в тыл, а мы стали окапываться, чтобы развернуть огневые точки в сторону противника.

Ночью по нашим позициям опять отработал АГС, еще трое бойцов получили ранения. Шихану и Джордану осколки прилетели в конечности, а Январю осколок прилетел в лицо, выбив ему глаз. Ранение у него было тяжелым, и его первым потащили в тыл. Тогда из-за дефицита бойцов еще не была налажена работа групп эвакуации, и нам приходилось носить трехсотых самим. Гаврош и трое бойцов схватили носилки с Январем и убежали в ночь. Нам с Краснодаром досталось выводить Шихана. Джордан был ранен в руку и просто шел с нами своим ходом. Пока мы тащили Шихана, до меня стало доходить, что это не игра, а реальная ситуация, где тебя могут ранить или убить. И это не понарошку, как в учебном лагере, когда Колонист кричал: «Двести!», а я, грустно моргая глазами, ждал, когда он воскресит меня. Тут никто никого оживить не мог, и Отшельник с Рыбаком так и остались мертвыми.

Возвращаясь назад, я наткнулся на свой пенек и, к своему ужасу, увидел, что вражеские пули проделали в нем с десяток дырок. «Спасибо тебе, пенечек!», – погладил я его рукой и пошел дальше на позицию. «Часть из вас вернется назад в пакетах... Часть будет ранена», – вспомнил я слова Пригожина, которые тогда пропустил на плацу, услышав только то, что хотел услышать: «Через полгода вы вернетесь домой с помилованием, наградами и деньгами». До конца контракта тогда оставалось еще сто шестьдесят дней.

Я шел к нашему новому укрепу и держал в руке иконку Николая Чудотворца, которая досталась мне от моего отца после его смерти в одиннадцатом году. Сжимая ее как талисман, который не раз выручал меня в тюрьме и зоне, я тихо молился: «О, всеблагий отче Николай, пастырь и учитель всех, с верою прибегающих к твоему заступничеству и в горячей молитве тебя призывающих! Скоро поспеши и избавь Христово стадо от волков, губящих его. И всякую страну христианскую огради и сохрани святыми твоими молитвами от мирского мятежа, землетрясения, нашествия иноплемеников и междоусобной войны. От голода, наводнения, огня, меча и от внезапной смерти. И как ты помиловал трех мужей, в темнице сидевших, и избавил их от царского гнева и от усечения мечом, так помилуй и меня, умом, словом и делом во тьме грехов пребывающего. И избавь меня от гнева Божия и вечного наказания, да твоим ходатайством и помощью, – смотрел я вверх сквозь листву, которая стала желтеть. – Своим же милосердием и благодатию Христос Бог тихую и безгрешную жизнь даст мне прожить в веке сем. И избавит меня от участи стоящих слева, и сподобит стать справа со всеми святыми. Аминь!»

После взятия этого большого укрепления, нас четверых под командованием Обиды оставили охранять укреп и защищать фланг, откуда предположительно могли зайти украинцы, чтобы подрубить наше продвижение к «Веселой долине». Взвод ушел вперед, и мы слышали, как там идет бой, пока стояли на фишке.

– И как мы его взяли? – удивлялся Шамал, разглядывая хорошо укрепленные траншеи, явно выкопанные не вручную, а при помощи экскаватора, и забетонированные блиндажи.

– Да как? Чуйка у Гавроша хорошая и опыт военный, – спокойно ответил Обида. – Изначально хотели слева зайти, но тут Гаврош нашел какую-то лазейку в их обороне, мы тут заскочили и вышли к ним в тыл.

– Такой укреп, можно сказать, с минимальными потерями забрали! – не переставал удивляться Шамал.

Я лежал, стараясь не шевелиться, на холодных ступеньках, вырубленных в стенке траншеи, и наблюдал за стороной, откуда мы ждали возможный накат хохлов. От этого ноги стали мерзнуть до такой степени, что я чувствовал свои кости и каждую мышцу в отдельности.

– Ну, как тебе война? – с улыбкой спросил Обида. – Понравилось?

– На лютом адреналине вывез! – смущенно улыбнувшись в ответ, сказал я. – Конечно, я все себе не так представлял...

– Тут все на парадоксах. Хочешь выжить, будь готов умереть.

– Да, я когда записался, четко уже понимал, что всякое может случиться... Жалеть обо мне некому. Родители умерли. Брат остался старший, но, по сути, я ему тоже не нужен. Есть крестница... Дочь его.

– В общем, ты – одинокий волк?

– Если вернусь, то начну жизнь заново, с чистого листа. А если нет... То я как раз крестницу и записал в душеприказчики. Пусть ей деньги достанутся от меня. Будет знать, что ее крестный – не какой-то там преступник пропащий, а солдат, погибший, защищая свою Родину.

– Ясно... – спокойно ответил Обида, глядя на меня. – Ты когда стреляешь, куда метишься?

– Приблизительно в грудь или в живот.

– Лучше по ногам целясь.

– Почему? – удивился я.

– Вот смотри... – поднял он свой автомат, – ты его заметил, начинаешь стрелять, он падает на землю, и ты его сразу снимаешь. А будешь в живот целиться – можешь промазать.

– Понял. Спасибо! – оживился я, понимая, что Обида делится со мной своим боевым бесценным опытом, который поможет мне выжить. – А еще какие фишки есть?

– Ну, смотря в какой ситуации... Фишек много.

Недели две мы пробыли на этой позиции, которую сделали точкой подвоза. Наши где-то раздобыли «копейку», и она стала привозить к нам БК и продукты с водой, которые мы стали таскать дальше. Через пару недель взвод продвинулся настолько далеко, что наша точка стала неактуальной, и нас перевели на только что захваченную психушку. Обида, Шрам, Стахан, Калипсо и два моих близких по лагерю Трудный и Микс пошли дальше, а меня, Краснодара и Димона придерживали первое время на закрепе, пока взвод не штурманул пещеры.

– Димон! Родной! – услышал я голос Краснодара. – Давай, кто-нибудь один из вас бегите сюда. Пацана трехсотого нужно в тыл оттянуть.

Я разбудил Димона, передал ему фишку и присоединился к группе мужиков, которые тянули трехсотого.

– О, Вакула! – уставился я на мужика, завернутого в блестящую как новогодняя обертка фольгу. Вакула приехал пару дней назад с пополнением. – Что с ним?

– Птичка ВОГ скинула почти под ноги. Хорошо хоть ступню не оторвало, но нога в хлам.

В Вакуле было больше ста килограмм живого веса. Неудивительно, что пацаны не могли донести его впятером. Я взялся за край носилок, и мы быстрым шагом двинулись в сторону психушки, где у нас находился ПВД и медики.

– Больно, пацаны... – постанывал Вакула, покачиваясь в мягких носилках.

– Понятно, что больно, – подбадривал его бородатый боец, – ты же волгоградский! Это же символ!

– Птичка... – тихим голосом сказал Вакула, и сразу после этого мы услышали жужжание пропеллеров.

– В кусты давай его! – заорал кто-то сзади.

– Там мины! – хрипло застонал кто-то сзади справа от меня.

– И хули?

– Пацаны, она над нами зависла, – констатировал факт Вакула, – прицеливается, видно.

– Давай в зеленку! Тут нас точно разматает, а там хоть шанс есть пятьдесят на пятьдесят!

Я бежал вместе со всеми, держа носилки и готовясь принять неизбежный сброс, который затрехсотит или убьет кого-то из нас. Выбор был непростой, и когда кто-то сделал его за меня и потащил носилки в посадку, я безропотно повернул и побежал вместе с ними. Заскочив под деревья, мы постарались забиться как можно глубже в чащу и, поставив носилки с Вакулой, разбежались в разные стороны, справедливо полагая, что лучше пусть погибнет кто-то один из нас, чем мы ляжем тут все вместе. А уж кого выберет в священную жертву оператор дрона, не нам судить.

Нам повезло. Дрон либо был пустым, либо уже израсходовал свой запас. Покружив с минуту, он взмыл вверх и скрылся в направлении Иванграда.

– Пацаны, я больше не могу, – тихо сказал один из бойцов с бледным, как у мима, лицом. – Давайте, я ваши автоматы потащу, а вы его. Может, так нам легче будет? – с надеждой посмотрел он на нас.

Мы не стали возражать против этого плана, и нам правда стало легче. Он повесил на себя все наши семь автоматов и бежал сзади, пыхтя и бряцая железными оружием, бьющимися друг о друга.

– Простите, пацаны, – смущенно простонал Вакула, – опять птица прилетела.

– Гребаный крот! – выругался боец, бегущий впереди. – В кусты!

Резко свернув с дороги в сторону, мы заскочили под деревья, которые здесь были выше, чем в остальных местах, что и спасло нас. ВОГ, ударившись о верхние ветки, взорвался в кроне дерева, и осколки ушли не вниз. Дождавшись, когда дрон улетит, мы подхватили Вакулу и побежали дальше.

Чтобы не думать о том, как мне плохо и тяжело, я опять стал читать молитву. Это отвлекало меня и не давало концентрироваться на боли в пальцах, в которые впивались веревки носилок, грустном лице Вакулы и мыслях о том, что до конца контракта еще остался сто сорок один день.

7. Обида. 1.0. Продвижение разведвзвода

На земле Бахмута, из-за ее природных богатств, постоянно вспыхивали конфликты. Издревле здесь добывалась соль, производство которой контролировали то изюмские, то донские казаки. Пытаясь *отжать*, друг у друга контроль над бизнесом, казаки не раз вступали между собой в военные действия. Изюмские подчинялись Москве, а донские считали себя вольными людьми, судья которым – только Бог. Из-за того, что Москва отдала контроль над добычей столь важного продукта изюмским казакам, донские подняли бунт во главе со своим атаманом – сотником Булавиным и осадили Москву, требуя справедливости. Бунт был подавлен регулярными войсками, а добыча соли монополизирована Петром I. В 1708 году Петр издал Указ, в котором приказал конфисковать инструменты по производству соли у частного бизнеса и передать их безвозмездно в пользование государства: «...И эти заводы, если есть возможность, надо быстрее построить. И сковороды для выпаривания соли, на те заводы, взять у тех людей, у кого они там окажутся. И сделать для этого на Бахмуте небольшую крепость. И послать с Азова солдат, переменного человек двести-триста, для охраны и наведения порядка...».

Чтобы прокормиться до следующего урожая, люди освоили технологию соления. До появления электричества и холодильников, соль была естественным, очень важным консервантом, который позволял значительно увеличивать срок хранения продуктов. Соль была нефтью прошлых времен. Если она поднималась в цене, то тут же вырастали цены на все остальное. Именно поэтому на Руси то тут, то там периодически происходили соляные бунты, связанные с подорожанием или увеличением налогов на добычу соли.

Соледар и Бахмут были крупнейшими месторождениями, где с незапамятных времен добывали это незаменимое полезное ископаемое – каменную поваренную соль. Во времена промышленной революции добычу соли выкупили иностранные компании, а после революции 1917 года разработка соляных месторождений была монополизирована государством. Масштабы добычи исчислялись сотнями тонн, а протяженность туннелей и пещер, соединенных между собой, достигала двухсот километров. Под землей существовал целый город с санаториями по лечению астмы и других заболеваний дыхательных путей. Там же, в пещерах, устраивались концерты и торжественные мероприятия. Сам Джон Толкин, с его описаниями подземных городов гномов в книге «Властелин колец», мог бы позавидовать масштабам этих подземных коммуникаций. Каждому жителю СССР была знакома соль в килограммовых пачках, с лейблом «Артемсоль» – градообразующего предприятия городов Соледар и Бахмут. И, теперь, наш взвод воевал вблизи этих месторождений, как некогда воевали казаки. История циклична, и она имеет свойство возвращаться: «на круги своя».

Что Гаврош, командир взвода разведки, что Гонг, его зам, никогда не отсиживались в тылу и всегда ходили штурмовать позиции лично. Забрав восьмого ноября «Деревянный лес», «Веселую долину» с психушкой и позицию «сиськи», разведвзвод седьмого штурмового отряда уперся в соляные пещеры. Группа, под руководством Гонга, штурманула окопы, которые были чуть выше входа в соляные пещеры, и была готова продвигаться дальше, но соседи из второго взвода начали свой собственный штурм и, как сказал Гонг по рации, «спалили всю малину». Украинская арта открыла интенсивный огонь и стала разбирать и атаковать из второго взвода, и группу Гонга, сидящую выше в окопах. Ночью пришлось отводить группу назад, забирая своих и чужих двухсотых и трехсотых. Перегруппировавшись, той же ночью, в пять утра, наши ворвались в пещеры и зачистили их. Чтобы не терять темпа, Гонг передал пещеры второму взводу и повел свою группу на Иванград.

Это поселение состояло из одной улицы, которая тянулась параллельно реке Бахмутке, превращающейся здесь в ручей. Западнее, за болотистой низиной, на ее крутой стороне нахо-

дился поселок Опытное. Поселок был пригородом Бахмута и, помимо частного, имел высотную застройку, состоящую из трех, четырех и пятиэтажных зданий. Из Опытного Иванград был как на ладони и простреливался насквозь из любого вида оружия: стрелкового, снайперского и тяжелого.

Несмотря на это, Гонг с девятнадцатью бойцами, на мягких лапках, подобрался к отдельно стоящему хутору в начале единственной улицы и, не встретив сопротивления, занял его. Не останавливаясь, они преодолели сто пятьдесят метров открытки и зашли в первые дома.

Я был в другой группе и заходил в пещеры с обратной стороны. Пещеры были огромными. При желании в них легко могли заехать два самосвала или телескопический кран с поднятой десятиметровой стрелой. Зачистив вместе со вторым взводом ближайшие туннели и пещеры, мы заминировали дальние подходы, которые легко могли вести в сам Бахмут, и стали ждать дальнейших указаний. Я сидел на фишке, осторожно разглядывая раскинувшуюся передо мной картину: заросшую камышом низину речки и домики Иванграда, где уже шел бой, и слушал рацию.

– Гонг – Гаврошу?

– На связи.

– Как успехи?

– Да, нормально. Забрали *промку* в начале улицы и зачистили несколько домов справа. Зацепились пока.

– Попробуй всех гражданских оттуда вывести, – попросил Гаврош.

– Да я тут уже нашел двоих. Мутные какие-то. Оставил двух бойцов их стеречь. Про остальных – принял. Но, чтобы мирняк вывести, мне нужно зачистить тут каждый дом.

– БК и остальное... Послал уже группу. Принесут вам.

– Понял. Будем двигать дальше. Конец связи.

С Гаврошем я воевал с самого начала своей командировки, когда во взводе было всего пару десятков человек. Гонг присоединился к нам в «Деревянном лесу» и сначала вызвал у нас полное недоумение. Гаврош привел какого-то небритого деда и сказал, что он будет его замом. Мы с пацанами переглянулись и без слов уловили суть удивления друг друга...

– Вы чего там, *гоните*?! – думали мы.

– Да ну нахуй?! – удивлялись остальные, глядя на него.

Но с первых боев в лесу Гонг дал фору многим и показал, что он опытный и матерый боец, знающий много фишек, приемов и хитростей. Казалось, его талантам в тактике, стратегии, саперном деле и общении с людьми нет предела. Выглядел он как добрый учитель истории или трудовик из школы, но, как говорится, внешность обманчива. На морщинистом лице старого шамана, с копной полуседых кудрявых волос, ярко и живо блестели добрые глаза. Эта прическа и кустистые брови делали его похожим на доброго волшебника из советских сказок. Речь его была мягкой, с еле уловимым украинским акцентом, выдававшим в нем жителя Донбасса или какого-то другого русскоязычного региона Украины. Разговаривая с Гонгом, хотелось быть душевнее и рассказывать ему самое сокровенное, в чем страшно признаться даже самому себе. Но за внешностью пастора скрывалась железная воля и личная храбрость, которую он стал проявлять с первых дней вступления в должность. Воевал он давно, еще с четырнадцатого года, и, по слухам, имел личные счеты с украинскими националистами. В фильме «Семнадцать мгновений весны» его бы охарактеризовали так: «Гонг. Истинный патриот, беспощадный к врагам партии и народа».

Я знал, что ночью, в помощь к Гонгу, ушли Немезида и Трубочист, чтобы пополнить группу опытными бойцами. Большинство парней в его группе были необстрелянными. Украинцы дали им добраться до первой открытки, где стоял сгоревший пикап, и стали поливать со всех сторон всем, чем только было возможно. Судя по звукам, долбили по ним и пулеметы, и гранатометы, и стрелковое оружие.

– Гонг – Гаврошу?

– На связи, – тут же отреагировал Гонг.

– Вижу с птички пехоту противника, которая движется к вам. Вам нужно отползать назад к дому и закрепляться.

– Принято.

Когда на связь выходил Гонг, ему приходилось перекрикивать звуки интенсивной стрельбы, которая была слышна в рацию:

– Отползаем! У меня один триста. Пусть эвакуация сразу к нам идет.

Перегруппировавшись и заняв оборону в доме, группе Гонга удалось отбить *накат* со стороны хохлов и передать координаты огневых точек в Опытном, по которым должна была отработать наша арта.

– Гаврош – Гонгу? – опять услышал я в рации голос Гонга.

– Слушаю...

– Что там с артиллерией? Прилетело шесть градин. Это все?

– Не дают больше ничего, – с досадой сказал Гаврош в рацию. – Сейчас что-то буду думать. Погоди немного.

– Давайте поддержите огнем, а то это какая-то *шляпа*, а не помощь.

Гаврош выгнал на прямую наводку БМП и попытался хоть как-то заткнуть огневые точки в Опытном, расстреливая их из пушки. Буквально через десять минут, из Опытного прилетела противотанковая управляемая ракета и сожгла БМП, заодно затрехсотив Гавроша и Этикета. В этот же день ранило и самого Гонга, но оттянуть его удалось не сразу.

Пытаясь затечь в Иванград, группы доставки и эвакуации понесли очень большие потери. Виной всему была та самая проклятая открытка в низине, между солевыми пещерами и Иванградом. Бойцы, прибывшие вытаскивать трехсотых из Иванграда, решили сократить расстояние и по-быстрому проскочить до первых домов в начале улицы. Они вышли на открытку и были расстреляны из танка. Он сделал всего два выстрела – на поле осталось девять человек убитыми. Осколки, разлетевшись плотной стаей жалящих пчел, не оставили им никаких шансов. Следом попыталась пробраться еще одна группа эвакуации и тоже попала под танк. Этой группе повезло больше. «Мы все – триста», – передали они. Группы эвакуации закончились. Тут нарисовался Абрек, который взял трех бойцов и очень осторожно заполз туда, где лежали наши трехсотые. Им удалось зацепить и вытащить самого тяжелого из них. Но как только они выползли, туда прилетели еще два снаряда, и выносить стало некого – трое остальных погибли. За пару часов мы потеряли тринадцать человек двухсотыми. Одного удалось спасти. Иванград и самонадеянность неопытных бойцов принесли страшный «урожай». Среди этих тринадцати был неплохой боец с позывным Мясной, с которым я недавно познакомился. Было жаль, что такой бодрый пацан погиб так быстро.

На войне к чужой смерти малознакомых людей привыкаешь быстро. Она перестает быть трагичной и вызывать яркие эмоции. Момент потери живого человека становится просто рациональным фактом. Вот пришел новый человек с пополнением, вот он пошел в первый накат или вытаскивать кого-то с передка, а через мгновение он упал, и его не стало. «Ладно... Идем дальше», – я привык думать на автомате, становясь еще осторожнее. Голова перестраивалась и, во избежание болезненных чувств, делала вполне понятный вывод: «На войне нельзя привыкать к людям. Ты с ним подружился, узнал поближе, а потом его раз – и убили. И тебе становится больно. А эти переживания тут ни к чему».

Через день раненых вместе с Гонгом удалось эвакуировать. За него остался Немезида, с которым мы воевали еще с августа. Нашей группе поступил приказ собраться и идти в Иванград к нему на поддержку. «Прекрасно!» – подумал я и пошел собирать свои вещи. Приказ для человека военного – это данность, которая не обсуждается. А служил я давно. Начал с восьмилетнего контракта в спецназе внутренних войск в Чечне. В четырнадцатом пошел служить

в десантно-штурмовой батальон 810-й бригады морской пехоты. Когда началась СВО, я стал наблюдать и думать, куда пойти служить; возвращаться в 810-ю было уже не с руки. Все, кто служил там со мной ранее, погибли в Мариуполе. Из старых сослуживцев остался всего один знакомый, который еще в семнадцатом году перешел в «Вагнер». Списавшись с ним, я узнал все, что мне было нужно.

– Давай к нам, конечно, – обрадовался мой приятель. – У наемников и подготовка лучше, и структура проще. Да и отношение руководства... Сам увидишь. Все на равных.

– Хмм... Ладно.

– С твоим опытом тебя с руками оторвут, – бодро тараторил он по телефону.

– С собой брать что-то нужно?

– Все дадут. Ну, медицину можешь взять свою, какая нравится. Доберешься до *Молей*, и все будет.

Завершив свою работу бригадира на стройке и сдав дела преемнику, я заехал домой в Ростов-на-Дону и уже через несколько дней был в Краснодарском крае, на базе. Оформили меня за три дня и, увидев, что я приехал подготовленным, сказали: «Смысл тебя дальше гонять? Если готов – собирайся и езжай». В течение недели я поменял одну работу на другую – более любимую...

Заходить в Иванград мы решили ночью. Из всех, кто был со мной в группе, я был самым опытным. Остальные были вновь прибывшими, необстрелянными кашниками, которые только недавно прибыли с пополнением. Я видел, как некоторые *мандражировали*, стараясь не показывать виду, что им весьма сыкотно.

– Братан, ты не стесняйся. Спать не вредно, если это на пользу пойдет, – постарался поддержать я одного худого, молодого и бледного бойца, каска которого была в три раза больше его головы.

– Главное касочку придерживай, чтобы не потерялась.

– Хорошо.

Машинально его рука схватилась за каску, как за шляпу, которую прямо сейчас должно было сдуть ветром.

– Попрыгали, – обратился я к бойцам и сам подпрыгнул пару раз на месте.

– Если что-то мешает, лучше это подтянуть или выкинуть. Бежать нам нужно быстро и немало.

Пятьсот метров открытки, которую нам нужно было преодолеть, были для вэсэушников, как тир с гусями. И хотя была ночь, противник был отлично оснащен разного рода приборами, позволяющими ловить движение и видеть в темноте. Украинцы постоянно запускали в небо осветительные люстры, имели приборы ночного видения и датчики движения, что давало им неоспоримое преимущество. Пока добежали до первого здания и смогли хоть как-то укрыться, из девятнадцати бойцов пятерых потеряли трехсотыми.

– Привет! Добрались, значит, – улыбнулся мне Немезида.

– Как видишь, – кивнул я в ответ. – Что тут?

– Процентом тридцать улицы наши, остальные за хохлами, – улыбнулся он. – Нам бы что-то как-то придумать... Там открытка и пулеметы.

Немезида был из Сибири, где всю жизнь проработал егерем. Потом он успел повоевать в Цхинвале, а попав в «Вагнер», стал снайпером. Но по посадкам много с *СВД* не побегаешь, поэтому он быстро сменил винтовку на автомат и стал отличным штурмовиком. Был он высоким, рыжеватым мужиком, за метр восемьдесят. До встречи с ним я думал, что егеря – это такие молчаливые лесные бродяги, из которых не вытянуть слово, даже когда они висят на одной руке над пропастью или тонут в реке. Немезида был не такой. В запасе у него было множество жизненных историй на все случаи жизни, которые он пересказывал при каждом удобном случае. Когда такого повода не было, он начинал пересказывать вслух то, что делал вчера,

или то, о чем успел подумать за эту неделю. За последние три месяца он был трижды легко ранен, но всякий раз возвращался в наше подразделение.

– Ну что, Обида? Мы с тобой, вроде как главные. С этих какой спрос? – махнул он головой в сторону *проектантов*. – Духу в них до жопы, а навыков войны нет. Идут, рот раскроют, под ноги не смотрят, растяжки не видят, да и по сторонам не особо. Пока по ним стрелять не начнут, прут как мушкетеры! – стал сетовать Немезида.

– Не все... Есть среди них опытные ребята. Двигаются как надо. Да и группы эвакуации из них лучшие. Из таких мест ребят вытаскивают, из которых нереально вытащить. Никого не бросают. Пока я там думаю, анализирую, они хуяк, и уже вытащили.

– Согласен.

Когда к нам приехали первые заключенные, мы почувствовали себя полноценным подразделением. Впервые на моей памяти наш взвод достиг размера в сто человек, и можно было заниматься конкретной работой, а не быть самому себе и командиром, и штурмовиком, и группой доставки-эвакуации. Первую партию быстро разбили на группы и разбавили сотрудниками компании, чтобы можно было в случае непредвиденных обстоятельств быстро навести порядок. На тот момент руководство не знало, как они себя поведут и насколько можно доверять вчерашним зекам. Но на деле они достаточно быстро, в большинстве своем, сориентировались в обстановке, обстрелялись, обтерлись и взяли на себя большую часть работы на передке.

– Смотри, Обида... Кстати, все хотел у тебя узнать, откуда у тебя такой позывной? Обида... – перескочил с мысли на мысль Немезида.

– Так вышло... – стал вспоминать я. – Когда выбирали в Молькино, штук пятьдесят перебрал.

Этот, на компьютере, уже устал и спросил: «А ты откуда?» – «Ростов-на-Дону». Он мне: «Значит, будешь Обидой!». Я, видимо, так на него посмотрел выразительно, что он сразу мне ответил: «Не парься, после поймешь, почему».

– И что ты? Понял? – уточнил Немезида.

– Понял, со временем. Куда не приду, везде на меня обижаются. И хохлы, и наши.

– Вон оно как! Мы с тобой, вроде, как два сапога – пара! У меня позывной в честь древней богини возмездия, а у тебя, значит, Обида. Сработаемся.

– Я и не сомневаюсь, – улыбнулся я в ответ.

– Короче, что делать будем? – уставился он на меня своими любопытными, немного навывкате, глазами.

Я рассматривал карту, на которой было изображено отдельно стоящее хозяйство; от занятого нами дома до него было метров пятьдесят. Типичный донбасский домик, с кучей подсобных построек, собранных из подручных материалов.

– Давай ты со своими крой огнем, а я возьму пару человек и попробую с торца или сзади, с огорода зайти. Короче, – посмотрел я на Немезиду. – Ваше дело – не давать им высунуться, пока я к ним не подползу.

– Без базара. Бери пару бойцов и выдвигайся.

При штурме домов самое главное, чтобы группа прикрытия создавала огневой вал и не давала никому поднять головы, пока штурмовики не смогут подползти к зданию на расстояние броска гранаты. А когда они уже там – полдела сделано. Подскочили к дому, гранатами закидали, запрыгнули, зачистили.

Группа Немезиды нормально наваливала огнем по дому, пока мы не оказались почти на заднем дворе. Я подтянулся вместе с двумя бойцами почти под самые окна и, закинув туда две «эфки», запрыгнул в ближайшее окно. В комнате никого не было. Ни живых, ни мертвых. Шорохи доносились из помещения, которое было чуть дальше. Держа на прицеле двери, я переместился за угол, на автомате просчитав сектор, откуда по мне могли работать. Пока я

держал дверь, в окно влез один из бойцов, с позывным Сеня, а второй остался держать улицу, чтобы нас не обошли.

– Держи дверь, – кивнул я ему.

– Держу.

Я закинул за угол, в соседнюю комнату, еще одну гранату, в расчете на то, что вражеского бойца убьет или оглушит взрывом, и стал простреливать помещение. Адреналин привычно наполнял тело, превращая его в пружину, действующую автоматически.

– Ту комнату держи! – коротко скомандовал я бойцу и выпустил полрожка в зал, заваленный разбитой мебелью и другой рухлядью.

Два украинских солдата не ожидали нашего захода с тыла и спрятались за перевернутым шифоньером, который пули прошли насквозь. На всякий случай я законтролил их короткими очередями и занял позицию у окна, напротив второго дома, метрах в пяти от нас.

– Чисто, – шепотом сказал мне мой напарник Сеня, на полусогнутых заползая в зал.

– Третьего зови. Сейчас осмотримся,ждемся подкрепления и второй дом штурманем.

Пока закрепляемся.

– Немезида – Обиде?

– Да?

– Закрепились. Подтягивай сюда группу. Пойдем дальше.

Со стороны Опытного мощно бил крупнокалиберный пулемет. В перерывах между выстрелами я вслушивался в темноту донбасской ночи и думал: «Сколько бойцов противника может быть в соседнем доме?» Распределив сектора между собой, мы стали ждать подкрепления.

8. Флир. 1.0. Настоящая война

После интенсивных тренировок в учебном лагере, где мы ложились в полночь и просыпались от криков инструкторов в пять утра, нам выдали настоящие гранаты и взапवादашние патроны к автоматам, погрузили в «Уралы» и перебросили в поселок Клиновое. Полуразрушенные дома, осенняя грязь; следы недавних боев бросались в глаза на каждом шагу. Нас встретил невысокий коренастый мужчина и сообщил, что он – старшина взвода разведки, в который мы распределены, и наша задача – максимально отдохнуть и подготовиться к предстоящим боям. Все происходило очень быстро, у меня было ощущение, что я смотрю какой-то художественный фильм про войну. Я вроде был и участником, а в то же время и зрителем происходящего. «Неужели это все происходит со мной?! Я что, буду стрелять из этого автомата по живым людям?» – внутренне удивлялся я, разглядывая мужиков, с которыми сидел в одном лагере. «И эти люди рядом – это не персонажи компьютерной игры, а настоящие солдаты? – я все никак не мог привыкнуть, что мы на войне и одеты не в робы, а в военную форму. – Сюр какой-то. Скорее бы уже попасть на передок и пострелять».

Отдохнуть как следует не получилось. Ночью нас перебросили из Клинового в какую-то посадку и распределили по блиндажам и окопам. Запах свежевскопанной земли, морозный воздух, постоянный близкий гул минометной и артиллерийской канонады, стрелкотня из пулеметов и автоматов явственно сигнализировали мне, что реальность все ближе и ближе подбигается ко мне. И обещания мужичка из «Вагнера», который приезжал к нам в лагерь, помимо моего желания, звучали в моей голове: «...Мужики, там будет жопа, и многие из вас умрут... умрут... умрут...» Психика сопротивлялась и старалась вытеснить тревогу. Этой же ночью половину нашей группы забрали куда-то туда, в темноту, штурмовать Иванград, а нам сказали ожидать дальнейших приказов.

Самое неприятное в этих окопах – неизвестность. От страха и непонимания будущего хотелось спрятаться в какую-нибудь осознанную деятельность. Книг и телевизоров нам тут не предоставили, телефоны забрали еще в лагере, так что нам оставалось только думать о своем, вспоминать и разговаривать друг с другом. Меня поставили на фишку с другим бойцом из нашего подразделения, с которым я почти не общался в лагере. Судя по внешности, он был старше меня лет на пять.

– А ты где жил до зоны? – спросил Балор.

– Я? – удивился я его банальному вопросу. – Сначала в Хабаровском крае, а когда мне стукнуло двенадцать лет, бабушка с дедушкой переехали на юг, в Краснодарский край, и забрали меня с собой.

– А родители?

– Отца я не помню. Его убили, когда мне было года два. Меня в основном бабушка и дедушка по материнской линии воспитывали. В принципе, было нормальное детство. Компьютер, сладости, школа, приятели.

– Ну и как тебе после Хабаровска было на юге оказаться?

– Первое время странно... Класс больше, как и школа. Да и природа совсем другая. Но до лета и за каникулы я много с кем подружился. Да и возраст. Девчонки пошли. Они там красивые! По станице гуляли, купались, играли в игрушки разные... Стрелялки. В общем-то, я общительный.

– А после школы? – продолжал задавать вопросы Балор, убивая тем самым время и снимая напряжение.

– После школы в Краснодаре поступил в кооперативный институт... А оттуда на зону.

– Два, два, восемь?

– Типа того. Денег хотелось. Я сначала на стройке подрабатывал, еще где-то по мелочи. А тут предложили хорошие деньги. Ничего не заработал, конечно, но сел надолго.

– Страна обеспечила тебя работой, в общем? – беззлобно пошутил Балор.

– Угу. Десять строгого сразу дали.

– И сколько тебе сидеть оставалось?

– Шесть и шесть отбыл. Три и шесть выходит, – быстро посчитал я. – Но я сразу решил, что пойду, как только узнал, что вагнера ездят. Устал я сидеть нереально. Да и в карты стал играть... Мог бы залететь. Карточный долг – долг чести.

– Карты – это плохо, – Балор посмотрел в сторону зарева, которое было видно каждую ночь в районе Бахмута. – Теперь у нас игра другая. И ставки повыше.

Через несколько дней к нам на позицию завели новую партию кашников, а нас отправили ближе к Иванграду, в соляные пещеры, и определили в группу эвакуации. Всю ночь мы выносили убитых, некоторые из них были разорваны и сильно изуродованы.

– Балор, тебе не страшно? – шепотом, боясь признаться самому себе в том, что я очень боюсь, осторожно спросил я, когда мы тащили первого двухсотого. Это же...

– Да, с нашего лагеря пацан.

– Я его еле узнал... – мельком взглянул я на то, что осталось у него от лица.

– Я тоже его только по наколкам узнал. Мы с ним в одном отряде были.

– ...Двадцать процентов будут двести. Значит, наши шансы теперь выше, да?

– Точно.

Пробежав в очередной раз четыре километра до Иванграда, мы получили приказ оставаться здесь на позиции у Немезиды. Позиция эта находилась в подвале дома, который стоял ровно посередине Иванграда. Справа была широкая балка и возвышенность, там располагались строения Опытного, а слева, через дорогу, находились развалины последнего на этой улице дома, прямо перед поворотом на кладбище; там закрепилась наша группа под командованием Круглого. Они как могли поддерживали огнем наши наступающие группы и несли серьезные потери, находясь под непрерывным огнем противника из Опытного и Бахмута. На душе было погано и пусто, и это состояние передавалось телу. Оно было ватным и немощным, как после длительной изнуряющей болезни. Смерть тех, кого ты знал и с кем буквально несколько дней назад общался, казалась невероятной. Сам факт того, что человек был жив, говорил тебе что-то, рассказывал анекдоты, пил с тобой из одной кружки чай, улыбался и вдруг перестал существовать – ошеломял. В старину, когда воин получал по шелому булавой или дубиной, он чувствовал ошеломление. Звон в голове и пустота. И растерянность от бессилия что-либо изменить и отмотать пленку назад. Смерть, как и время, не имеет обратного хода.

Когда мы носили тела своих солагерников, они уже не были собой в полной мере. Многие из них физически еще сохраняли свою внешность, но в реальности это была лишь оболочка. То, что было стрижено и сутью их личности, безвозвратно ушло после получения травм, несовместимых с жизнью. «Скончался от полученных ранений» – загорались у меня в голове кровавые буквы и светящейся рекламной надписью уносились в вечность.

За всю историю человечества люди придумали множество способов «победить» смерть. От самых простых – «я буду жить в своем потомстве», до более сложных – веры в жизнь вечную в загробных чертогах, перерождение в новую личность с новым телом, и Бог ведь что еще. «В детях? – размышлял я. – Ну максимум до внуков, а дальше твои гены растворятся, и до свидания». «Никто и не вспомнит, кто ты, и как тебя зовут», – с грустью почти прошептал я. «Остаться хотя бы в памяти... Знать, что мы жили не напрасно, знать, что нас будут помнить те, кому мы не безразличны...» – металась мысль в моей голове. «Детей у меня нет. Бабушка и дедушка уже старенькие... Пусть кто-то запомнит наш подвиг. Запомнит нас, как солдат! «Быть воином – Жить вечно!» – спасительным смыслом всплыла в моей голове заученная в

учебке фраза, которую постоянно повторял один из инструкторов. Буквально на секунду эта фраза принесла утешение.

– Бойцы! Слушайте сюда, – прервал мои размышления Немезида. – Сейчас делитесь на две группы. И выдвигаетесь на позицию «Кронштадт», надо помочь группе, которую там зажали хохлы. Они отбили эту позицию у нас, нам нужно забрать ее обратно.

– Вы пятеро, – показал он на нас, – двигаетесь с Балором. Он старший. Вторую группу берет Багл, – он посмотрел на бойца с живым лицом, основательно заросшим щетиной. – Ты тут уже пару месяцев, самый опытный из всех. Отведешь их.

Вместо ответа Багл кивнул. Сделал он это налегке, как будто уже лет пять работал тут проводником и водил группы в туристические походы по развалинам. Легкость, с которой он это сделал, в одно мгновение создала впечатление, что все будет просто. «Он-то уж знает, что тут и как устроено, потому что человек, по словам командира, бывалый, – пришла мне в голову успокоительная мысль. – Главное, держаться его, и все будет хорошо».

Чтобы не создавать толкучки и не стать очень жирной целью для вражеских птичек и минометов, Багл и Балор разделили нас на неравные группы. Багл, Трап и я пошли первыми, чтобы воссоединиться с теми, кто остался на позиции после неудавшегося штурма. Балор с десятью бойцами засели в ближайшем подвале для прикрытия и подкрепления. Гуськом мы продвинулись до дома, занятого нашими бойцами. Благо, пожары в Иванграде и Опытном немного подсвечивали крошечную темноту. За северной стороной дома, где в подвале остался Балор, находилось сорок метров открытки, в конце которой была позиция «Кронштадт»: три дома, названные так по позывному командира группы, штурмовавшей ее первой. То ли уже привыкнув к недосыпанию и усталости, то ли под действием адреналина, который стал поступать в кровь, чувствовал я себя бодро. Я верил в опытного спасителя Багла и просто выполнял его команды. Мы перебежали открытку и соединились с группой, оставшейся без командира.

– Зря вы тут *зашикерились*, – окинул взглядом прижимающихся к стене бойцов Багл. – Это же саманный дом из говна и палок. Смесь соломы и глины. Это вас даже от калаша не спасет. Это все равно, что в картонную коробку залезть.

– А что делать? – спросил его молодой боец.

На нас смотрели четыре пары испуганных глаз.

– В тот дом перебираться. Он хотя бы кирпичный. Сколько вас тут? И где рация? – продолжил Багл.

– Пятеро было. Кешу, командира нашего, убило. Вон он лежит, – кивнул боец в угол, где, накрытый ковром, лежал их командир.

– Ты теперь главным будешь? – уставились бойцы на Багла.

– Выходит так. Хохлы в доме напротив есть?

– Нет. Там, с той стороны, полдома разрушено. Только наша часть еще сохранилась. Им там негде сидеть.

Багл забрал рацию себе, осторожно выглянул в окно и осмотрелся.

– Флир и Трап, двигайте за мной. Ты и ты, держите сектора справа и слева. Остальные держите окна дома напротив. Как твой позывной?

– Токио.

– Будешь тут за старшего, – хлопнув его по плечу, Багл посмотрел на нас. – Выдвигаемся. Я иду первым. Вы за мной.

Я внимательно слушал и наблюдал за Баглом, запоминая каждое его слово и движение. Сам того не понимая, я уже учился выживать тут у того, кто был более умелым и опытным. Багл первым выбрался из саманного дома и, основательно постреляв в окно, залез в кирпичный. Я последовал за ним.

– Флир, бери эту маленькую комнату справа. Тут вроде чисто все. Хохлов нет. Там дальше зал, туда не лезь.

– Принял, – продолжил я свое путешествие по заброшке, не понимая, что противник сидит в двадцати метрах от нас в соседнем доме. Для меня это была прогулка по стройплощадке, на которых я много раз играл в детстве. Понимания, что я уже участвую в штурме, не было.

Стрельба началась внезапно и заглушила все звуки. Свист, грохот и лязг заполнили все пространство вокруг. В одну секунду я как будто попал из аудитории своего института в самую гущу интенсивной стройки. Кто стрелял и откуда – я не понял и стал стрелять в окно, в ответ на прилетающие пули, которые выбивали пыль из кирпича и остатков домашней обстановки. В зале взорвалась граната, и, ворвавшейся в комнатку волной, меня откинуло на продавленный диван. Следом взорвалась еще одна граната и оглушила меня еще сильнее.

– Флиирр?.. Флиирр?.. – как из-под воды услышал я свой позывной и увидел Багла, который тянул мне руку.

– Я плохо слышу! Плохо слышу! – пытался объяснить я ему и схватился за его руку.

– Валим отсюда! – Багл дернул меня и стал пробираться к окну, через которое мы зашли. Едва мы выползли и спрятались за домом, как Трап стал что-то показывать нам в темноте:

– Пулеметы! Пулеметы, командир!

– Что? – Багл стал смотреть в ту сторону, куда он тыкал пальцами.

– Вон пулеметы лежат, видишь?

Мы присмотрелись и действительно увидели несколько пулеметов, присыпанных листвою.

– Отличный подарок. Если работают и есть ленты, мы им сейчас устроим, – весело зашептал Багл.

– За мной! – приказал он Трапу и быстро перебежал к куче листвы, из-под которой торчало несколько стволов. Багл дернул один из них. Взрыв, последовавший за этим, отбросил его и Трапа в разные стороны. Основная часть осколков от гранаты, которой были заминированы пулеметы, досталась Баглу. Трап получил несколько серьезных ранений и в шоке пополз в нашу сторону. Токио и я быстро затянули его в саманный дом и стали жгутовать ему ранения.

– Багл – Балору? Багл – Балору? – зашипела рация.

«Что, сука, хотите делаете, а рация не должна попасть в руки врагу! Ни в коем случае!» – вспомнил я слова инструктора из нашего лагеря подготовки. Я оглянулся на остальных и увидел глаза, в которых читалось: «Братан, ты ближе всех. Ты с ним пришел, и поэтому рация – это твое». «Ладно...» – выдохнул я и по-пластунски, как учили, не поднимая зад и голову, пополз к Баглу. Мне показалось, что я сделал это за секунду. Потрогав еще теплого Багла, по множеству ран головы и лица я понял, что он – все.

– Балор – Флиру? Багл – двести. Нам нужен командир. Что делать дальше? – практически без пауз между словами выпалил я.

– Принял. Ждите, – последовал немедленный ответ.

Буквально за минуту до того, как к нам прибежал Балор с группой эвакуации, начался минометный обстрел. Едва они забежали в наш саманный домик, в кирпичный дом прилетела мина. Она пробила крышу и вспучила его, разнося стены и все, что в нем осталось, в разные стороны. Битый кирпич, куски стекла и дерева с оглушающим грохотом и мощностью кулака, выбивающим воздух из легких, брызнули в разные стороны, засыпая нас *вторичкой* и осколками. От ударной волны наш дом перекосило, и крыша, обрушившись вниз, засыпала Балора, Трапа и еще одного бойца. Облако густой серой пыли вмиг поднялось в воздух и забило нос и горло.

Спецификой войны в городской застройке были ранения от вторички. Взрывы разрушали постройки, и их части, разлетающиеся в разные стороны, сами по себе становились оружием. Осколками становились все материалы и вещи, которые с сокрушительной силой летели в разные стороны. Сам воздух, наполненный пылью и мельчайшими частицами песка и камня, ста-

новился убийственным. Страдали все незащищенные части тела. Особенно лицо, глаза и барабанные перепонки.

Когда мы откопали их и стали оказывать первую помощь, я вспомнил, что даже не успел отдать Балору командирскую рацию, и она по-прежнему находилась при мне. Я смотрел на оставшихся в строю бойцов и понимал, что никто из них не захочет взять этот символ власти и ответственности в свои руки.

– Немезида – Флиру?

– На приеме.

– Балор – триста. Беру командование на себя. Мне нужна эвакуация. У меня два легких трехсотых и Трап тяжелый. Конец связи, – четко, как меня учили, доложил я.

– Принято. Эвакуация будет. Ты – старший. Держите позиции. Оттянешься вместе с эвакуацией и решим, что дальше.

9. Сапалер. 1.1. Прибытие

«И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу».
(Ион.2:11)

Пока мы летели, наши сопровождающие из ЧВК успели переодеться из формы ФСИН в свою военную форму и выглядели сурово и весомо. Разговаривали они с нами очень вежливо и спокойно. Периодически я переживал, о том, что обязательно найдется какая-то чесотка и испортит наш праздник. Но сейчас я успокаивал себя мыслью о том, что война и люди войны – это та сила, которая сама расставит все на свои места: чесотка получит свое, а нормальные пацаны останутся на плаву. Когда я начинал нервничать, я думал об этом и успокаивался.

Мы приземлились и, когда открылась рампа – грузовой люк в задней части военного самолета, внутрь хлынул яркий южный свет и тепло. Нас выгрузили из самолета и подвезли к огромным ангарам. Все происходило быстро и организовано как на этапе, к порядку которого мы были привычными. Выгрузился, зашел в ангар, не особо читая, подписал бумаги и встал в шеренгу.

– А что там в этих контрактах, как думаешь, Иван? – по привычке полупшепотом спросил меня Робинс.

– То, что Пригожин обещал, наверное, – ответил я ему.

– Точно?

– Да какая разница? Я вскользь глазами пробежался... Единственный важный пункт там – кому ты завещаешь свои похоронные пять миллионов и свое тело.

– Я – своим детям. Тут и думать не о чем.

– А я – родителям.

Мы стояли в очереди со своими вещами и ждали дальнейших указаний. Откуда-то из тени ангара появился коренастый человек с глазами директора школы и попросил его выслушать.

– Господа заключенные! – начал он тоном дореволюционного российского офицера. – Вы не первые, с кем мы тут имели дело. Мы немного понимаем, что для арестанта его вещи – это все, что у него есть. Но то, к чему вы привыкли в тюрьме и на зоне, вам больше не понадобится. Поэтому слушайте мою команду!

Его тон стал едва уловимо жестче.

– Вы оставляете ваши баулы тут. И, ничего не пытаясь засунуть в трусы или носки, проходите дальше. Там вы снимаете с себя все, и остаетесь в чем вас послал в этот мир Господь Бог! Все ваши вещи сожгут в печах крематория вместе с вашим прошлым, каким бы оно у вас ни было. И вы, аки огненная птица Феникс, возродитесь из пепла для новой жизни во славу Родины!

Сказать зеку «оставь свои вещи» – это все равно, что сказать ему: «ты больше никто и звать тебя никак». Зек без своего баула – как Паниковский, человек без паспорта, из книги «Золотой теленок». Как ребенок, которого взрослые потеряли на базаре.

– А...? – кто-то за моей спиной попытался задать глупый вопрос.

– Не стоит, – быстро прервал его «Человек из тени», с досадой помахав головой. – Просто делайте то, что я сказал.

Мы по очереди стали хоронить нашу прошлую жизнь, мысленно прощаясь со всеми нашими баночками, пакетиками, проволочками, книгами и другими дорогими душе и сердцу предметами. Люди плакали слезами внутрь, когда их дрожащие руки отпускали лямки, потом делали несколько шагов вперед и оглядывались, пытаясь навсегда запечатлеть в своем раненом сердце милый образ баула. «Прощай, брат!» – говорили они ему и мужественно шли вперед,

навстречу новому военному тактическому рюкзаку. Для меня эта процедура прошла легко. Я знал, что меня ждет впереди, и просто не думал про свой баул, хотя еще сутки назад собирал его с такой любовью. Все дальнейшее происходило быстро и без заминки.

– Фамилия, имя, отчество?

– Иванов Иван Иванович!

– Получи и распишись, – мне быстро выдали полный комплект обмундирования, подогнанного точно по моим размерам, которые были заранее указаны в личном деле.

Нам выдали все – «от патрона до гандона»! Как у человека, отслужившего срочку в славных пограничных войсках, мои руки и тело тут же вспомнили доведенные до автоматизма ночными тревогами приемы быстрого натягивания формы и приведения себя в надлежащий вид. Я помог Робинсу и Зибелю, придирчиво оглядел их и понял, что мы действительно больше не зеки, а военнослужащие. Форма поменяла нас не только внешне, но и внутренне, оказав прямо магическое влияние. До этого мы были в черных арестантских робах. Они ассоциировались с годами уныния и тоски на зоне. Эта форма была цвета весны. Цвета новой жизни и надежды. Она вызывала в моей душе чувство ликования, напоминала о годах, проведенных в армии, и наполняла силой. Люди в форме – это уже не просто разношерстная толпа, это коллектив и команда, приведенная к единообразию. Форма – это способ растворить твою уникальную личность, твое неповторимое «Я» в социальной группе. В едином монолитном «Мы!». Форма обезличивает, но в то же время делает тебя частью легиона, фаланги – сплоченного боевого организма, способного на то, на что не способен каждый из нас по отдельности. Форма – это кожа подразделения, а субординация – нервная система,двигающая это тело. Приказ от старшего младшему по званию запускает импульс и дает энергию к действию... Я мысленно философствовал, наблюдая, как угрюмые люди в черном преобразились на моих глазах в «вежливых людей» в зеленом.

Я слышал в одной передаче на канале History, что «...впервые форма появилась в таком мега регламентированном обществе, как Спарта. Греческом городе, где основным занятием для мужчины считалась война. Красные туники и плащи были введены там еще в античности, чтобы не видеть и не пугаться вида крови во время боя и отличать своих воинов от чужих. Впоследствии это переняли и другие полисы Греции. А вслед за греками – и римляне. На Руси первая форма появилась у стрельцов, где каждый полк имел свой цвет шапок, штанов и кафтанов из мягкого сукна. Петр I, реорганизовывая армию, ввел форму нового образца, которая была красивой, но не всегда функциональной. Упростил и сделал форму более удобной и прагматичной – покоритель Крыма граф Потемкин...». В пограничных войсках удобству и маскировке в дозорах и патрулях уделялось особое внимание, поэтому я постарался максимально подогнать свою форму под себя и помог мужикам с этим.

Как только мы подготовились, нас погрузили по комфортабельным автобусам и повезли в неизвестном направлении. Мы втроем попали в один автобус с ребятами из одиннадцатой колонии, с нашей же мордовской ветки. Слово за словом мы стали знакомиться и *пробивать*, кто кого знает, кто с кем сидел или встречался по воле, тюрьме и пересылкам. Эти разговоры необходимы, как визитная карточка и паспорт. Тут действует простой принцип идентификации – «Скажи мне, с кем ты пил чай, и я скажу, кто ты». Эти расспросы помогают заключенным понять, кто ты по жизни, как с тобой общаться и как себя вести.

Передо мной сидел пацанчик, на которого я сразу обратил внимание. Был он крупным и угловатым. С большой крепкой шеей и мощным затылком. Он повернулся, улыбнулся и сразу представился:

– Паша. Кубат. Это уже не *погоняло* зоновское, а позывной, если что.

– Иван. Сапалер, – чуть замешкавшись, вспомнил я свой позывной. – Это в войну были такие минеры, которые заряды закладывали в землю. Насколько я помню. Такой позывной.

– А у меня, видимо, потому что я квадратный, – улыбнулся Кубат. – Будем знакомы, – протянул он руку, не переставая улыбаться.

– Будем, – пожал я его сильную, но в то же время мягкую руку.

Кубат был разговорчивым и открытым. Вокруг него сразу стали образовываться связи и общение, которое он, сам не осознавая этого, запускал. Он говорил со всеми, до кого мог дотянуться сидя на своем сиденье. И, я, вовлеченный в этот круговорот общения, через него уже и сам чувствовал себя частью нового коллектива, который он создал вокруг себя. Кубат был коммуникатором, и это притягивало к нему людей, как притягивает людей всякое тепло в холодную пору года.

Я смотрел на мелькавшие за окном бескрайние донские поля, некогда отвоеванные моими предками-казаками у народов степи, и внезапно вспомнил слова из «Ветхого Завета», из главы «Исход»: «...И сказал Моисей народу: помните сей день, в который вышли вы из Египта, из дома рабства, ибо рукою крепкою вывел вас Господь оттоле...» Наше рабство закончилось. Впереди нас ждали трудности и лишения военной пустыни, чтобы выбить из нас наше прошлое и, закалив, превратить в людей, которые будут способны войти в новый мир.

Проехав какое-то время, мы остановились на границе между Россией и Луганской Народной Республикой. В автобус вошел пограничник с автоматом, свободно висевшим у него на одноточечном ремне. Автомат вроде бы болтался, но было видно, что он в любую секунду может им воспользоваться. Отслужив сам в погранвойсках, я знал, как происходит подобная процедура досмотра. Несколько раз участвовал в заслонах, когда к границе рвались бандформирования. У досмотра есть своя форма и процедура. Пограничник не просто ходит по автобусу, – он внимательно вглядывается в глаза и лицо каждого пассажира. И, по известным ему критериям и особенностям в мимике и поведении, понимает, есть ли смысл проверять человека дополнительно или нет. Я сидел в конце автобуса и внимательно наблюдал за его поведением. Этот серьезный взрослый мужик в военной форме пограничника и бронежилете с запасными магазинами вел себя неправильно. В его лице и глазах не было необходимой напряженности. Он смотрел в лица сидящих и раз за разом повторял: «Здорово, мужики! Здорово, мужики!» И в этом его «здорово, мужики» было и понимание, куда и зачем мы едем, и сочувствие этому факту, и уважение к нашему выбору, и грусть от того, что вернутся оттуда не все... Он закончил обход и перед выходом еще раз оглядел нас, кивнул и просто сказал: «С Богом!» Он вышел, и автобус повез нас дальше. Сколько мы ехали, сказать было трудно. Когда трясешься сутки-двое, все сливается.

По прибытии в темное место, где невозможно было различить что-либо в метре от себя, нас выгрузили и построили для последнего инструктажа. Все происходило бегом и создавало неразбериху. Нас собрали в столовой, в которой было освещение, и невзрачный человек, с усталым лицом, как бы говорившим «друзья, ничего личного, просто работа», обратился к нам спокойным и тихим голосом. Казалось, он специально говорил тише, чем нужно, чтобы заставить нас прислушаться и перестать шептаться и разговаривать.

– Я буду краток и просто проиллюстрирую то, что вам нужно знать. В картинках это доходит быстрее.

Он стал показывать нам фотографии и параллельно комментировать их.

– Вот этот вот ограбил мирных жителей. Царствие ему Небесное. Вот этот – наркотики у хохлов забрал и решил попробовать; Царствие Небесное. Вот этих наградили увольнением за отличную работу, но они решили совершить разбойное нападение на местных жителей. Царствие им Небесное. Вопросы есть у кого-нибудь?

Все было понятно, но как я и предполагал, нашлась какая-то чесотка, запустившая цепную реакцию бубнежа, который быстро стал перерастать в недовольный гул. Но мужчина, видимо, уже был готов к этому и *катать вату* не стал. Раздалось несколько выстрелов в воздух, которые оглушили и подавили недовольство.

– По-моему, еще не все из вас поняли, куда вы попали, – чуть повысив голос, сказал он.

– Тут, как вам и говорил Первый, действуют свои законы, и каждый из вас может легко попасть на эти фотографии, став наглядным пособием для тех, кто придет после вас. Те, кто хочет стать иллюстрацией и наглядным пособием прямо сейчас, шаг вперед! – он выждал положенные пять секунд и продолжил: – Если желающих нет, разойдись по казармам! Свет мы гасим и не зажигаем. Будете чем-то светить, сюда прилетит «Хаймерс», и на этом ваш контракт закончится... Как это было неделю назад. Пятьдесят человек из-за чьей-то тупости уехали домой в пакетах. Одно в этом хорошо... Ваши родные получают деньги за ваши бесполезные жизни.

В казармах, кроме *шконарей*, не было ничего. Только деревянные двухъярусные койки, сбитые из брусьев и досок. На некоторых уже лежали храпящие тела, но большинство еще были свободны. Мы зашли и упали рядом, на свободные места.

– Пока все идет как надо, – подвел итог сегодняшнего дня Зибель.

– Чайку бы подварить, но у нас его *отмели*, поэтому обойдемся тем, что Бог послал. Здоровым сном! – снимая обувь, прокомментировал ситуацию Робинс.

– *Рубимся*, – сказал я, растягиваясь на разложенных по шконке штанах и теплом бушлате.

Укладываясь, я вспомнил наш барак, в котором мы провели вместе много лет. Барак – это такая тема на зоне... Барак кипит двадцать четыре на семь. На зоне нет такого, чтобы отбой, – и все спят. Барак – это все время гул: «Гу-у-у-у!...» Движуха. Кто-то собирается на работу, кто-то с нее пришел, кто-то болеет, кто-то инвалид. В последнее время начали видеокамеры кругом тыкать, напрягать, чтобы потише стало. А раньше... чисто улей! Поэтому найти себе место, где-то упасть – без проблем. Заключенный никакого дискомфорта от шума в бараке или камере не испытывает. Тем более, мы ехали, я уж не знаю, как долго – сутки, а то и больше! Ехали, летели, ехали. В общем, зашли и упали.

Я *моргнул*... Не знаю, часа два, может, удалось покемарить, и нас стали поднимать для дальнейших процедур перековки из зеков в воинов. Нам выдали средства первой необходимости: комбинезоны, дождевики, мыло, пасту и зубные щетки – все, что нужно для гигиены и тренировок. Может, для какого-то человека это было бы тяжело – не выспавшись, тут же приступать к обучению, но зеку к ощущению дискомфорта на этапе не привыкать. В любое время дня или ночи ты всегда готов подняться и ехать дальше. Некоторые по этапу месяцами ездят. *Особики* или те, кто прям совсем *отрицалово*. А есть индивидуумы, которых годами по этапу катают. Поэтому тут у нас на автомате включилось этапное состояние: выспался-не выспался – встал, умылся и готов шевелиться дальше.

10. Цахил. 1.0. Иванград

Ночь выдалась на удивление темная. Еще темнее, чем были все предыдущие ночи, которые я успел тут увидеть. Наша группа в составе двенадцати человек выдвинулась в Иванград и благополучно добралась до первой точки с кодовым названием «Колодец», не потеряв по дороге ни одного бойца. Точка находилась в подвале недостроенного или разрушенного дома и отвечала всем требованиям маскировки. За домом был огромный коровник, а рядом еще один дом, где тоже хранились кое-какие запасы. Чтобы зайти туда, нужно было быстро проскочить несколько метров по двору и нырнуть в укрытие под пристальным вниманием снайперов из Опытного. Провожатый передал нас командиру этой точки Гудвину и отправился в обратный путь. Гудвин был худощавый, если не сказать костлявый. Примерно с меня ростом, сантиметров сто семьдесят восемь. Спокойный и громкоголосый. Мне он сразу напомнил отощавшего после зимы лесного медведя с тяжелым и, в то же время, добрым взглядом. Говорил он с характерным акцентом, который сразу выдавал в нем уроженца этих мест. На ногах у него были необычного песочного цвета *берцы*, явно привезенные откуда-то из жарких стран, где основным ландшафтом является пустыня.

– Привет, парни, – поздоровался он. – Вы к нам на подмогу.

– А какая работа? – поинтересовался я, надеясь, что вновь буду пулеметчиком, как на пещерах.

– Группа эвакуации. Завтра с утра начнете работать.

– Прикольно... – вырвалось у меня.

– Чо именно?

– Да всего ничего на передке, а уже успел и пулеметчиком побыть, теперь вот эвакуация.

– Кашники?

– Не. Мы в основном с воли.

Он показал нам, где мы можем расположиться, чтобы отдохнуть. Поставил двух человек из моей группы на фишку и вернулся в распоряжение. Я поворочался полчаса, понял, что не могу заснуть, и решил посидеть с теми, кто не спал, чтобы узнать, что здесь и как, и подготовиться к завтрашнему утру. Мы немного помолчали, думая о своем, и Гудвин первым задал мне вопрос на правах хозяина.

– А вас когда и откуда привезли? – поинтересовался он, глядя мне прямо в глаза.

– Нас после Молькино сразу в какой-то госпиталь привезли, – так же прямо глядя на него, ответил я. – Там нас Гонг встретил. Попугал немного...

– И чо вам батя рассказывал?

– Да жути немного нагнал, чтобы поаккуратнее были. Сказал, что «противник хорошо подготовлен, и нужно к нему относиться серьезно». Еще сказал, что «во взводе есть такая традиция – противника хоронить без обуви, потому что у противника очень хорошая обувь по сравнению с нашей». Вот, собственно, и все напутствие.

– Да, Гонг все по делу говорит. Слушайте его. Особенно нам важна трофейная медицина. Чо найдете, все до дому, до хаты несите, – он замолчал, глядя на меня, явно ожидая продолжения рассказа.

– Потом пришел Хозяин. Сказал, что командир отряда. Посмотрел на нас и узнал, у кого какой опыт имеется. Часть в тройку отправили, часть в четверку, а всех остальных в *РВ*.

– Так Гонг же уже здесь вроде. Когда это было-то?

– Дней десять назад. В начале месяца, – по-быстрому прикинул я в уме. – Нас сначала на пещеры отправили.

– Ааа... К Сталину? Значит, вы со вторым взводом были?

– Ага. Мы, как приехали, – стал вспоминать я, – пожрать захотелось, мы веток каких-то натаскали там, развели костер, и по нам прилетела арта. Дым там, наверное, в эти дырки заметили.

– Хэх, бля... Пополняхи, – снисходительно хмыкнул старший. – И чо дальше?

– Хотели сразу куда-то отправить, но передумали. Сидели там, маялись. Воздух там, в этих пещерах, тяжелый для меня. Я-то сам из Сибири. Прямо давят эти своды.

– Зато безопасно! Там эти горы не пробьешь ничем.

– Да все равно не по себе было. И меня там один из второго взвода спрашивает: «На воздух хочешь? Покопать окопы». Я и согласился. В общем, помогал там окопы им под *ДШК* копать. Пострелять дали, показали, как арту наводить там... Даже не знал, что: «север 50» и «на север 50» – это совершенно противоположные вещи.

– Хэх... – опять крикнул он. – Чай будешь?

– Не откажусь... – я взял из его рук кружку и продолжил: – Пулеметчики у хохлов хорошие. Мы только постреляли, и в ответ как полетело. У нас окоп получается метра два шириной. Вот так вот, в строчку «вщююх»! Туда и обратно прошло прямо. Туда – чуть до края окопа не дошло, и с другой стороны окопа полметра не дошло. Прямо, над головой пулеметчик прокладывал на полтора километра.

– Так понятно, у них пулеметы с оптикой. Но эт хорошо, что вы обстрелянные.

– Хорошо, окоп под кустиком сделали. Не достал нас. Потом эти *квадрокоптеры*, – в моей голове всплывали картины, как это часто бывало со мной, когда страх и переживания накрывали меня после происходящего, догоняя и наполняя дрожью. – Рой их там просто был. С *СПГ* по нам лупили. Там минометами какими-то. А мне че? Мне весело. Мне интересно. Мне прикольно – что-то новое.

– Ты у нас герой, что ль? – засмеялся он, явно думая, что я из породы бойцов, которые прячут страх за бравадой.

– Без эмоций вообще. Страшно вот было, когда сюда шли. У меня чувство страха, любые эмоции, они приходят потом, когда уже все заканчивается. Вот сейчас вспоминаю, и страшно. Такая отсроченная реакция.

– Вот ты... Говорливый. Ну и? Дальше рассказывай.

– С *ДШК* мне понравилось стрелять. Такая машина! Калибр 12,7! Мощь прямо. Я еще до того, как решил поехать, все изучал: какие боевые действия идут, манеру наших специалистов. Ролики в интернете искал и смотрел. И их ролики тоже. Видеоуроки *ССО* украинские. Какая у них амуниция. Как они работают. Как штурмуют. Блогеров смотрел военных. И когда пацаны позвонили и позвали, я уже много что в теории знал.

– Тебе из конторы позвонили? Не свисти! – возмутился он.

– Да не. Друзья мои, кто уже решил пойти. У меня два друга. Мы все из одного города в Сибири. Один в Питер переехал, второй в Краснодар. И вот, вместе решили и в Молькино уже встретились.

– Они тут? – он кивнул на бойцов, которые вповалку спали по стенкам.

– Нет, – с сожалением вспомнил я, что их нет рядом, – один в четвертый взвод попал, второй в шестой отряд. Я чего удивился-то, когда ты про эвакуацию сказал? У меня в детстве, когда в войнушку играли, мечта была. Я всегда говорил, что санитаром-разведчиком буду. И тут... Разведка, и я в эвакуации. Круто же!

– Сбылась, значит, твоя мечта, – заржал он вполголоса. – Но ты пока не сильно радуйся. Пока недельку не побегаешь тут, – он серьезно посмотрел мне в глаза. – Может, тебе лучше было на пещерах пулеметчиком остаться.

– Так я и должен был. Этот мой новый друг, из второго взвода, вроде уже договорился, что я к ним перехожу. Поступил приказ – перебросить *ДШК* вдоль по хребту от Иванграда чуть дальше. Мы пакуемся, грузим на себя пулемет и цинки. Идем, вроде, все нормально. Погода

классная была. Тепло. Все желтое такое. Прямо красиво! И приходит приказ. Разделить группу. Парни дальше пошли, а нас назад завернули. Они дошли, развернули ДШК, отработали ленту буквально, и по ним ПТУР прилетел.

– Двести?

– Нет. Слава Богу, все триста.

– Везучий ты, значит... Бережет тебя судьба для каких-то дел, – подвел он итог моим приключениям. – Главное, чтобы и дальше так. Лимит-то везения у каждого не вечный.

– Посмотрим...

Мы замолчали, думая каждый о своем.

– Жизнь и смерть – большая тайна. Но почему-то все боятся того, что будет после смерти и совсем не переживают о том, что было до рождения. А это две великие пустоты, – как бы размышляя сам с собой, пробубнил Гудвин и закрыл глаза. – Нужно подремать малек.

Через пару часов я сменил фишку с еще одним бойцом и просидел на ней до утра, всматриваясь в темноту и привыкая к новой обстановке села из одной улицы – Иванграду. Утром я проводил первую группу, вернулся в распоряжение и стал ждать команды выдвигаться вслед за ними, когда это понадобится.

– Слушай, – обратился я к Гудвину, – эвакуация – это, конечно, хорошо, но у меня с собой даже нет ничего. С чем нам туда идти-то? Аптечка-то хоть есть какая-никакая?

– Аптечек нет. Есть *жгут*. Могу дать.

– Как так?!

– Вот так. У бойцов там спросишь. Может, трофейные есть, может, свои дадут.

– Ясно...

Через час к нам вернулась первая группа и сказала, что раненого они забрали, но нужно идти за двухсотыми. Нам дали жесткие носилки, и мы выдвинулись в серость донбасского утра, пробираясь вдоль разрушенных домов, еще совсем не ориентируясь на местности. Пока мы шли, наши попытались продвинуться вперед, попали под стрелково-минометно-снайперский огонь и потеряли девять человек трехсотыми.

Началась работа. Забрали первого, второго, третьего... Самое сложное было перетаскивать трехсотых через препятствия, но мы как-то приспособились и дальше, петляя между домами, таскали их до коровника и возвращались за следующим. Забрав очередного раненого, мы побежали обратно.

– Братцы, только донесите, – жалобно попросил он, ерзая на носилках.

– Не очкуй. Все будет хорошо, – как мог, успокоил я его и услышал разрыв метрах в десяти от нас.

От неожиданности мы присели. Я покрутил головой и поднял ее вверх. Прямо над нами зависла птичка, сбросила ВОГ, но попала в канаву, которая поглотила осколки. Добежав до дома, спрятались за его стену и переждали три прилета.

– Побежали, – скомандовал я. Не успели добежать до следующего дома, как туда, где только что находились мы, прилетела мина и обрушила часть стены, за которой мы прятались.

– Ебать... – выдохнул я, и мы побежали дальше.

«Лимит везения пока работает», – мелькнула у меня мысль.

В этот день мы перетаскали больше десяти человек. Часть из них были штурмовики, а часть – из групп эвакуации, которых разбирали по ходу работы.

«Хочешь там выжить – будь готов умереть», – вспомнил я слова одного из инструкторов. Парадокс! Но именно в процессе этого первого дня со мной случилось то, о чем он говорил. Мозг переключился с беспокойства за свою жизнь на сиюминутные задачи, от которых и зависело это самое выживание. Дом... Присели. Рывок по открытке, постоянное сканирование местности в поисках очередного маломальского укрытия; еще один рывок и быстрая перебежка в минуту относительного затишья. Ближе к вечеру я попытался поднять носилки и

не смог этого сделать. Руки стали ватными, и пальцы не могли сжаться вокруг ручки. Я растерянно посмотрел на руки и стоящих рядом бойцов:

– Что делать?

– Отдохните немного, обещали пополнение свежее прислать, – разрешил мне Гудвин.

За час мои силы восстановились и нам, «старичкам», которые тут уже были целые сутки, дали по новой группе, чтобы работать дальше.

– Откуда забирать-то?

– Добегаете до наших на крайней позиции, они подскажут, – напутствовал меня Гудвин, и мы пошли.

Добежав до крайней позиции, я потерялся, потому что нас никто не встретил. Дальше этих разрушенных почти до основания домиков я еще не бегал. Оставив группу на этой точке, я решил пионером метнуться вперед и разведать дорогу.

– Сидите тут и ждите, я сейчас, – приказал я им и стал продвигаться в сгущающейся темноте дальше к дому, который горел метрах в ста впереди. Наткнувшись в темноте на длинную изгородь, заросшую виноградом, и пролесок, я обошел их слева, со стороны Опытного, и стал продвигаться к домам. Внезапно я увидел пулеметчика, который сидел в ямке от разрыва и от неожиданности остановился.

– Трехсотые где? – быстро спросил я. – Я тут первый день, ни хера не понимаю...

– Мабудь там, – махнул он себе за спину. – Но там тилькы двухсоты. Трехсотих нэмае.

– Не. Информация была забрать трехсотых. Ангар где?

Он пожал плечами и еще раз махнул себе за спину.

– Ясно. Ну давай, – кивнул я ему, вглядываясь в форму.

«Хохол?! Не может такого быть!» – оторопел я. Рука сама по себе схватила автомат, болтающийся за спиной. «Сколько их тут? Где остальные?» – заметались в голове мысли как загнанные в угол тараканы. «Хорошо, что я грязный, и куртка у меня на их похожа...» – стараясь сохранять спокойствие, пошел я туда, куда он махал рукой, сдерживая себя, чтобы не оглянуться.

Отойдя метров на двадцать, я резко повернул в сторону Опытного и таким же путем, как добрался сюда, но с троекратным ускорением, рванул обратно. Дойдя до пролеска и виноградника, я стал мелко трястись и остановился, чтобы отдышаться. Низко пригибаясь, я засеменил в нашу сторону, замирая в моменты стрельбы и выходов. Вернувшись к своей группе, я крикнул пароль и, получив отзыв, подошел к ним. Вместе с ними сидело несколько незнакомых потрепанных бойцов боевого вида. Автоматически поискав знаки отличия и убедившись, что на них нет украинских шевронов, я поздоровался:

– Привет, пацаны.

– А ты где был? – спросил меня один из них.

– Там, – указал я в сторону, откуда прибежал.

– Там же противник...

– Вот и я думаю, говор у них какой-то не тот, да и форма...

Я пересказал им свою историю, ловя на себе недоверчивые и ошалевшие взгляды, и замолчал.

– Как ты заходил?

– Да вон там, левее.

– Спасибо. Будем знать, – переглянулись штурмовики. – Трехсотый там, – указал он рукой на дом вдали. – Видишь, такой дом, как ангар?

– Теперь вижу.

Мы добежали до места, загрузили очередного раненого и побежали к «Колодцу».

11. Флир 1.1. Командир группы

Немезида объяснил мне свой план штурма дома и вышел по рации на Круглого:

– Круглый, как только услышишь стрельбу напротив, поддержи, чем сможешь.

– Плюс.

– Флир... Бери из тех, кто сидит в подвале, сколько тебе нужно людей и действуй. Ты теперь законный командир. С Гонгом я все согласовал.

– Меня даже не учил никто, как командовать...

– А тут учиться нечему. Действуй, как договорились. Да сам под пули не лезь. И рацию береги.

– Служу России! – растерявшись, ответил я и пошел собирать группу.

Никогда в своей жизни я никем не командовал. Более того, всю свою жизнь, с самого детства, я всячески стремился избежать лишней ответственности и всегда держался сам по себе. «Я – командир! С одной стороны, это, конечно, круто! Но с другой... Тот же смертник, только идет впереди всех. Как Багл. Багл пробыл командиром пару часов. Молнией вспыхнула эта мысль в моей голове и погасла. Как командир, я должен вести группу и идти впереди. Чтобы пацаны потом не говорили, что я ими прикрывался или там прятался за их спинами. Так и сделаю. Погибну, так хоть по-правильному. Как мужик. Это же как карточный долг. Долг чести! – размышлял я про себя, пока добирался до подвала, в котором меня ждали пацаны. – Такой политики и буду держаться. Вести группу за собой».

В штурм я взял в основном тех, кто был из моего лагеря, и остатки группы Токио, вместе с ним самим, из второго взвода. И с теми, и с теми мне было спокойно. Одних я хоть немного знал, а группа Токио была обстрелянной. Остальных я отбирал *рандомно*, визуально определяя тех, которые казались мне менее напуганными. С Токио мы договорились, что будем совещаться и принимать решения как два равных командира.

Нам повезло, что начался дождь, и в небе отсутствовали птички. Это позволило быстро выйти на позиции и подготовиться к штурму. Мы тихо-тихо подобрались к развалинам саманного и кирпичного домов и уже было собрались выдвигаться, как где-то далеко прозвучал танковый выход. Буквально через секунду земля подпрыгнула и ушла у меня из-под ног. Разрыв произошел в пятнадцати метрах от нас, но взрывная волна отбросила меня назад, и мною, как кегли, сбило двоих бойцов, стоящих сзади. Следом разорвался еще один снаряд в стороне от нашего дома, и все стихло.

– Братка, ты живой? – прошептал в темноте Токио.

– Вроде, да, – ощупывая себя, прошептал я в ответ.

– Вот это приключение. Страшно, пипец!

– Нужно быстрее валить отсюда...

– Отступаем? – удивился он.

– Валить вперед! Пока нас тут не закопали!

Я вышел на Круглого, и он стал наваливать из ручного гранатомета перед моей группой, работая на опережение. Гранаты из гнома ложились метрах в десяти перед нами, и мы, не встречая никакого сопротивления, продвигались вслед за их выстрелами. Быстро заняв и зачистив несколько домов, мы уперлись в очередную открытку, которая при желании легко простреливалась из Опытного. Сильно пригибаясь к земле, наша группа рывком преодолела сорок метров до отдельно стоящего домика и уперлась в кирпичную стену гаража. За ним находился большой дом из белого кирпича. Крыши у дома уже не было, но окна были тщательно заделаны и выглядели как бойницы. С запада тоже была открытка и, если бы не дождь, нас, скорее всего, расстрелял бы снайпер или пулеметчик.

– Что делать будем? – спросил Токио.

– Все берем гранаты и закидываем дом через крышу гаража.

В общей сложности мы выкинули туда ящик гранат. Я растерялся и мялся перед гаражом, не решаясь дать команду на штурм.

– Флир – Немезиде? Ты чего там *булки мнешь*. Начинай штурм. Что вы там эти гранаты пуляете туда, непонятно куда? Я там вообще движения не вижу. Шевели поршнями!

– Флир – Гонгу? Ты чего застыл, братишка? – по-отечески вмешался в наши переговоры старший командир. – Ждешь, когда вас из Опытного под этим гаражом штабелями положат? Или тебе отдельное приказание от Гонга нужно? Или от командира отряда Хозяина?

– Понял, понял... Идем уже.

– Заходим слева. Справа нас могут пощелкать, – стал командовать я более решительно.

– Я – первый. Вы за мной!

Я вдохнул и выдохнул несколько раз, чтобы справиться с накатившей волной адреналина, выпустил полрожка по-сомалийски из-за угла гаража и первым рванул вперед. Подбежав к дому, я стал стрелять внутрь через окна и дыры в нем. Следом за мной прибежали Токио с Ван Даммом и тоже стали поливать внутренности дома. Он, к нашему счастью, оказался пустым и был сильно разрушен.

– Смотри, Флир. Тут ход в подвал есть, но дверь закрыта.

– Не трогай! – резко остановил я Ван Дамма. – Кошка нужна. Мало ли? Заминировано может быть. Отошли все! – я зацепил кошку за ручку двери подвала и отбежал за угол.

Дверь от моего рывка дернулась так сильно, что раскрылась настежь. В дверном проеме я увидел темный силуэт с поднятыми руками.

«Стреляй!» – скомандовал мне внутренний голос.

– Мы сдаемся! – закричал силуэт.

– Кто вы? И сколько вас?

– Нас двое. Мы – муж и жена.

– Выходите по одному! Только без глупостей! Я вас держу на прицеле!

Мы по-быстрому осмотрели *мирных*, проверили документы и передали группе эвакуации, которая увела их в тыл. Мне было интересно, что это за люди и как они тут оказались, но сейчас было не до них.

– Хм... Обычные люди, как у нас в России, – удивился Токио. – Только акцент местный и все. А так, точно такие как мы.

– Акцент почти как в Краснодаре.

Мы с Токио были молодыми и не застали СССР, когда Россия и Украина были нашей общей Родиной. Мы выросли в мире, где Россия и Украина – две разные страны, которые враждуют уже больше восьми лет. Хотя украинцы всегда жили с нами бок о бок, и чуть ли не треть моей станицы имела украинские корни, – в нашем понимании это был другой народ, чем-то отличный от нас.

– Странно, что они говорят, что ждали нас... Как думаешь, правда?

– Да наше дело их взять в плен, жизнь сохранить, а дальше пусть с ними командиры разбираются.

Мы зачистили этот подвал и перебежали в следующий разрушенный дом, который стоял особняком и был ближе всего к Опытному. Подвал здесь был неудобен тем, что выходил на речку Бахмутку и полностью простреливался с территории противника. Слава Богу, там никого не было.

– Немезида – Флиру? Мы тут все забрали и, считай, продвинулись уже до кладбища.

– Продолжайте работать, – ответил Немезида.

– Флир – Гонгу? – услышал я голос командира в рации.

– Да... На приеме.

– Молодцы! Хвалю вас. Давайте, не сбавляйте темп! Вы у меня лучшие!

– Спасибо, – только и смог выдавить я из себя.

Я посмотрел на бойцов, которые слушали наши переговоры, и увидел, что каждому из них было приятно это слышать. Мы так давно не слышали ничего хорошего в свой адрес. Ни на зоне, ни в учебке, где нас гоняли и мотивировали моральными пиздюлинами, этого не было. А Гонг был таким командиром, который, как Александр Васильевич Суворов, понимал силу доброго слова для рядового солдата. Ничто так не воодушевляло, как отцовская похвала командира, очень хорошо понимающего цену каждого отвоеванного у противника дома.

– Гонг – мировой мужик! – как бы про себя отметил один из бойцов. – Встретил нас в Зайцево, лично все объяснил, все рассказал, проверил, что у нас есть, и чуть ли не обнял на дороге.

– Так он такой же, как мы. И Гаврош тоже. Считай, повезло нам.

Оставив на всякий случай **фишку** в подвале, чтобы не дать вражеской **ДРГ** зайти туда, мы выдвинулись дальше. Перескочив проселочную дорогу, ведущую на запад в Опытное, мы разбились на две пары и стали продвигаться к первому дому за дорогой. На подходе к нему я обратил внимание на небольшой сарайчик, сделанный из красного кирпича. Приходилось быть осторожным и бдительным, замечать любую мелочь. Передвигались мы небольшими перебежками, по пять-десять метров. Я повернул голову в сторону дома, чтобы не пропустить вспышку, если по нам начнут работать оттуда, и вдруг почувствовал толчок в правую руку. Мой напарник, выпучив глаза, кивал головой, явно пытаясь мне что-то показать. Я повернулся в ту сторону и увидел, что буквально в двадцати метрах от нас, у кирпичного сарая, стоял, чуть покачиваясь, хохол и ссал на него. В том, что это вражеский солдат, не было никакого сомнения. Форма на нем не наша, на рукаве и каске была намотана синяя изоленга. На адреналине и кураже, не сговариваясь, мы подняли автоматы и выпустили в него по длинной очереди в полрожка патронов. Хохла отбросило в сторону, и пока он летел к земле, в него продолжали попадать наши пули. Я повернулся к Токио и засмеялся от разрядки эмоций, которые успел пережить за полминуты:

– Прикинь?! Живой хохол!

– **Завалили** его! Как думаешь, ты или я?

– Думаю, оба!

– Охренеть!

Нам было удивительно и радостно от того, что мы убили первого врага. Добыли свой первый скаल्प на этой войне, да и вообще в жизни. Мы победили, переиграли, уничтожили своего противника. Это было так же мощно, как первый секс. Чувство восторга и превосходства над врагом окрыляло и придавало энергию, сравнимую разве что с силой баллистической ракеты. В этот момент мне казалось, что я готов прямо сейчас, в два рыла вместе с Токио, зачистить весь Иванград.

Едва мы закончили смеяться, как со стороны Опытного послышался выход АГС. Мы бросились бежать и только успели присесть у стены дома, как стали прилетать гранаты. Второй двойке повезло меньше, их накрыло разрывами. Нашу эйфорию как рукой сняло. Осколки щелкали поверх наших голов, а два бойца, попавшие под огонь гранатометов, упали на землю и в позе зародыша пытались сморщиться и уменьшить свое тело до размера атома. Через пару минут началась дуэль между нашим и украинским АГС и минометами, и огонь сместился куда-то далеко в тыл наших позиций. Одним из бойцов, которых ранило, был Лихо, отправленный ко мне в штурмовую группу на исправление и для искупления вины. Он был пойман на **крысятничестве** у наших трехсотых и не вызывал во мне сострадания и теплых чувств. Но как командир, я не мог ему не помочь. Добежав до них, мы стали осматривать Лихо и второго бойца, раненного в лицо. АГС опять стал отрабатывать по нам, но положил первый залп метрах в сорока от нас.

– Что у тебя? – стал я осматривать Лихо.

– Рука... И вторая тоже.

– А с тобой что? – спросил я второго бойца, который лежал рядом с широко раскрытыми глазами.

– Я – трыста!

– Токио, посмотри, что с ним, у него кровь по лицу бежит.

– Идти сможешь? – спросил я Лихо.

– Да...

– А хули лежишь? Вставай давай, пока по нам опять не прилетело!

Подхватив Лихо, мы быстро добежали до подвала и нырнули в него. Раздев Лихо, я увидел, что на нем не меньше десяти дырок, из которых хлестала кровь. Я вышел на Немезиду и получил приказ прийти за пополнением и заодно притащить трехсотых, чтобы не терять время и не ждать группу эвакуации. Заткнув дырки кровоостанавливающей губкой и перебинтовав Лихо, мы с Токио потащили его в тыл. Сзади молча плелся второй раненый, тупо глядя перед собой. Лихо сначала помогал нам и шел своим ходом, но метров через двести он совсем ослабел и стал терять сознание.

– Нужно идти быстрее! Он вытекает!

– Эй ты, давай помогай нам. Хватай его за одну ногу! – крикнул я трехсотому.

– Я – трыста! – тупо ответил он и остановился.

– Братан, не тупи! Помогите нам. Он подохнет сейчас! – наехал на него Токио.

– Я – трыста... – еще раз тупо, как надоевшая корова, промычал он.

– Я тебе сейчас въебу! Хватай его, сука, за ноги! – не сдерживая себя, заорал я. Все напряжение, накопившееся за эти два дня, которые я начал рядовым эвакуации, а закончил командиром штурмовой группы, вырвалось из меня гноем и стало хлестать в него, как из пожарного шланга. Все, что я знал на матерном русском, перемешиваясь и сплетаясь в витиеватые узоры, полилось из моего рта, как очередь из крупнокалиберного пулемета. Но все мои внешне открывшиеся ораторские навыки не смогли пробить отупение и психоз трехсотого.

– Я – трыста... Я – трыста... – бессмысленно повторял он, не обращая внимания на мою агрессию.

– Флир! Он ебнулся! Давай вдвоем! – образумил меня Токио.

Я, продолжая материться и черпая в этом силу, схватил Лихо и потащил его обвисшее тело по направлению к подвалу Немезиды. Моих сил хватило ровно на то, чтобы дотащить его до точки эвакуации. Затащив его внутрь, я по инерции продолжал материться на трехсотого, который, не отставая, как теленок, шел за нами всю дорогу.

– Хватит! – заорал Немезида, приводя меня в чувство. – Заткнись. Не одному тебе тут тяжело! Ты командир или кто? Быстро собрался, забрал вот этих четверых и вернулся на позицию!

Я пришел в себя и стал понимать, что мне говорит Немезида.

– А вы быстро взяли БК и за ним! Пока хохлы там не *одуплились* и не выбили вас обратно, – он пощелкал пальцами перед лицом раненого. – Ясно... Запятисотился. Ладно, отправим его к Гонгу, может, он его в чувство приведет.

Мы привели пополнение в свои развалины и закрепились на ночь в самом крайнем подвале. Он был похож скорее на могильник или склеп, чем на место для ночевки. Ночью и так было страшно, а в нем я чувствовал себя заживо похороненным. Сразу почему-то вспомнился фильм «Вий» и стало казаться, что из стен на меня смотрят упыри и вурдалаки, которые притаились тут и только и ждут, чтобы я закрыл глаза. К тому же, мы не располагали тепловизорами и уже знали от тех, кто воевал тут давно, что у противника есть в этом огромное преимущество. У нас был только один печальный *ночник*, в который можно было разглядеть хоть что-то на расстоянии метров двадцати. Пришлось, как обычно, использовать смекалку и устраивать систему тревожного оповещения из подручных средств. Набросав у входа куски шифера

с крыш, помятые листы кровельного железа и другой строительный мусор, мы надеялись, что это поможет нам обнаружить крадущегося в ночи врага и сработает как сигнализация.

Посадив бойца на лестницу у выхода из подвала, я попытался уснуть. Едва закрыв глаза, я попал в глубокие воды своих тревожных мыслей и завис между сном и реальностью...

– Флиир! – тормозил меня боец, интенсивно тряся за плечо. – Они идут! – возбужденно шептал он мне в лицо.

– Кто? – еще не понимая, что происходит, таращился я на него.

– Слышишь?

На улице, в полнейшей темноте украинской ночи, стоял невероятный шум – звук трескающегося шифера перемешивался с зубодробительным стуком десятков ног, топчущих кровельное железо.

– Ты почему фишку бросил? Все наверх! Быстро! Пока нас тут не закидали гранатами! – я стал толкать бойцов к лестнице, чтобы занять выгодную позицию.

Кряхтя и толкаясь, мы стали карабкаться наружу, параллельно пытаюсь не запутаться в автоматах. Перед выходом все замерли, и мне пришлось перелезть через них, чтобы с чрезвычайной осторожностью оглядеть округу в наш игрушечный прибор ночного видения. Я выглянул в темноту и увидел зеленого цвета рогатого дьявола со светящимися глазами и козлиной бородой, как его изображают на старинных рисунках.

– Сука! – только и смог проблеять я сдавленным голосом. Тело внезапно стало ватным... К горлу подкатил тошнотворный комок ужаса и сжал желудок.

– Беееееаа... – проблеял дьявол и, издавая невероятные звуки, стал топтаться на листе железа. Он повернулся ко мне боком, и я увидел большое вымя с торчащими сосками.

– Коза драная! – заорал я. – Это коза!

– Я чуть не обоссался! Пиздец, как страшно было, – выдыхая, прошептал боец, которого я только завел на позиции.

Коза услышала наши голоса и пошла к нам, пытаясь забраться в подвал.

– Иди отсюда! – стали мы выталкивать ее обратно.

– Гоните ее. Она палит нас!

Пять минут борьбы с козой закончились тем, что я ударил ее в бок прикладом и отогнал метров на десять от входа. Она отбежала и стала обиженно блеять.

– Пацаны, у нас новая фишка. Позывной Коза! – пошутил Ван Дамм.

– Теперь можно спать спокойно.

12. Обида. 1.1. Работа в частнике

Сегодня день начался с удачи. Утром мы бились с наемниками. Я понял это по тому, как трудно было работать. Помимо этого, экипировка, английская речь в рации, черные бородастые лица, которые периодически мелькали с той стороны, и моментальные встречные накаты, чтобы забрать погибших. Тела наемников украинская сторона не бросала никогда, хотя трупы рядовых хохлов они оставляли регулярно. Вот и сегодня птичка засекла девятерых хорошо экипированных рексов и задвухсотила двоих сбросами ВОГов. Мы попробовали продвинуться, чтобы захватить трофеи, но по нам сразу интенсивно стала бить арта, танк и все, что умело убивать. Пока тела не были эвакуированы, они не успокаивались. Сегодня с той стороны сражались хорошо обученные спэшелы, слетевшиеся со всего света на запах денег, которыми Украину щедро снабжало НАТО. Как только огонь утих, птичка предупредила, что они идут в накат. Я выскочил из подвала и забежал на кучу угля; он хранился в деревянном боксе-угольнике. Подняв над головой автомат, я стал простреливать позицию, чтобы не дать им подползти близко. От отдачи одна нога поехала на угле, и едва я скатился вниз, над моей головой просвистела пуля и врезалась в стену дома. По мне отработал снайпер, который сидел в Опытном на пятиэтажке. «Повезло!» – подумал я и спрятался за сараем.

– Давай, вылезайте из подвала! – заорал я на бойцов, которые робко высовывали свои носы оттуда.

– Занимай позиции, блядь, пока нас тут не заебашили! – перешел я на понятный мотивационный язык приказов. – Ты – туда! Ты – сюда. Держи сектор, хули ты мнешься?

Постреляв друг в друга еще минут двадцать, мы вышли на ничью. Бой закончился так же внезапно, как и начался. Мы понимали, что контратаковать сейчас было бы чревато большими потерями, а противник решил перегруппироваться после не очень активного наката. Через час мы вышли на связь с нашей группой, сидевшей на противоположной стороне улицы и, под прикрытием огня этой группы, все же сумели продвинуться на дом дальше, потеряв всего одного бойца, который получил легкое ранение в плечо. Естественно, тел наемников в захваченном доме не было. Мы закрепились, распределили сектора и стали ждать подкрепление с БК.

Впереди, в двадцати метрах от нас, располагался предпоследний дом по правой стороне единственной в Иванграде улицы. За ним был еще один дом, потом – поворот в сторону кладбища. Эта дорога была нашей контрольной точкой, за которой начиналась епархия второго взвода. Нам оставалось взять два дома и дожждаться, когда придут смежники и продолжат штурмовать свою территорию, продвигаясь слева по этой улице в сторону Бахмута.

В ожидании подкрепления в лице группы Немезиды, я рассматривал пути подхода к гаражу, который примыкал к зданию и незаметно для самого себя улетел в воспоминания о своем прибытии сюда...

Сейчас середина октября, а приехал я...? В мае! Пять месяцев... Да, одиннадцатого мая я был в Попасной, а после уже нас перекинули ближе к передку. Развалины в Попаске немного напоминали мне Чечню и Грозный. Еще в Молькино меня распределили в семерку к Хозяину и Берегу, чему я был рад, наслушавшись от своего друга, что отряд у них хороший.

С группой товарищей по бизнесу, в количестве пятнадцати человек, я прибыл в какой-то поселок, находившийся недалеко от Попасной. Не успели мы разгрузиться, как к нам подошел боец, примерно моего роста, в простой штатной форме, и, без выебонов представился:

– Я командир вашего взвода – Гаврош. Рад приветствовать, – он оглядел нас добродушным и немного уставшим взглядом. – Парни, вот этот домик занимайте и обустраивайтесь. Окна заделывайте получше, чтобы не прилетело, – дав нам указания, он развернулся и пошел по своим делам.

– Никогда бы не подумал, что так может выглядеть командир взвода, – заметил боец с позывным Карман.

– Да, в *минке* командиры выглядят по-другому, – подумал я и кивнул ему в знак согласия.

Гаврош абсолютно ничем не отличался от остальных бойцов: ни элитной экипировкой, ни навороченным оружием, ни проявлениями своей власти и значимости. Не успели мы толком пообщаться между собой и заделать окна, как он вернулся вместе с еще одним бойцом.

– Короче, мужики. Собираемся и выдвигаемся на зачистку. Работаем тройками. Я пойду с первой тройкой. Вы прикрываете, мы заходим и работаем. Если кто-то из нас двести или триста, подпытываете первые тройки, – мы молча выслушали его и стали собираться.

Первый бой сначала показался легким. Мы продвигались вперед, а они, вяло отстреливаясь, отходили назад. Двигались практически без контакта. Создавалось такое ощущение, что нас заманивают в какую-то ловушку. Так, в принципе, и оказалось. Недалеко от Клинового мы наткнулись на большой укреп с пулеметами, и уже пошла настоящая жара. Первые группы во главе с Гаврошем, Этикетом и Упиным запрыгнули к хохлам в окопы и завязали бой. Двоих наших тут же тяжело ранило. Мы все, кто был сзади, под прикрытием АГС, выдвинулись на помощь и тоже вступили в бой.

На подходе к укрепу по мне сработали из окопа, и пуля прилетела в бронежилет сбоку на уровне груди. Я упал и первые несколько мгновений толком не мог понять, что произошло. Ранен я или уже умираю?! К счастью, ничего серьезного не произошло, я просто упал от удара на жопу. Ко мне, пригибаясь к земле, подбежал напарник, который шел сзади.

– Ты триста?

– Вроде нет. На отсечь прошла, – оглядывая себя, ответил я.

Мы инстинктивно сдвинулись на края посадки, чтобы не идти по пристрелянной тропинке, и по кущерам стали подползать к укропам. Гранатами в посадке особо не покидаешься. Могло отрекошетить от дерева и прилететь назад; поэтому я решил обходиться без них. Мы подползли на дистанцию прицельного огня и, пока двое не давали им поднять головы, я запрыгнул в окоп. Я вспомнил приступ страха, который возник у меня перед первым окопом, и меня передернуло. Я понимал, что противник в окопе вооружен и уже ждет меня. У него есть преимущество – это его позиция, которую он пристрелял и знает лучше, чем я. Тогда главным было перебороть этот холод в груди и запрыгнуть в чужой окоп. На *духовке* я сделал этот рывок, как делал всегда, когда шел вперед. Дальше думать нужно было уже не про будущее, а про то, как выжить в настоящем. Я двигался по окопу, прокидывая перед собой гранаты, а пацаны прикрывали меня. Втроем мы загнали двоих укропов в блиндаж и ликвидировали их. Зачистив свой угол, мы присоединились к группе Гавроша.

Ни у одного из нас тогда не было никакого опыта боев в посадках. Это уже позднее мы все, вместе с Гаврошем, стали понимать, что тут нет практически никаких укрытий, кроме чахлой растительности, поэтому в посадках нужно двигаться намного чаще и быстрее, нежели в городской застройке. Посадки – это дело рук человеческих, по бокам от них есть сливные канавы, которые хоть как-то могут защитить от пуль и осколков. Поэтому, работая там, безопаснее и эффективнее двигаться не по центру посадки, где могут быть растяжки, мины и стрелкотня, а по бокам. Группы должны быть не более трех человек, чтобы снизить вероятность поражения.

– Обида – Немезиде? – вдруг ожила моя рация и вырвала меня из ностальгических воспоминаний.

– Обида, да! – шепотом ответил я.

– Сейчас в дом ваш будем запрыгивать, постарайтесь нас не обнулить. Заходим с огорода.

– Запрыгивайте, – сказал я и предупредил бойца на фишке, который сторожил наш тыл.

Немезида привел с собой несколько бойцов с БК. Мы набили рожки, быстро обговорили пути захода в дом с гаражом, засадили туда по паре морковок из РПГ, перебежали в него и быстро зачистили. Дом оказался пустой, и это было понятно и объяснимо. Отступать из него

было почти некуда. Если только на кладбище, которое находилось метрах в трехстах правее. Дальше шли бесконечные поля, заросшие желтой жесткой травой. В этом году, в связи с войной, посевную отменили. Противник сидел метрах в сорока через дорогу. Та сторона улицы еще не была зачищена, и нас оттуда знатно поливали из пулемета. Группа Ока, которая двигалась по левой стороне, еще не взяла дом напротив, и теперь мы могли давить на него огнем с двух сторон.

– Ну что, Немезида? Оставляем тут фишку и заходим в последний дом у поворота на кладбище? – предложил я план.

– Может, еще до ночи управимся, – бодро ответил он. – Может, там, как и тут? Пусто?

– Было бы неплохо.

Не успел он это произнести, как по нам стал работать танк, с первого выстрела разнеся в щепки пристройку к дому.

– Быстро! Валим отсюда! – закричал я бойцам и Немезиде.

– Куда?

– В гараж! Я там подвал видел. Быстрее!

Мы по очереди стали выскакивать из дома и, забегая в гараж, практически щучкой ныряли в подвал, вырытый под ним. С другой стороны улицы по дому стал активно работать пулемет, и два наших бойца остались отрезанными в доме.

– Смотри, что тут! – дернул меня за рукав Немезида.

– Ого... – только и смог присвистнуть я, пытаясь отдышаться.

Подвал был забит украинским БК. Трубы разного вида и калибра, пару гранатометов и *морковки* к ним. Ящики с патронами для автоматов и пулеметов. Все это было аккуратно расставлено на ступеньках, на которых мы еле помещались всемером.

Подвал, вырытый глубоко в земле, которая сохраняла необходимую для хранения продуктов прохладу, издревле заменял местным холодильники. Подвалы, вырытые почти у каждого дома, становились основным убежищем для солдат с той и с другой стороны. В мирное время там обычно хранили съестные припасы: консервированные овощи и фрукты, варенье и компоты, в простонародье называемые закатками. Подвал обычно оборудовали полками, на которых эти припасы хранились годами. Картошка, буряк, копченое мясо, сало и бочки с квашеной капустой и солеными арбузами. Земля здесь была хорошая и давала отличный урожай.

Наверху раздался взрыв от прилета, сложивший дом, в котором мы были еще минуту назад.

– Аааааа! Больноооо! – раздался оттуда истошный крик нашего бойца. – Вытащите меня! Вытащите меня отсюда! Мамочкааа!

Мы не успели ничего предпринять, второй прилет разворотил вход в подвал, засыпав его. Сквозь щели в расщепленных досках стало видно пламя. Доски и куски утеплителя, из которых был сделан гараж, мгновенно вспыхнули, обдав нас жаром. Если бы не этот огонь, мы могли бы расчистить вход и по очереди протиснуться наружу, но огня становилось все больше.

– Аааааа! Пристрелите меня! Мне больно! – нечеловечески орал боец, срываясь на визг. – Я горю! Не надо! Мамочкааа...

Сверху, по ступенькам, потекло горящее масло. Я попытался затоптать его, но только поджег берцы. Сбив огонь рукой, я стал толкать бойцов, чтобы они спустились вниз. Боец сверху перестал кричать и просто истошно выл в голос.

– Там ему помочь никак нельзя? – спросил снизу Сеня.

– Как ты ему поможешь? – заорал Немезида.

– Нам, по-моему, пиздец, – сказал я, глядя, как горящее масло стекает по ступенькам и подбирается к трубам, морковкам и БК.

– Быстро все спускайте вниз! – скомандовал я, и мы с Немезидой стали передавать БК по цепочке.

Он стоял чуть выше меня, шустро вытаскивая трубы из огня. Вверху еще раз взорвался снаряд, и Немезида через меня полетел вниз по ступенькам, отброшенный взрывной волной. Падая, он ударился об угол, вырубился и стал задыхаться под тяжестью броника. Столкнув ногами последние трубы, я скатился вниз и, при помощи бойцов, стал стаскивать с него броник и приводить в чувство.

– Дышит! Дышит! – радостно закричал Кислый.

Немезида открыл глаза и непонимающе таращился на меня, хватая воздух ртом:

– Сука. Больно как...

– Обида – Оку? Обида – Оку? – ожила моя рация.

– Обида, да.

– А ты где?

– В подвале, под гаражом, напротив вас где-то.

– Так гараж же горит? – удивился Око.

– Серьезно, что ли? А мы тут думаем, что так жарко, – съязвил я.

– Бля, мужики, мы даже помочь вам не можем. Вы там это... Держитесь.

– Око, знаешь что? Позвони ноль один, пусть срочно приедут пожарные. Конец связи.

Боец вверху тоже перестал кричать, и стало намного тише. Становилось все жарче. Мы были полностью отрезаны огнем от выхода, да и дышать было все сложнее.

– Что делать-то будем, Обида? – нервничали бойцы. – Горячо уже.

– Что делать? Берите вон банки с закатками и лейте на себя. Мочите одежду. Только не сладким – сгорите как свечки, – отдал я распоряжение бойцам.

Мы раскупоривали закатки и лили рассол из банок с огурцами и помидорами на себя. То, что оставалось в банках, мы, как гранаты, закидывали в огонь, стараясь сбить пламя. Слава Богу, закаток тут было много. По всей видимости, в доме жили очень рачительные хозяева и, судя по ржавчине на крышках, банки тут стояли не первый год. Закидав пламя капустой, нам удалось затушить его и постепенно расчистить выход. Пока танк перезаряжался, мы начали по одному выбираться наружу. Внезапно из развалин послышался негромкий окрик:

– Пацаны, пацаны... Помогите! Я горю тут!

– Ты живой, что ли? – удивился я. – Это ты тут орал?

– Нет. Это не я. Я только руки его вижу. Он так кричал, а я не мог ничего сделать... Меня тут плитой привалило, но я целый. Только ноги обожгло.

Я заглянул в то место, где лежал наш двухсотый, и отшатнулся.

– Что там? – спросил Немезида.

– Такое себе... Продвинемся дальше, заберут его. Запомните место.

Мы стали быстро отковыривать второго бойца. Ему повезло больше, чем первому. Когда по дому отработал танк, он сидел в углу, и его просто закрыло упавшей с потолка плитой. Ею же придавило и второго бойца, который сгорел заживо. Вытащив парня, мы *оттянулись* на огород, где нашли еще один старинный подвал, выложенный булыжниками. Посоветовавшись с Немезидой, мы решили отправить всех назад, а сами – передохнуть в ожидании бойцов второго взвода.

– Нормально все? – спросил я парня, который был в доме.

– Да... – он посмотрел на меня бездонным взглядом, ища помощи или поддержки. – Он так кричал... А что я мог?! Я и до автомата не мог дотянуться, чтобы того...

– Потом, будет возможность, свечку за упокой поставишь да помолишься. А сейчас нужно выдвигаться.

– Хорошо, – сказал он и сел на два автомата, которые вместо носилок подставили ему бойцы.

Подвал, в который мы перебрались, сооружали еще при царе, и своей монументальностью внушал доверие. Если бы не шум стрелкотни вокруг, можно было бы подумать, что я просто

отдыхаю где-то на юге и спасаюсь тут от полуденной жары. Выход из подвала был в сторону соляных разработок, и я не мог видеть из него движение на линии соприкосновения. К тому же он был таким глубоким, что в нем не ловила рация. Мы с Немезидой выползли почти наверх и сели на ступеньки.

– Вот так вот... – подвел я итог сегодняшним приключениям.

– Тело ломит все. Вот денек. Думал, окочурюсь. Спасибо, кстати, что откачал, – улыбнулся он мне.

Сил отвечать на его благодарность не было, и я просто моргнул ему в ответ. Я взял рацию и вышел на эвакуационную группу, сообщив им место, где лежал двухсотый, и количество бойцов, отправленных нами в тыл. Не успел я договорить, как в трех метрах от входа взорвался ВОГ, и нас с Немезидой взрывной волной сбросило вниз. Мы скатились кубарем в подвал и стали ощупывать себя.

– Опять... – услышал я стон Немезиды в темноте подвала. – Ты живой?

– Хер знает... Вроде все нормально.

– Видимо, осколки верхом пошли.

Мы выползли наружу, поднимаясь по крутой лестнице, как на Голгофу.

– Сидеть не будем, – сказал Немезида. – Давай, последний дом посмотрим, и все. На этом наша работа сделана.

Взяв несколько труб из подвала, мы по очереди расстреляли дом, подползли к нему через огород, кинули пару гранат в окна и забрали его. Сидеть тут было опасно, и мы откатились обратно в подвал.

– Чайку бы, – мечтательно сказал Немезида.

– Угу... И горячего похавать.

– А помнишь, как мы с Гаврошем взяли укреп, и там склад хохлячий продовольственный был?

– Да, – улыбнулся я.

– И сигареты, и еда. Всего было в достатке.

– Неделю жили, ни в чем не нуждаясь.

– Все-таки, когда ни еды, ни БК, и штурмить ходишь бодрее. Проще к хохлам было зайти, чем десять километров до ПВД в поселке топать.

– Угу... А утром, помнишь, приходит Гаврош и говорит: «Пойдемте. Берите с собой РПГ и пошли».

– И мы такие вышли внаглую на дорогу и пошли по ней, – стал быстро рассказывать Немезида случай, в котором мы оба участвовали. – Противник, получается, сто метров от нас; мы еще не зачищали посадку по центру. В сторону прошли пятьдесят метров, и все; дальше еще противника не выбивали.

– Ага... Приходим на бугор, а там подорванная машина стоит, – решил поддержать я его рассказ, но остановился, чтобы дать рассказать ему самый прикольный момент.

– Гаврош нас с РПГ сфоткал на ее фоне для отчетности, поворачивается к нам и говорит: «А теперь бегом назад!»

– Я охуел, если честно. Нихера себе фотосессия! Побежали назад...

– А по нам арта начинает работать! – уже заливаясь смехом, тараторил Немезида.

– Я в окоп запрыгнул, чувствую, штанина прилипла. Смотрю, осколок торчит. Гаврош спрашивает: «Целый?» А я – ему: «Частично».

– Так мы тогда быстро тебе его вытащили. Видимо, воткнулся на излете.

– Только форме хана пришла. Тогда я первый раз надел хохляцкую. Она по качеству, конечно, хорошая.

– И в перекресток этот, помнишь, уткнулись т-образный, арту пришлось вызывать... Нормально они там закрепились.

– Так тогда с командиром отряда связь прямая была, а не через десять раций, – с ностальгией вспомнил я простоту взаимодействия в отряде. – Вышел напрямую и попросил. Арта отработала, и мы пошли впятером вверх по посадке, где как раз с айдаровцами схлестнулись.

– Тогда еще, помнишь, мы троих айдаровцев размотали в посадке и броник у одного забрали. Из троих броник у одного был.

– Я раньше думал, они типа азовцев... А оказалось – голь перекатная.

– Ну, АГС мы там еще затрофеили, миномет... – стали мы вспоминать августовские бои, когда мы двигались параллельно третьему взводу в посадках. – Третьим взводом тогда командовал командир с позывным Мора. Светлый такой, круглолицый, короткостриженный.

– Может... Карман тогда первый погиб, на растяжке. Так, по глупости получилось. А я ему говорил: «Ты зря расслабился. Эта самоуверенность, что ты неуязвимый горец Маклауд, тут до добра не доведет. Выжил в трех-пяти боях и думал: «Да это мелочи – чего мне будет?»

– Так, может быть, и остался бы в живых, но он без каски был. Ему, видите ли, не по кайфу было каску носить. Вот, осколок в голову и прилетел.

– А мы с тобой живы до сих пор. И Слава Богу!

Пока мы кувыркались с этой стороны, группа Ока продвинулась на пару домов и дошла до нашей контрольной точки. Теперь можно было не опасаться, что хохлы *перетекут* в этот дом. К нам на смену пришли два бойца, и мы оттянулись к Оку, на наши крайние позиции с другой стороны улицы.

13. Цахил. 1.1. Иванград (продолжение)

На позиции «Колодец», как на перевалочной базе, собирались те, кто шел с передка в тыл по своим делам, и те, кто шел на передок по делам работы. В тот момент, когда нам дали передохнуть, там находились бойцы второго взвода и нашего взвода разведки. Я разговорился с ними и заметил, что у одного из них было целых две аптечки. Ребята оказались простыми и компанейскими, так что путем нехитрых переговоров я выпросил себе полноценную трофейную аптечку и два жгута. Посидев еще немного, они засобирались дальше, и я на прощание спросил:

- Как тебя зовут?
- Флир. Я тоже из разведки. Штурмовик, – ответил он мне и пожал руку.
- Спасибо за подгон.
- Да ладно... Давай, береги себя, брат.

Здесь, на передке, вопросы решались быстро. Все лишнее и наносное отлетало, оставляя место реальному и простому. Дружба завязывалась моментально, опираясь на взаимопомощь и выручку, как на бетонный фундамент. Каждый из нас понимал, что мы делаем одно общее дело, и сегодня ты помог другому, а, может, уже через час тебе понадобится его помощь. Делалось это не из каких-то меркантильных и корыстных интересов, а из понимания необходимости именно такого отношения друг к другу. Здесь, в ситуации повышенной опасности, когда все решали секунды и мгновения, не было времени и сил на какие-то сложные многоходовки. Здесь, как нигде, становилось понятно, что это и есть единственно правильное поведение по отношению к ближнему.

Перед тем, как Флир ушел, на точке появился еще один боец, который здесь был старожилом, и, как я понял из их разговора, был с Флиром из одной краснодарской колонии. Увидев меня, он усмехнулся и спросил:

- Давно вы тут?
- Недавно...

– Я вроде тоже недавно, но как будто уже сто лет. Тут время идет по-другому. Сначала в Клиновое привезли, потом на «Деревянный лес», а оттуда уже сюда. Там все и началось по-настоящему... – он на секунду замолчал, вспоминая что-то свое, и продолжил: – Нам там только выдали патроны, магазины и сказали: «Все ребят, вы уже практически в зоне боевых действий. Здесь уже работают ДРГ ВСУ, и патрон всегда в патроннике. В туалет с автоматом, куда-то еще – автомат всегда с тобой». Пугали, конечно, но для пользы. Посидели там в окопах немного и уже сюда... Лэд, – представился он и протянул мне руку.

- Цахил, – пожал я ее.

Видимо, ему хотелось поговорить и поделиться своей историей с вновь прибывшими, и он без паузы продолжил:

– Нас как типа добровольцев взяли. Сказали: «Ребята, надо пополнять резерв. Кто идет?» Мы с Сибаритом посмотрели друг на друга. Это семейник мой с лагеря еще. Говорю: «Брат, что оттягивать неизбежное? Если мы Богу угодны, значит, выживем. Если Богу не угодны, значит, судьба такая». Мы, естественно, в добровольцы и пошли на фронт, на линию соприкосновения, так сказать. Сели на *мотолыгу*, загрузились сверху и поехали до пещеры перед Иванградом. Утром на рассвете выдвинулись с пещеры пешком до позиции нашего командира Немезиды. Это был, как сказать, ну главный в Иванграде, кто следил за нами. С этого началась, скажем так, моя война.

- Нас так же везли, – успел вставить я пару слов.

– В Иванграде первый штурм неудачный получился... Продлился он, не знаю, минут пять может. Только вышли, у нас сразу один двухсотый был и три раненых, вот и остались четыре

человека. Нас назад вернули, пополнили. Следующий штурм мы когда пошли, нас накрыло АГС. Опять три трехсотых. Меня автомат, считай, спас, – глядя внутрь себя, продолжил рассказывать Лэд. – У меня автомат висел и к ляжке прижимался. Все осколки попали в газовую трубку. Попадали, АГС накрывает, а мы лежим посреди улицы. Бросили БК, начали пацанов вытаскивать к ближайшему дому. Вытащили их, **замотали**, тут с другой точки ребята прибежали. Не помню позывной... Хороший парнишка. Узбек. Давай помогать перематывать всех, эвакуировали ребят раненых. Все живы остались. Опять я один из группы остался. Вот так и началась моя война. Два штурма и оба такие...

Я сидел, слушал его, и до меня начинало доходить, что настоящая война – это вот такие истории, а не видео про ССО из интернета.

– Лимит везения... – вслух прошептал я.

– Что?

– Говорю, история у тебя интересная.

– Да тут и не такое бывает. Вчера вот вообще был случай интересный, – засмеялся он. – Прикол! Получается, мы стоим на крайней позиции, то есть там дальше и нет ничего. Поле. Выше нас там, получается, такой пригорок, как косогор, там кладбище и раньше были хохлячье окопы. Там второй взвод в этих окопах. Это выше, на северо-запад получается. На северо-восток, извиняюсь, на северо-восток кладбище получается. И в чем смысл? – спросил он себя, глядя мне в глаза. – Нам говорят: «Щас пойдем на штурм. – А куда пойдем? – Идете прямо. – А как мы узнаем, где противник? – Ну, когда по вам стрелять начнут, ищите откуда по вам стреляют». Это был, конечно, прикол! Страшно, пипец! Никто не знает куда идти, – он хлопнул себя по коленкам, всем своим телом пытаясь передать нам неопределенность и абсурдность ситуации.

– И, получается, мы штурмим, начинаем двигаться вперед, а двойка в этот момент начинает из своих окопов тоже выдвигаться нам на помощь. И они с косогора двинулись в нашу сторону по открытке. Восемнадцать человек, как потом оказалось, – рассказывая, он достал пачку сигарет, ловко выбил из нее одну сигарету и прикурил. – Но будем учитывать, что вещи на фронте рвутся постоянно. Постоянно изнашиваются... А двойка уже была наполовину переодета в хохлячью форму, из этих окопов, видимо. У хохлов теплая форма. Они начинают бежать на нас, и бегут не впереди нас, куда мы идем на штурм, а бегут за нас. Немезида в этот момент уже собирался вызывать огонь на себя, потому что мы все думали, что хохлы нас уже отрезают. Мы не знали, что это второй взвод.

– Да... Тут своих и чужих легко перепутать, – усмехнувшись, вспомнил я своего ВСУшника.

Я хотел было рассказать ему свою историю, но сил пересказывать ее в десятый раз уже не было.

– Ага. Получился такой переполох. Хохлы начали лупить со всего. Особенно с РПГ! Парнишка слева от меня был, получается, ну метра четыре, наверное. РПГ снаряд бьет в ветку над ним, происходит взрыв. А он как на колене одним стоял, стрелял в сторону противника... И резко руки под себя поджал и упал. Так знаешь, сложился как будто от взрыва. Присел и прилег. Я сначала не понял, что с ним. Секунд через десять подполз к нему, начинаю ему говорить: «Братиш, ты как?» А он молчит, – на секунду Лэд задумался и продолжил почти шепотом: – Смотрю, у него перебита артерия на шее, и он уже неживой. Это секунды. Я не знаю, за сколько он вытек... И огромная лужа крови под ним. Секунды – и человек уже двести.

– Жалко... – только и смог выдохнуть я, окончательно осознавая, что действительно нахожусь на войне.

– Мы этих из двойки чуть в плен не стали брать. Хорошо, стали кричать друг другу и выяснили, что это наши ребята. Тоже вагнера со второго взвода. Благо, что никто не пострадал. Так что, смотрите в оба. Потому что вы все новые. Никто не знает друг друга, половина

непонятные. Короче, такой получился у нас переполох... – закончил он, как будто выдохся, и замолчал. – Ладно, пора мне, – он кивнул нам на прощание, растер ногой окурки и переключился на Гудвина, к которому у него были какие-то вопросы.

Находясь на точке эвакуации, я внимательно наблюдал за Гудвином и слушал то, что он говорил. Он не был профессиональным медиком. Он, как и я, научился азам, внимательно слушая инструкторов, а все остальное добрал уже тут, на передке. Гудвин был суров, но всегда щедро делился с нами тем, что знал сам. Он показывал, как правильно тампонировать рану, как накладывать повязки на пулевые ранения или на раны, когда из человека был вырван кусок плоти. Недостатка в наглядных пособиях не было, и мы учились, наблюдая за ним и помогая ему делами. Иногда он вспыхивал и злился, раздражаясь тирадой невероятно витиеватого мата, но делал он это всегда спокойно и сдержанно, не впадая в истерику. Его злость была органичной, соответствовала ситуации и служила скорейшему усвоению знаний у подопечных. Как только мы притаскивали перемотанного трехсотого на «Колодец», опытный Гудвин проверял надежность перевязки, что-то перематывал по новой, колол уколы и отправлял бойца дальше по этапу.

Больше всего мы страдали от снайперов, которые удобно расположившись в своих лежаках в Опытном, могли практически безнаказанно расстреливать штурмующих бойцов и группы эвакуации, выносившие тела и подтаскивающие боеприпасы.

На шестой день моего нахождения в Иванграде в группе эвакуации от тех, с кем я приехал, не осталось никого. Большая часть уехала трехсотыми в госпиталь, а несколько человек погибли. Вечером к нам прислали пополнение, и я увидел в них себя, только неделю назад. Из двенадцати человек была пара вторых, которые вернулись из госпиталя, а остальные смотрели на меня и Гудвина, как на представителей инопланетной высокоразвитой цивилизации.

– Привет, парни, вы попали в группу эвакуации, – стандартно поприветствовал их Гудвин.

– Нет! – почти простонал один из пополнях, сползая по стенке и садясь на пятую точку. – Товарищи командиры, – поочередно стал смотреть он на нас глазами кота из мультфильма «Шрек», – я после ранения. Меня пацаны на передке ждут! Отпустите меня к ним. Пожалуйста?

– Да, эвакуация – это те же штурма... – попытался замотивировать его Гудвин.

– В штурмах шансов выжить больше, – твердо сказал пополняха.

– Спорить не буду, но это вопрос везения, – ответил ему Гудвин, смотря на новичков, которые внимательно и испуганно следили за их диалогом. – Вон, Цахил – живой, здоровый, а бегаёт с утра до вечера, – кивнул на меня Гудвин. – Да, Цахил?

– Угу... – растерянно кивнул я.

– Ты людей то не пугай, – глядя на вторых, зло проговорил Гудвин, похлопав его по плечу. – А насчет тебя посмотрим, – обнадежил он его и перевел взгляд на меня: – Цахил, ты теперь старший группы эвакуации.

– Почему я? – испугался я в первую минуту ответственности.

– А кто? – демонстративно огляделся вокруг Гудвин. – Этот? – указал он пальцем на вторых, сидящего на полу. – Ты, потому что здесь больше всех находишься. По старшинству, Цахил, по старшинству.

– Ну, я, так я, – оглядев стоящих передо мной людей, я наметил из них три группы и, выбрав самых крепких, предупредил их, что, возможно, работать придется уже сегодня. И действительно, через час поступила задача, с которой нас стал знакомить Гудвин.

– Смотри, сейчас вы пойдете сюда, – показал Гудвин точку. – Вот здесь вот, получается, по левой стороне дороги, небольшая открыточка есть, вот если выше брать, вот они, два дома стоят на самом вершине, – водил он пальцем по экрану. – Вот, дальше там серая точечка. И где-то в этом месте вход в подвал такой. Тут еще, я там был, воронка от «Хаймерса», под два метра в глубину, огромная. В подвале один триста. Ему снайпер прострелил две руки одной

пулей. Надо забрать. Спокойненько, быстренько подойдете вот к этим двум домишкам. Вам сюда трехсотого выведут, и вы вернетесь обратно.

Мы, как и объяснял Гудвин, спокойненько подошли под звуки стрелкотни к нижнему дому и увидели действительно огромную воронку у нужного нам подвала. Я связался с пацанами по рации и доложил, что мы на месте. Они ответили, что выводят трехсотого и, как только мы стали продвигаться к следующему дому, а они к нам, по нам стали перекрестно работать несколько снайперов. Мы нырнули за крыльцо и стену крайнего к их подвалу дома, по которому щелкали пули.

– Аааа! – истошно заорал кто-то у подвала. – Ноги, сука! Ноги!

– В воронку запрыгивай, – крикнул я и, преодолев метра три расстояния, щучкой занырнул в нее, упав на дно ямы. В ту же секунду на меня сверху упало что-то тяжелое, и мы стали барахтаться, пытаясь разобраться, где чья нога и рука. Трехсотый орал мне в самое ухо и вносил дополнительную сумятицу в эту неразбериху. Стараясь не высовываться, чтобы не подставиться под снайпера, мы кое-как разлепились и, прижавшись вплотную друг к другу, пытались понять, что делать.

– Больно... – стонал мне в лицо боец с перекошенным лицом. – Нога...

Перевернувшись вверх тормашками, я осмотрел его рану, достал из подаренной аптечки турникет и стал перетягивать его.

– Тебя как зовут, брат?

– Толстый.

– Классно. С ногой у тебя все более-менее. Артерии серьезные не задеты, кости тоже. Успокойся, все сделаем нормально. Это ты тот, кому руки прострелило?

– Нет. Я тот, кто его выводил. Он там на открытке остался.

– Эй! Раненный в руки! Ты живой? – заорал я, продолжая перематывать Толстого.

– Да! – ответил он.

– Руки перемотаны?

– Да.

– Лежи, не шевелись. Мы тебя вытащим, как тут чуть успокоится движуха. Ты сколько вешишь? – переключился я на Толстого, продолжая мотать его ногу.

– Сотку.

– А я – шестьдесят, – перевернувшись на спину, я запрокинул голову и закричал в безразличное луганское небо, по которому были разбросаны редкие рваные тучки; похожие на клочки серой грязной ваты: – Эй! Давайте сюда! Я его один не потяну...

– Не... – донеслось в ответ, – туда нереально проскочить. Ты нас хоть расстреляй. Снайпер нас там пощелкает, – ответил мне голос.

И как будто в подтверждение его слов я услышал два щелчка от снайперского выстрела.

– Слышал?

– Вот вы суки! – заорал я. – Я вылезу, вам коленки прострелю. Давайте сюда! – еще раз попытался надавить я.

Но их страх перед снайперами перебивал мои жалкие попытки напугать их. Мои угрозы были отсрочены. Я мог погибнуть и не смог бы привести их в исполнение. Я мог простить их. Да мало ли событий могло произойти за ближайшие полчаса? А страх перед снайперами, которые могли продырявить им головы в эту секунду, был осязаем на уровне каждого миллиметра их тел, прячущихся за стеной дома. Я практически уже отчаялся дожидаться от них помощи, но наверху вдруг раздался шум, потом я услышал топот бегущих ног, и ко мне на голову упал таджик из моей группы, который прибыл только сегодня. Отдышавшись, он просипел:

– Я понесу. Я дома, в Таджикистане, воевал. Немного знаю медицину.

– Молодец, братан. Вот от кого, а от тебя не ожидал такой смелости... Как зовут тебя, брат?

– Эпик, позывной.

– Бери его за лямки и потащили.

Следом за ним, как в Теремок, к нам в воронку упал еще один боец из нашего взвода. Он был узловат, жилист и покрыт морщинами разной глубины, в которые забились грязь. Этот портрет Мефистофеля довершала грязная, спутанная козлиная борода.

– Здорова! Че-каво тут у вас? Давай, сейчас попрошу наших навалить в сторону Опытного, чтобы нам выскочить.

Он бодро вышел на связь, объяснил обстановку и попросил немного потушить снайперов. Пока наши хаотично стреляли в сторону Опытного, мы втроем кое-как тащили Толстого, который смотрел на нас глазами раненой лошади. Он молчал, но в его взгляде красноречиво читалось: «Не бросайте меня! Я хороший! Хоть и вешу так неприлично много».

Вжимаясь в грязь и мусор, мы почти дотащили его за стенку, как мне по касательной прилетела в каску пуля и сбила ее. Вторая пуля, издав противный звук «дззынннн», врезалась в железный уголок, торчавший из земли и, разлетевшись, врезалась мне мелкими осколками в лицо. Я надел каску, и мы стали ждать, когда снайпера успокоятся. Несмотря на то, что Толстый под тяжестью своего веса расплющился, как пластилиновый мякиш на солнце, и цеплялся за каждую кочку, нам удалось затянуть его за крыльцо и передать этим двоим, которым я обещал прострелить ноги. Они быстро, не встречаясь со мной глазами, подхватили его и поволокли дальше. Таджики я отправил с ними, а сам решил попробовать вытащить второго трехсотого. Лицо пекло, но крови совсем не было. Осколки от пули были настолько микроскопическими, что, не создавая серьезной угрозы, вошли в мою кожу и потерялись там до той поры, пока иммунная система не поймет, что они являются инородными телами, и не попытается изгнать их из тела.

– Ну что, Че-каво? Нужно этого вытаскивать, который там с руками валяется.

– Да погоди ты, – он подвинулся к самому краю стены и вытащил из-за нее свою каску.

– Видишь, не стреляют. Может, ушли?

– А может, и нет, – я тоже придвинулся ближе к краю и закричал: – Ты живой там, братан?

– Живой. Только теку, наверное.

– Ходить сам можешь? Ноги-то у тебя целые? – крикнул ему Мефистофель. – Нам просто к тебе бежать – это все равно, что к Богу на прием записаться. Может, доскачешь к нам? А тут мы уже тебя как новорожденного, на будьте любезны! А?

К моему удивлению, Мефистофелю удалось уговорить бойца выползти к нам самому. Я осмотрел простреленные руки и, убедившись, что перемотан он хорошо, повел его на «Колодец». Когда зашло солнце, от аптечки, подаренной мне Флиром, почти ничего не осталось. Но зато у меня были уже две другие, которые я взял у трехсотых.

– Интересно, что было бы с Толстым, если бы Флир не подарил мне свою аптечку? – чисто гипотетически спросил я вслух Гудвина, когда вернулся на точку.

– Сдох бы твой Толстый, – просто и реалистично констатировал факт Гудвин. – Что тут думать? Вытек бы и пиздец.

14. Миор. 1.0. Пулеметчик

После того, как мы познакомились в Клиновом со всеми нашими отцами-командирами, нас решили отправить в посадку, чтобы мы немного привыкли к шуму и запахам войны: погрузили на мотолыгу и отправили козыми тропами в ту сторону, где были слышны взрывы и автоматные очереди.

– Как думаешь, куда нас везут? – спросил я у Архыза, стараясь перекрыть рев **МТ-ЛБ**. Архыз был прикольным дядькой, кашником, откуда-то с Кубани, который всегда отвечал мне на мои вопросы.

– Понятно куда, к передку поближе. На задние позиции, куда уже долетают минометы, где идет там обстрел какой-никакой.

– То есть, не сразу в бой?

– Надеюсь, что нет. Сначала попривыкнем, а после этого уже отправят на пополнение разных групп.

– Грамотная тема.

Пока мы газовали на мотолыге и ловили лицом грязь, я стал вспоминать, как приехал в Молькино и мы начали обучаться. Сначала меня поставили водителем-штурмовиком. Хотя в армии я был пулеметчиком, но если уж говорить честно, то пулеметчик я был так себе. Поэтому, когда проходили фильтр, сказал, что служил обычным стрелком. Да и ребята, с которыми я познакомился в учебке на **Молях**, четко дали мне понять, что «...тут можно быть кем угодно, только не пулеметчиком и не гранатометчиком! Этих снайпера убирают первыми...». Именно поэтому я не вызвался по воинской специальности и, когда меня записали в штурмовики, подумал, что меня пронесло. Но на третий день наших тренировок, видимо посмотрев мой военник, меня вызвали в командирскую палатку и все-таки назначили пулеметчиком. «Да ладно?! – подумал я тогда. – Закон подлости. Если кем-то не хочешь быть, обязательно им станешь».

На следующее утро я начал бегать с пулеметом. Инструктор Иван гонял нас, чтобы мы подольше прожили в бою. На меня он обращал особое внимание. В моей памяти всплыло его улыбочивое лицо и приколы, которыми он сыпал с утра до ночи. «А ты чего углы не нарезаешь? Ты так долго не протянешь, Миор», – Иван требовал, чтобы я **нарезал углы**, когда мы занимались тренировочными дуэлями для ведения боев в окопах. И особенно – во время игрушечных перестрелок между собой во время штурма зданий. Иван был очень крутой спэшл и воевал уже не первую командировку, и мне было приятно его беспокойство обо мне. Через несколько дней, глядя на то, как я нарезаю углы, Иван подошел ко мне с грустным лицом:

– Миор, больше углы не нарезай. Не трать зря свои силы, потому что тебя, как пулеметчика, один хер с РПГ снимут или из ПТУРа достанут.

– Это как-то неприятно слышать... – удивленно промямлил я.

– Да шучу я, братан. Все нормально. Продолжай тренироваться. Главное, в разведку не попади.

– Почему?

– Потому что там жопа, братан! – улыбнулся мне Иван.

Когда нас привезли в Клиновое, к нам вышел бравого вида мужчина в хорошо подогнанной форме и представился:

– Здорова, пацаны. Меня зовут Гаврош. Я – командир взвода разведки, в котором вы будете воевать.

– Да ладно, – вырвалось у меня. – Разведка?!

– Разведка седьмого штурмового отряда! – подтвердил коренастый военный лет под сорок, стоящий с ним рядом. – Я – командир этого отряда Хозяин. Вопросы есть?

– У меня есть вопрос, – решил я. – Я пулеметчик, а мне с собой дали автомат. Сказали, пулемет тут дадут.

– Кто тебе даст? Никто тебе не даст.

– А что делать? – задал я тупой вопрос.

– Ну я не знаю. Палки вон бери, рогатку мастери, камнями отстреливайся! – засмеялся он и по-дружески продолжил: – Да не ссы. Все получите в лучшем виде. Командиры вам все объяснят.

– Понял, – ответил я и подумал, что по юмору теперь точно понятно – я в армии.

– Так, ребята... Подходим все ко мне, – вышел вперед приятного вида человек с полуседой шевелюрой вьющихся волос на голове.

– Я замкомвзвода Гонг, – он выждал, пока мы все соберемся вокруг него, и продолжил своим негромким проникновенным голосом: – Я не буду вам рассказывать, какая тут жесьть. Как тут страшно. Какие-то там душещипательные истории не буду *травить*. Просто знайте – вы попали в самый настоящий ад. Все, больше я вам ничего рассказывать и объяснять не буду, – он посмотрел на меня и сказал: – Пулеметчик... Ты чего поперся сюда? Такой пацан молодой?

– Да проблемы были... и я не молодой. Мне двадцать шесть.

– Какие проблемы? Проблемы – это когда ты в домике из говна и палок закрепился, а по тебе танк работает. Это проблемы, – посуровел его взгляд и голос. – Ты откуда?

– Мытищи. Московская область.

– Москвич? Ну и нахера ты сюда приехал? Хочешь, прямо сейчас, пока не поздно, оформлю тебя *пятисотым* и поедешь домой?

В тот момент я реально испугался, что он выгонит меня, и мне придется вернуться домой и объяснять всем, почему я *дал заднюю и зашкварился*.

– Нет! Я приехал сюда работать! – как можно тверже сказал я. – Я отсюда не уеду.

– Ну смотри, потом не ной. Работай, – улыбнулся мне Гонг одними глазами.

– Короче, братишки. Сейчас вон там вы получите все необходимое, – он повернулся ко мне, – и пулемет в том числе!

– Спасибо.

– Берем не меньше восьми рожков в лицо и все, что необходимо...

Гаврош и Гонг сразу произвели на меня впечатление умных и добрых мужиков, которые с заботой объяснили, что нам действительно понадобится на позициях, а что лучше оставить здесь. По мере того, как я их слушал, во мне все больше укреплялась надежда на то, что, воюя в разведке под их командованием, можно уцелеть и остаться в живых. С первых минут они были просты и честны с нами и вели себя как с равными. «Отлично, что я попал именно к ним!» – внутренне порадовался я.

Мотолыга резко остановилась, прервав мои воспоминания. Если бы не Архыз, который удержал меня, я бы полетел вниз и стал бы еще грязнее, хотя, казалось бы, грязнее уже было некуда. На каждом из нас была корка из богатой глиной и черноземом местной земли, маскировавшая нас, как самых настоящих разведчиков. Соскочив с мотолыги, мы стали вытаскивать из нее свои вещи и боекомплект.

– Кто у нас тут? – подошел к нам добряк с искрящимися позитивом глазами.

– Я, – Миор! Пулеметчик! – сразу решил обозначиться я.

– О! Пулеметчик! – хлопнул он меня по плечу. – Круто! Пулеметчики – это всегда самые ответственные люди в подразделении, – отпустил он комплимент в мою сторону. – Давай, устраивайся и приходи ко мне. Будешь мне помогать. Списки составим с тобой, фишки распределим. Я, кстати, командир этой точки. Позывной Цымля.

– Не вопрос, – с радостью откликнулся я на его предложение и гордо посмотрел на тех, с кем приехал.

– Ну что, Гаврош сказал, что вы с ним и Гонгом уже познакомились? – на той же веселой ноте продолжил Цымля. – Мы однажды с Гаврошем и еще парой бойцов брали один опорник, хохлов там так поливали в четыре ствола, что они думали, что человек двадцать их в окружение взяло. Загнали их в блиндаж, кинули пару гранат, они и руки в гору. Выползли – и давай сдаваться, – на бодряке стал рассказывать он. – Так что, не ссыте. Хохлы тоже жить хотят. Тут побеждает тот, у кого духу больше. Ну и, понятно, опыта.

Мы стали знакомиться с ребятами, которые уже провели какое-то время на позициях и даже побывали в боях. Незаметно для меня ушло напряжение, и стало легко от того, что все старались нас поддержать и подбодрить.

К нам в группу добавили кашников. Я чувствовал огромное любопытство, смешанное с опасениями, не понимая, как с ними общаться. То ли начать говорить дерзко, чтобы сразу поставить себя в их глазах крутым типом, то ли быть с ними осторожным и просто наблюдать, чтобы сориентироваться в дальнейшем.

– Привет, – протянул мне руку один из них, – Олег. Как тут?

– Миор, – пожал я его худощавую, но крепкую руку, – нормально, но нужно привыкнуть немного к тому, что вокруг все взрывается.

– Понял... – продолжал он смотреть на меня, явно давая понять, что мой ответ мало что прояснил для него.

– А ты кашник? – все же решился я познакомиться с ним поближе.

– Типа того... БСник. Бывший сотрудник. У нас зона была отдельная. Я раньше участковым работал, но вот случилась печальная история и я сел, – легко и непринужденно стал рассказывать он. – Превышение должностных полномочий, повлекшее за собой смерть человека. Умер, в общем, человек один.

– Вы его били? – вырвалось у меня.

– Ну, как? Подрались с ним, а он упал и умер. Подруга одна попросила с алкашами-соседями разобраться, ну я и разобрался, – продолжил он свой рассказ, по его выражению лица было ясно, что повторяет он свою историю не в первый раз. – Пришел к ним, как полагается, по форме пообщались. Они, вроде, все поняли и пообещали больше музыку громко не включать, не орать там, за стеной у нее. У нее пара ребятишек маленьких. Жалко ее было, да и это моя прямая обязанность, хоть и участок не мой был.

– То есть ты хотел ей помочь?

– Совершенно точно, – по-военному ответил он. – Через пару дней они опять за старое. Накатили и опять орут, ее оскорбили. Она мне набрала, я и приехал. Но уже по гражданке одетый. Опять их попросил по-хорошему, а у того то ли белочка, то ли просто он пьяный такой. В общем, сцепились. Я его на площадку выволок и так поддал ему слегка. Он по лестнице скатился и, видимо, головой ударился и крикнул тут же. Вот такая неприятная история...

– Да. И ты в ЧВК записался, чтобы исправить это?

– Естественно. Чего мне в зоне сидеть, когда выпала такая возможность биографию почистить. Я же с детства в полиции работать хотел, преступников ловить. Поговорил с теми, кто у нас сидел, прикинул шансы и записался.

– Здорово, что ты ко мне подошел, – улыбнулся я, – а то я, если честно, и не знал, что вы за люди? Даже не знаю, о чем можно говорить с вами, а о чем нет. Переживал маленько.

– Да БСники обычные люди... Как, впрочем, и зеки. У нас же общие тренировки были. У меня вон друбан новый, – кивнул он на другого бойца, – он с обычной зоны. Мы с ним в лагере подготовки сдружились. Дело же не в том, зек ты или полицейский, а в том, какой ты внутри человек.

– Понял... – ответил я.

– А ты кем тут?

– Пулеметчик.

– О! Покажешь, как из него стрелять? Всегда хотел попробовать.

– Да, легко, – радостно откликнулся я на его просьбу, – только его сначала почистить нужно. Я как раз собирался. Пошли, покажу, как он устроен.

Мир стал казаться простым и понятным. Тут мы – боевые товарищи, объединенные одной целью. Там, в той стороне, – враг, которого нужно убивать, а лучше брать в плен. Я смотрел на них и верил, что с такими мужиками мы сможем решить все поставленные перед нами задачи. Кашники, которых я первое время немного побаивался, стали казаться ни чем не страшнее обычных мужиков из нашего пивбара, куда я иногда заходил с друзьями. А то, что говорил Гонг, так это чтобы мы сильно тут не расслаблялись. Чтобы держать нас в тонусе.

Попив с мужиками чаю, я нашел себе местечко в блиндаже и быстро вырубился.

– Ну что, Миор? Говорил я тебе – углы нарезать смысла нет? Вон, смотри, в тебя снайпер уже прицелился. Пиздец тебе, Миор! – улыбаясь, как актер Дюжев, говорил мне наш инструктор Иван.

– Ты зачем сюда приехал? Сидел бы дома! – превратился вдруг Иван в замкомвзвода Гонга. – Тут ад!

– А у тебя только палка с рогаткой. Эх ты, горе-пулеметчик! – стал смеяться надо мной непонятно откуда вылезший командир отряда.

– Миор! Миор! Проснись! – тряс меня кто-то за плечо в темноте. – Давай, боец, подъем!

– Что? – вскочил я. – А где эти?

– Йети? Йети мыть надо! – засмеялся Цымля, цитируя сериал ДМБ. – Да проснись ты, – стал он трясти меня более основательно. – Тебе пора выдвигаться на позиции.

– Так сразу? Я же еще не обвыкся. Не рано мне?

– Там обвыкнешься. Пулеметчика задвухсотило. А наши там, в середине Иванграда, застряли что-то. Овраг прошли, а дальше никак. Пошли.

Цымля привел меня к бойцу, который был за старшину, и попросил его выдать мне все необходимое для пулеметчика.

– Ты эт... Шмурдяк свой тут оставь. На месте все дадут тебе, – сразу перешел он в режим «иди, там все дадут». – Вон, лучше патронов побольше бери. Сам понимаешь, там много-мало не бывает. Эт тебе не «тише едешь – дальше будешь». Тут понимать нада, – стал он, как я понял, мотивировать меня.

Весил я на тот момент около восьмидесяти килограммов, при росте сто семьдесят пять сантиметров. Мне было далеко до Джаггернаута, Владыки Вселенной, с упорством атомного ледокола, рвущего врагов взглядом. Лишнего при мне было немного, но я избавился и от этого. Теперь при мне было только то, что помогало убивать врагов: пулемет, лента на полтинник, потому что коробка под ленту на сотку не было. «Понятно, что для боя этот полтинник – полная фигня, но хоть что-то», – думал я, снаряжаясь в путь. Помимо этого, со мной была *РДэшка*, в которую я умудрился запихать около тысячи патронов, был министерский броник, весивший килограммов четырнадцать, и трехкилограммовая каска для тренировки мышц шеи.

– Ты, значит, вместо пулеметчика двухсотого поедешь? – спросил меня завхоз, глотая буквы в словах. – Царствия Небесного ему.

– А ты его знал?

– Малек знал. Провожал его пару недель назад, как тебя, в путь. А вон как пошло. Путь последний вышел.

«Как мало жить-то осталось», – бледнея, подумал я про себя и добавил:

– Я-то больше продержусь. Я – фартовый!

Он похлопал меня по плечу и показал на дверь:

– В добрый путь. Даст Бог, свидимся.

Через полчаса, которые пролетели в переживаниях и раздумьях о том, что я настраивался хотя бы на недельное пребывание в тылу, мы прикатили к пещерам, пронизывающим гору

насквозь. Это были огромные подземные ходы, выдолбленные в меловых и солевых пластах за десятки лет. Мы долго шли по ним, и на момент выхода из них с другой стороны горы, я уже устал и запыхался. После пещер был еще один длительный переход, в котором я почувствовал себя большим верблюдом, пересекающим пески пустыни с тонной патронов на плечах. Добравшись до Иванграда, наш проводник, добрый улыбчивый паренек, собрал нас вокруг себя и проинструктировал о поведении в красной зоне.

– Стараемся не говорить совсем. Ночью тут, учитывая, что Иванград – это просто тупо одна улица с домами слева и справа, слышимость на много километров во все стороны. Вот там, – он показал направо от первых домов, – в Опытном сидят снайпера и корректировщики. Мы у них как на ладони. Поэтому, – продолжал он вещать спокойным голосом херувима, – идем очень тихо и неукоснительно выполняем мои команды.

Не успели мы войти в Иванград и, прячась за домами слева, продвинуться вперед, как по нам стали накидывать ВОГа́ми. Я не понимал, где сидят хохлы и откуда они ведут огонь. Впервые оказавшись под огнем в этой крошечной темноте, под морозящим дождем, я видел их повсюду. «Вон-вон, калитка приоткрылась! Сейчас нас оттуда скосят как траву. Тут и останется твой сын, мамуля, в этой забытой Богом деревне, на краю вселенной», – думал я и ощущал, как адреналин заставляет колотиться сердце, превращая его в отбойный молоток. Адреналин, чувство настоящей опасности, сопряженной со страхом потерять жизнь, и крошечная темнота отбросили мой цивилизованный мозг на много сотен тысячелетий назад, когда мои далекие предки жались ночью у тлеющего костра, боясь выйти из пещеры и попасть в зубы хищников или быть убитыми врагами.

– Слушаем сюда, – наш сопровод подал нам команду.

Мы замерли и присели.

– Смотрите, сейчас бегом проскакиваем этот участок. Первый пошел!

– А они где? – успел спросить я его, когда он отправлял меня перебежать улицу.

– Далеко. Беги вон туда. Там вас встретят, – сказал он мне и хлопнул по плечу. Я старта́нул и проскочил опасный участок. В конце, когда меня уже завели в какой-то подвал, я даже не мог поверить, что все позади.

На позиции меня быстро, как на эстафете, передали двум кашникам. Не успел я отдышаться, как один из них, с позывным Болгар, дал команду бежать дальше. Я чувствовал себя уставшим и растерянным, не понимая, где я нахожусь, и абсолютно не ориентируясь, в какую сторону мы передвигаемся. Болгар, помимо своего автомата, нес в руках коробку печенья, которую ему дали, а его напарник – упаковку воды. А я по-прежнему тащил на себе около пятидесяти килограммов железа. Периодически хохлы запускали в небо люстры, и нам приходилось замирать, как в игре «Море волнуется раз». По нам шли автоматные прострелы, когда мы пробегали открытые участки, и прилетали ВОГи. «Квест какой-то!» – вспомнил я, как участвовал подростком в похожих мероприятиях. Оказалось, что война – это не штурм домов и окопов, а непрерывный марафон наперегонки со смертью. Чтобы вступить в бой с противником, нужно было преодолеть кучу препятствий и умудриться остаться в живых.

На очередной позиции очередной старший группы, лица которого я не разглядел, потыкал пальцем в свою книжку-планшет и объяснил Болгару, куда нам нужно выдвигаться.

– Смотри, – показывал он пальцем с обгрызленным ногтем, – вот тут овраг, он полностью простреливается из РПГ и снайперами. Его нужно проскакивать на максимально космической скорости. Это такая лотерея у нас. Потому что там эрпэгэшник – Робин Гуд. Очень четко кладет, сука.

– Хорошо.

Мы быстро выбежали из подвала и помчались по едва заметной тропинке, как участники знаменитого триатлона «Айрон Мэн», чтобы преодолеть очередной отрезок пути. На карте дорога и овраг не казались мне такими уж сложными препятствиями, но дождь размыл дорогу

и превратил ее в склизкую, размоченную жижу, на которой я боялся поскользнуться. «Я сейчас умру от недостатка воздуха!» – думал я, подбегая к оврагу. «Я бегу третьим, а это значит, что первый может легко проскочить, и его не спялят, – очень быстро думал я, – второго уже точно заметят и начнут по нему стрелять. А по мне, уставшему и перегруженному амуницией, стрелять будут прицельно». От этих мыслей внутри меня, как у терминатора, включился дополнительный источник питания, и я рванул вперед, чтобы вырваться на вторую позицию в нашем соревновании. Прилипнув вплотную ко второму бойцу, почти кубарем я скатился на дно оврага и стал, цепляясь скрюченными пальцами за глину, карабкаться наверх. РДэшка, полная патронов, тянула меня назад, но мой мозг уже выключил сознание и вошел в режим автопилота. Несмотря на это, мои ноги скользили по этому месиву, не давая выбраться из оврага.

– Брат! Дай руку! – стал сипеть я, но спина моего сопровождающего очень быстро исчезла во тьме. В момент смертельной опасности все силы организма, о наличии которых я даже не подозревал, собрались в один большой внутренний комок и сделали из меня шаровую молнию. Быстро и безостановочно, как лягушка в кувшине с молоком из всем знакомой притчи, я стал перебирать ногами и руками и выкарабкался наверх. Едва перекинув половину туловища за пределы оврага, я пружиной выскочил наружу и побежал. В этот момент загорелась очередная люстра, но я не стал замирать и останавливаться. Пока бежал, я представлял, как выгляжу с их позиций. Пулеметчик, который бежит быстрее Форреста Гампа, как мотолыга выбрасывающая комья грязи из-под ботинок. Когда я залез в очередной подвал, Болгар уже получал новые инструкции от командира группы. Говорил он явно по-русски, но половина терминов мне была незнакома: «Вот тут *прикидывается ветошью*, снижаете силуэт, перетекаете между этими хатами. У поворота отправляете *карандаша* на позицию Токио. Пробегайте еще метров сто, *шкеритесь* за этим сараем и *ныкаетесь* в подвал. Там вас встретят. Ферштейн?»

– Ясность полная! – ответил Болгар и, повернувшись ко мне, скомандовал: – Двинули дальше.

Мы поднялись наверх, резко пробежали метров пятьдесят и выскочили за калитку. Я опять бежал третьим, в полной уверенности, что они ведут меня куда нужно. Через пять метров ко мне повернулся второй боец, позывной которого я так и не узнал.

– А ты чего за нами бежишь, карандаш? Тебе же в другую сторону, – он махнул рукой в неопределенном направлении.

– Понял... – ответил я, ничего не понимая. – А?... – попытался спросить я, но его спина уже растворилась в темноте.

Я развернулся и побежал в сторону от них, перепрыгивая через битый кирпич и доски, которыми обильно была устлана земля. В мгновение ока я превратился в ребенка, потерявшего во тьме твердую руку родителя, пришедшего из одной пустоты и бегущего по направлению к другой, еще более пугающей, бездне. Разрушенные темные дома с пустыми окнами сменялись простреливаемыми открытками огородов. Два раза в темноте я наткнулся на заборы и один раз, споткнувшись о поваленный столб, упал на кучу щебня.

– Краснодар! Краснодар! – поднявшись, стал кричать я в ночь, очень переживая, что меня примут за хохла и пристрелят.

Внезапно я натолкнулся на тело мертвого человека, который лежал в лунке от минометного прилета со скрюченными пальцами, вытянув согнутые руки вверх. Я оторопел и лег рядом в кусты. Выставив ножки пулемета и сняв его с предохранителя, я направил его в сторону пустого поля и стал ждать.

«Что же мне теперь делать? – испуганно думал я. – Это же не война, а какой-то пипец! Я один, непонятно где, и нет совсем ясности – где свои, а где чужие? А вдруг они уже подумали, что я в плен попал или сдался? Или вообще считают, что я погиб? – мысли деревенской каруселью вертелись в голове, сменяя одна другую. – Что же это? Вот так и закончится моя война? Глупость какая! А вдруг хохлы полезут? Что мне делать-то?»

Украинцы стали запускать в небо одну за другой люстры, которые подсвечивали пространство. И всякий раз, когда в небе раскрывалось ночное солнце, я в двух метрах от себя видел бледное, застывшее лицо человека с полуоткрытым ртом. Глаза его уже успели ввалиться внутрь, но не были закрыты. «Кто же ты такой? И где твой дом? – вглядывался я в его лицо, не в силах перестать смотреть. – Неужели и я буду так же лежать тут? Если меня найдут украинцы и убьют? Главное, чтобы в плен не попасть! Живым не сдамся», – твердо решил я и достал тактический нож, который мне подарил друг Леха, когда узнал, что я ухожу в «Вагнер». «Если что, по максимуму отстреляюсь и, когда закончатся патроны, воткну его себе в шею! – приставил я острое к впадине под кадыком. – Эх, гранат нет, чтобы подорваться...»

Вдруг в двадцати метрах от меня я услышал шорох и увидел, как из-за дома появился солдат и осторожно стал продвигаться мимо меня в ту сторону, куда я бежал. «Бля! ДРГ! – стараясь не дышать, вспотел я и прицелился в него. – Может, наш?» – мелькнула успокаивающая мысль и потухла вместе с люстрой, которая упала где-то далеко в Опытном.

– Краснодар? – почти шепотом спросил я, отвернувшись чуть-чуть в сторону.

– Луганск! – тоже шепотом ответил он, остановившись от неожиданности. – А ты где?

– Я тут, – продолжая целиться в него, ответил я.

– Ааа, вижу! – уже чуть громче сказал он, подбежал ближе и залег со мной рядом. – Пулеметчика не видел? Потерялся где-то. Гонг уже там всех обещает четвертовать.

– Так это я!

– Ну нахер?! Я Хенкель. А у тебя какой позывной?

– Миор.

– Вот и зашибись! – обрадовался он и, повернувшись, позвал в пустоту. – Шика, я его нашел. Тут он.

К нам подбежал второй боец, помог нам подняться.

– Давай свою РДэшку! – радостно сказал он и стал стаскивать ее с меня. – А ты чего тут жопой к хохлам лежишь? Они же вон там, сзади.

– Гонг – Хенкелю? Мы нашли его. Пулеметчика этого. Живой-здоровый. Уже позицию себе тут оборудовал, прикрывает нам фланг, – подмигивая мне, передал он в рацию.

– Передай Болгару, что завтра он у меня будет окопы одиночные рыть под гнездо пулеметное с этим пулеметчиком, – пригрозил Гонг. – Распиздяй!

Хенкель отключил рацию, и мы пошли на позицию. Я вновь почувствовал руку родителей и смело зашагал за ними мимо мертвого.

– А это наш?

– Да не. Видишь, без ботинок, значит, хохол. Они обычно перед смертью зачем-то разуваятся, – засмеялся он, и от этого смеха сразу забылись все те четыре часа ужаса, которые я пережил за свои первые сутки на передке.

15. Абрек. 1.2. Гонки на выживание

Не успел я в очередной раз вернуться на «Веселую долину», как нашему медику по рации поступила информация, что наш боец тяжелый триста. Несколько осколков залетели сбоку под бронежилет и пробили ему легкое.

– Да, да. Пневмоторакс, – кричал кто-то в рацию. – Я сделал, что мог, но пока его вынесут, пока туда-сюда, хрю-му... Боюсь, он не дотянет.

– Кто это? – спросил я.

– Серафим.

Я хорошо знал этого бойца еще с «Деревянного леса» и, несмотря на свое нежелание включаться эмоционально в чужую жизнь, мне чисто по-человечески было жаль его. «Выносить они его будут часа четыре, не меньше. Столько он вряд ли протянет. Что делать?» – размышлял я.

Мозг человека всегда *находится на стреме*. Когда мы попадаем в незнакомую и стрессовую ситуацию, под воздействием адреналина он, как джокера из рукава, внезапно достает необходимое воспоминание и проецирует его на экран сознания. «Мне же кто-то из второго взвода говорил, что они знают тайную дорогу до пещеры...» – вдруг вспомнил я. Чтобы проверить *трассер* это или реальная информация, я быстро опросил несколько человек и вышел на того, кто вроде бы знал дорогу. Следуя его указаниям, мы подъехали ровно к тому месту, где я поворачивал на «сиськи», и тут выяснилось, что ему кто-то рассказывал, что это якобы я знаю дорогу до пещер.

– Ясно... – посмотрел я на него глазами коровы, которую привели на бойню. – Будешь вылазить или со мной поедешь?

– Куда? – сразу не понял он.

– К пещерам, где эвакуация.

– Там нет дороги, и все заминировано, – испуганно *затроил* он.

– Вот сейчас и проверим. Так ты со мной или пешком прогуляешься? – я увидел миллисекундную борьбу, которая едва заметными движениями лицевых мышц отразилась на его физиономии.

– Я лучше пойду.

– Без базара. Спасибо, что «показал дорогу».

Он вылез из Хантера, а я, словно Натаниэль Бампо по прозвищу «Пионер» из книжки Фенимора Купера, въехал на неизведанную территорию полную краснокожих и кровожадных индейцев и стал прокладывать дорогу с внутренней стороны горной гряды, которая возвышалась здесь, защищая «Веселую долину» от обстрелов из Опытного и Бахмута.

Всю дорогу я был вынужден ехать, держа машину под углом пятнадцать-двадцать градусов, постоянно подруливая в те моменты, когда она норовила скатиться на предположительно заминированную дорогу. Через какое-то время я приновился и уже легко ловил правильный угол, чувствуя себя старым капитаном, бороздящим моря и океаны.

«Ах ты, сучка... А я вот так. Ага! – стал я вслух разговаривать с машиной, которая периодически не хотела слушаться руля. – Ты вот так, значит? А я – вот так!» – преодолевал я очередную попытку узика уйти из-под контроля. «Еще эти ветки-метки тут лезут. Когда же уже конец-то?»

Я знал, что рано или поздно найду вход в пещеру, где наши сделали временный госпиталь. Внезапно с правой стороны открылся белый меловой откос около пятнадцати метров в высоту, в центре которого была видна грандиозная дыра. Припарковав машину у входа, я вышел на связь с командиром этой точки.

– Краснодар – Абреку?

– На связи.

– Выходим, выносим и грузим трехсотых. Я на машине тут.

В рации повисла пауза. Видимо, он не мог сообразить, что именно я от него хочу.

– А ты где?

– Возле въезда в пещеры. Приехал вот.

– Ты что, придурок? Там же заминировано все!

– Ну не взорвался же. Давайте быстрее грузите, пока по мне стрелять из минометов не начали.

– Внутрь заезжай! Тут три машины поместится.

Мне загрузили тяжелого и легких трехсотых. Я посмотрел на них, они на меня.

– А теперь делаем вот так... Повторяйте за мной, – они удивленно замерли, не понимая, что нужно делать. – Господи! Спаси и сохрани рабов твоих! Аминь! – перекрестился, я.

– А ты что, не мусульманин?

– Я армянин. А армяне – это самый первый народ, который еще в 301 году от Рождества Христова принял христианство как государственную религию.

Они, вслед за мной, осенили себя крестным знаменем, и мы поехали. Ехать назад я старался точь-в-точь по своим следам, но несмотря на это, наехал на *лепесток* и пробил колесо. Пару раз метрах в двадцати от нас падали мины, и где-то совсем близко жужжали осколки. Выехав на асфальт, я дал газу, насколько это было возможно, и на поврежденных колесах приехал в долину.

Так я и стал ездить туда-обратно по несколько раз в день, заменяя своим Хантером несколько групп эвакуации и тем самым сохраняя им жизнь. К пещерам вез БК, а оттуда забирал трехсотых и двухсотых. Практически постоянно я нарывался на осколки и лепестки, которые разбрасывал противник по пути следования, из-за чего очень страдала резина. Чувствовал я себя как автогонщик, который проехав смертельный круг, останавливался на пит-стопе, и бригада механиков быстро меняла ему колеса. Но, к сожалению, таланты местных механиков этим и ограничивались.

Приехав рано утром на пещеру, я увидел, как ко мне выводят старенькую бабушку, которую эвакуировали из Иванграда.

– Может, ее лучше пешком? Со мной опаснее.

– Да она не дойдет. Ей под девяносто уже. Вон смотри по документам. Родилась в 1937 году.

Я залез в машину, пристегнул ее к переднему сидению, перекрестился и тронулся.

– Сынок, ты только сильно по кочкам не гони. Старенькая я уже.

– Постараюсь, бабуля, но не обещаю.

Всю дорогу я старался, как мог, везти ее очень бережно, но, когда мы выехали на асфальт, укропы стали наваливать по нам из миномета, и мне пришлось вилять по дороге и маневрировать. В тот раз меня спасла чуйка или молитвы бабули, которые она читала всю дорогу, беззвучно шевеля губами. Буквально за сто метров до ворот я четко и ясно понял, что сейчас они будут стрелять на опережение, и резко дал по тормозам. Хантер немного протянул и замер на месте. Именно в этот момент в пятнадцати метрах от капота взорвалась мина. Пыль окутала машину. Бабка стала молиться чуть разборчивее, а я дал по газам.

– Молись, бабка, сильнее! Глядишь, проживешь еще немного! – успел прокричать я и снес одну створку ворот, заскакивая во двор «дурки». – Жива? – спросил я ее, когда мы заехали в укрытие и остановились.

– Жива, только вспотела больно, – сморщила бабуля свое лицо и, смеясь, закудаhtала: – Вот прокатил бабку на старости лет так прокатил. До смерти не забуду! – пошутила она и стала вытирать платочком слезы счастья. Народ здесь жил удивительный.

После этого удара по воротам машина стала глохнуть, и я не мог докопаться до причины неисправности. На следующий день из Клинового привезли пополнях, которых мне ночью нужно было везти на пещеры, чтобы дальше перекинуть их в Иванград, в штурма.

– Эй, мужики? – обратился я к ним. Меня зовут Абрек, от меня зависит, насколько быстро и безопасно вы окажетесь на следующей точке. Либо вам идти под минометными обстрелами пару часов, либо я довезу вас на машине по тайной тропе, – они молча слушали меня, не догоняя, что я от них хочу. – Автомеханики есть? – задал я прямой вопрос. – Очень нужно!

– Я. На воле работал в автомастерской, – вышел из строя среднего роста боец, – позывной Клест.

– Пошли со мной, – кивнул я ему головой, – починишь, останешься здесь автомехаником, – показал я ему на Хантер. – Не починишь – пойдешь со всеми дальше.

Через час он нашел меня и сказал, что машина готова. И это действительно оказалось так. Я вышел на Гонга, и он разрешил мне оставить Клеста при себе, потому что от моего Хантера зависела скорость получения БК, жизнь трехсотых и быстрая доставка важных трофеев в штаб и в нашу службу безопасности.

Я отвез БК и часть пополнях в пещеры и стал ждать трехсотых, которых тащили из Иванграда. Бои там шли жесткие, и потерь было много.

– Привет, Абрек... – поздоровался со мной боец, усаживаясь рядом со мной на переднее сидение. Лицо его было перемотано бинтами, поэтому трудно было понять, кто он и откуда меня знает. – Обида. Вспомнил?

– Ничего себе! Конечно. Рад тебя видеть.

– То в эту сторону двигались, а теперь обратно: Иванград – пещеры – «сиськи» – «Веселая долина».

– Везде ты успел повоевать, – захотелось мне поддержать его. Сам я еще не получал ранения, но раненых перевез на своем Хантере десятки.

– Куда попало?

– В лицо осколочное. Но вроде не сильно. Тошнит только.

– Давно мы с тобой не виделись.

– Ну как сказать, давно... – на секунду задумался он. – Вас когда ПТУРом размотало, мы со своей группой на «сиськи» пришли. Мага с Немезидой мне рассказывали, как Брома затрехсотило и Овация испарился, – стал вспоминать Обида.

В Хантер на заднее сидение залезли еще два трехсотых, и я, троекратно перекрестившись, тронулся.

– И что дальше? Как вы там двигались?

– Поменяли Немезиду. Его Гонг оттянул, чтобы готовить уже заход в Иванград, а мы остались. Пока заходили, по нам танчик отработал. Два – двести. Но мы зашли. Закрепились. За пару дней все нормально оборудовали, – покачиваясь на кочках, рассказывал Обида.

Он, наверное, был немного под обезболами, поэтому рассказ его был спокойным и размеренным, как у военного блогера Подоляки, которого я несколько раз смотрел в лагере.

– Тогда, помнишь, дожди сильные пошли. Я с Евмаром был в соседних окопах. Дождь льет. Мы сидим, угол свой контролируем. У Евмара в окопе воды по пояс, а я такие палочки поставил, натянул брезент и сижу. И что-то уже начал *залипать* от холода, даже приснилось что-то хорошее. Не помню, что, но точно хорошее. А палатка эта брезентовая воды набралась. Обрывается, и вся эта вода на меня! Сижу, пол окопа воды. Как Ихтиандр, только без жабр, – заулыбался Обида и тут же скривился от боли. – Вылезать наружу – не вариант, потому что там сейчас танк шлепнет, и все.

– По-моему, выход! Не слышал? – спросил я у Обиды и автоматически нажал на тормоз. Посидев несколько секунд в тишине, я тронулся и поехал дальше. – Показалось. Дальше-то что?

– Ну вот мы сидели. Дождь закончился. А на углу посадки, спереди, перед «сиськами» были Калипсо, Мага и Седьмой. Мага был министерский контрактник. Их в Клиновом к нам добавили. Он побыл с нами и попросился дальше штурмовать – не захотел возвращаться. Не помню, кто он по национальности? – немного улетел Обида в воспоминания. – Седьмой был черкес, а Мага то ли с Осетии, то ли откуда?..

– Да, осетин. А Калипсо конторский был. С Крыма.

– И я смотрю, Мага с Калипсо поползли – захотелось им трофеев. Выползают на открытку броники пособирать, – голосом шамана, читающего заклинание, продолжал Обида. – Короче, их спалили. Отработал по ним танк. Маге сразу голову оторвало, а Калипсо в окоп успел скатиться, но так там и остался. Ему сверху осколок зашел, и все в кучу собрал – позвоночник и все внутренности. Все в кучу. Мы когда заползли его забирать, он такой весь мягкий был, как желе. Броник такой, как кулек, а в нем – он.

– Мало им ПТУРа того было. Жаль пацанов. И жаль, что по глупости погибли. Мага совсем молодой.

– Вытащили, отправили. Только их отправили – опять по нам начинают с танка работать. Рядом с нами тоже там пацану... – Обида на секунду задумался. – Ямакаси, то ли Накомото... ему в брестер танк попадает, кусок от ящика деревянного из-под патронов отрывается, и этим куском ему полжопы отрезает.

– То есть мышцы просто оборвало все?

– Да, на эвакуацию отправили, и остались втроем: Евмар, я и Мейдзу.

– Вы, типа, как триста спартанцев, – пошутил я.

– Ага. Только пару ноликов не хватает. Хорошо, что тогда хохлы не контратаковали. Совсем. Стреляют, оборону держат или отступают. Контратак не было. А вот в Иванграде они уже начали.

– Сейчас легче пойдет дорога, братва, но опаснее. Там вон, видите, уже асфальт и открытка. Но я там втоплю, так что держитесь, – предупредил я всех, подъезжая к повороту. – Кто-то из вас очень везучий. Ни одного колеса пока не пробили. Богом поцелованный. Дальше-то, что было? Рассказывай.

– Дальше? – очнулся Обида. – Дальше у нас были Штольни. Пещеры эти, откуда ты нас забирал.

– Здоровые внутри.

– Вот именно. Прямо огромные. Местные говорят, что из них выход есть прямо в Бахмут, но там все заминировано. Вся земля тут шахтами и тоннелями изрыта.

– Зачистили там все?

– Да, насколько смогли. Со вторым взводом двигались. Хохлы тоже быстро откатились оттуда. Мин, растяжек наставили и ушли. Гонг там после лазил, все разминировал.

Мы выехали на асфальт, я вдавил педаль газа, и мы понеслись по прямой в сторону долины. Тут же, метрах в пятидесяти впереди, стали класть минометы.

– А затрехсотило-то тебя как?

– Зачистили левую сторону до кладбища в Иванграде. Передали все второму взводу. Они контролируют. Попытались там что-то с нашими штурмовать, но не пошло по открытке. Я перескочил на правую сторону. Ну и со второго взвода выходит на меня их командир: «Там через тебя моя группа зайдет». Мы, получается, в Иванграде до своей контрольной точки дошли; дальше второй взвод должен двигаться. Я говорю ему: «Все, добро, давай». Приходит второй взвод, там их человек двадцать, а может чуть больше. Сказали, что утром штурмить пойдут. «Ну давайте!» – Обида развел руками, показывая свое недовольство. Утром заскочили они

всей своей кучей в один подвал, а хохлы, не будь дураками, напротив поставили пулемет и никому выйти не дают. Нам говорят: «Давайте! Нужно помочь!»

– Да ну, нахер?!

– Война – войной, но должны же быть какие-то правила? – посмотрел он на меня, ища поддержки. – Какие-то приличия... Нет? – на секунду он замер и выдохнув, продолжил:

– Пришлось дальше нам идти штурмовать от своей контрольной точки. А все уже ослабились. Тяжелое было состояние. Хотелось вытащить их из подвала и сказать: «Какие вы там, блять, ушлепки! Нахер вы туда залезли?»

– Обидно! – вырвалось у меня.

– Вот и Обиде – обидно. Но второму взводу помогли... Поднялись, штурманули соседнее здание – того пулеметчика, что их держал. И в этот же день я вылез на улицу по рации поговорить, а тут накат, – развел Обида руками. – Я только вышел на улицу, и понеслось... такая еще там ванна чугунная... Я за нее спрятался и постреливаю. Пацаны еще прикалывались: надо было как в «Ну, погоди!» под нее залезть; типа, я броневик, – улыбнулся Обида через боль.

– Отработал, к подвалу прижимаюсь, чтобы по рации выйти АГС скорректировать. Только встаю – птичка сброс делает. И вот в лицевую часть осколки прилетели. Оставил Немезиду за старшего, а сам на эвакуацию.

– Приехали! – затормозил я у здания психдиспансера. – Быстро выходим и в подвал.

Через час ко мне подошел Гаврош, который приехал на своем Патриоте из Клинового.

– Абрек, мне тут Давлет сказал, что ты уже всю на машине гоняешь к пещерам?

– Типа того...

– А что же молчишь? Я там сижу, думаю, как бы дорогу туда пробить, а ты уже тут шоссе проложил целое! Показывай!

– Командир, может, не нужно? Там все не просто... – попытался отговорить я его от этой аферы.

– Заводи. Я за тобой! – убил мое сопротивление Гаврош.

– Патриот там не проедет. Только Хантер. Тут уж тебе нужно меня послушать. Садись ко мне.

Туда и обратно доехали без серьезных приключений. Когда мы приехали назад на «Веселую долину», он похлопал меня по плечу:

– Мужик! Не зря я тебя тогда с собой в штурм взял! Просто красавчик!

– Спасибо.

– Слушай, Зайцево наши забрали уже. Пятерка там просела немного, но мы им помогли. На то мы и разведка, чтобы всем помогать.

– Может, отправим его отдохнуть на недельку? – предложил Гонг, который присоединился к нашей беседе. – Ты же без перерыва тут, еще с подхода к лесу?

– Так и есть.

– Уже и не осталось никого из твоих, с кем ты приехал. Кто двести, Царствие им Небесное, кто триста, – перекрестился Гонг.

– Давай-ка мы тебя точно отправим. Отдохнешь. В баньку сходишь. Тут уже и без тебя смогут. Дорога пробитая.

– Я не против.

Попрощавшись с командирами, я пошел собирать свой нехитрый скarb.

– Абрек? – услышал я сзади чей-то голос. Развернувшись, я увидел Клеста.

– Ну как ты тут?

– Нормально. Спасибо тебе сказать хотел за помощь.

– Да не за что. Каждый должен заниматься своим делом. Если у тебя талант автомеханика, то ты больше пользы тут принесешь. Был бы ты врачом, отправили бы тебя в медицину. А нет ума – штурмуй дома! – пошутил я.

– Чем я могу тебя отблагодарить, Абрек? – немного замявшись, спросил Клест.

– Хантер береги, пока я на оттяжке буду. А когда у нас с тобой закончится контракт, я куплю себе Plymouth Barracuda 1971 года, а ты мне его восстановишь и доведешь до идеального состояния! По рукам? – посмотрел я в его глаза.

– Конечно! А что это за тачка?

– Ооо, это Су-35, а не машина! Двигатель «Немі» с рабочим объемом 7 литров! Выдающий четыреста двадцать пять лошадей! Двигатель легко форсируется и может разогнать мощь до пятисот лошадок! Когда ты ее увидишь, ты будешь вдвойне рад тому, что выжил!

– Выжить бы очень хотелось.

16. Маша. 1.0. Наш родной Иванград

С 8 на 9 октября ЧВК «Вагнер» начала штурмовать наш родной Иванград. Поселение было очень старым и, по легенде, образовалось еще раньше, чем Бахмутская крепость. В Иванграде издревле располагалась солеварня, а позднее, когда начали застраивать Бахмут, здесь, чуть выше кладбища, образовалась выработка, где добывался алебастр и медицинский гипс. Вот из этих пещер от выработки и стал заходить к нам «Вагнер». Нам пришлось спуститься в подготовленный к этому моменту подвал, чтобы не погибнуть от обстрелов.

После войны разработку отдали в ведение завода «Пролетарий» и Государственного Управления Лагерьей НКВД, и в алебастровой шахте стали работать японские пленные. Их бараки находились рядом с выработкой и в поселке Зайцево. Сколько я себя помнила, всегда ходили слухи, что шахты идут в город и соединяются между собой в районе мясокомбината и завода шампанских вин. После развала СССР шахты облюбовали харьковские и луганские спелеологи и стали возить туда экскурсии, о чем было множество фоторепортажей в социальных сетях. Все это продолжалось, пока шахты не выкупил немецкий «Кнауф». Добыча алебастра и гипса продолжилась. Они сделали узкоколейку, которая возила алебастр в район дамбы на переработку, где до сих пор лежало несколько неразмолотых камней. В четырнадцатом году, после референдума, выработку стали сворачивать. Немцы сократили производство строительных материалов и вывезли все оборудование с территории завода в Соледаре.

Еще в мае, когда вагнера брали Угледорск и Мироновку, многие села в округе остались без электроснабжения. Несмотря на то, что мы были ближе к Бахмуту, электричество поступало с Угледорска. Муж с сыном поставили в сарае старенький генератор на солярке, обшитый пенопластом для звукоизоляции. К сараю была приделана хитрая труба, которая полностью маскировала работу генератора. Электричества вполне хватало на повседневные нужды и зарядку телефонов. Солярка тоже была запасена загодя и распахана по разным углам. Хранить ее в одном месте было опасно из-за постоянных прилетов. Продукты мы тоже разложили по нескольким мешкам и хранили их отдельно.

В июне «Восток-SOS» последний раз привез гуманитарку с продуктами и подарил нам еще один бензиновый генератор. Мы спустили его в наш хорошо подготовленный и оборудованный подвал, который стал для нас последним прибежищем. Было страшно, что во время боев нам закинут в подвал гранату и мы все погибнем. Мы продолжали жить своей обычной жизнью. Я просыпалась, умывалась и начинала обзвон соседей. На тот момент в Иванграде оставались двадцать шесть человек. Первыми со связи пропали соседи, которые жили недалеко от дачи моих родителей, в самом начале Иванграда. Было неясно, погибли они или их вывели в тыл. Оставалось только гадать и надеяться на лучшее.

Всю ночь и утро шел мелкий дождь. Воспользовавшись отсутствием обстрелов, я с утра успела покормить собаку и птицу, которая у нас еще оставалась. От нависшей тишины появилась тревога. Я спустилась в подвал, и не успели мы сесть за стол, как услышали наверху шаги и звук открывающихся железных ворот. Затем раздался стук в дверь, закрывавшую подвал.

– Кто в подвале? – услышали мы мужской голос с еле заметным акцентом. – Есть кто живой?

Мы переглянулись, и стало очень страшно. Больше всего я боялась, что отступающие *правосеки* закидают подвал гранатами, чтобы он не достался русским. Муж отложил ложку и подошел к лестнице.

– В подвале трое гражданских! – громко крикнул он. – И собака.

– На выход! С поднятыми руками, – потребовал голос сверху.

Я схватила мужа за руку и посмотрела в глаза.

– А вдруг нас сейчас расстреляют всей семьей? Как ту семью в Соледаре, о которой нам рассказывали.

– Не расстреляют, – успокоил он меня. – Все будет хорошо. Главное, не дергаемся. Привяжи собаку, и пойдемте, – сказал он и стал первым подниматься по лестнице.

Поднявшись наверх и осторожно выглянув наружу, я увидела, как моего мужа обыскивает невысокий коренастый военный. В двух метрах от него стоял другой военный и держал направленный на нас автомат.

– Выходите! Выходите скорее! – торопливо сказал он. – Давайте к сараю.

«Там нас и прикончат», – подумала я и вышла.

Нас троих завели в сарай и заставили мужа и сына снять верхнюю одежду до пояса. Внимательно осмотрев локти, плечи и шею, им велели одеваться.

– Все в порядке, – констатировал старший военный. – Спускаемся в ваш подвал.

– Хорошо, – кивнул муж, и мы стали по одному перебегать к подвалу.

Внизу, успокоив нашего пса, мы сели на кровать, которая стояла посреди подвала, и стали ждать дальнейших приказов.

– Теперь давайте познакомимся. Мой позывной Око. Я командир группы ЧВК «Вагнер». Я гарантирую вам безопасность, но мне нужно посмотреть ваши документы. И изъять телефоны.

– Хорошо, – сказал муж и показал на полку, где хранились наши документы.

Око забрал наши украинские паспорта и сверил данные. Пока он задавал нам вопросы, второй военный собрал все телефоны и вытащил из них симки. Закончив эти процедуры, командир засунул все в одну из многочисленных сумок у себя на груди и внимательно посмотрел на нас.

– Поздравляю вас. Теперь вы – граждане Российской Федерации! – торжественно объявил он. – В ближайшее время вас выведут в тыл и отправят в лагерь временного размещения.

– Спасибо вам, – ответила я и заплакала от облегчения.

– Нам сейчас нужно уйти. Паспорта и телефоны я заберу с собой, но вам их обязательно вернут. Ждите тут. За вами придут.

Око и его товарищ поднялись наверх и ушли.

В 2015 году, после второго Майдана, в нашем селе появились правосеки. На повороте из Зайцево к Артемовску, там, где раньше была нефтебаза, был оборудован блокпост, служивший одновременно и таможей. Нефтебазу быстро переделали в укреп и нарыли вокруг нее траншей с хорошо оборудованными блиндажами, а автомобильный мост через реку Бахмутку, который мы называли Лысым, заминировали. Нациков заселили в одну из пятиэтажек в Опытном, где они и жили до начала войны. На всех окружающих высотах сидели укропские снайперы, регулярно пристреливаясь по вешкам, расставленным по всей округе. Дороги и поля между Веселой Долиной, Зайцево и Иванградом были перекрыты и заминированы. На всех заброшенных дачах расселились захыстныкы в черной форме без опознавательных знаков. Жить стало тревожно, но мы старались меньше попадаться им на глаза и не контактировать с ними. В ночное время через блокпост проходили большие колонны машин с неизвестными грузами. Позднее, когда блокпост перенесли с нефтебазы ближе к Майорску, жители Иванграда выдохнули с облегчением. Правосеки уехали, оставив после себя окопы, мусор и неприятные воспоминания.

Наверху во дворе послышался шум и, судя по голосам, к нам во двор пришли несколько человек. Они стали проверять дома и сарай. «Чисто», – услышали мы сверху. Почти в тот же миг наверху прозвучал сильный взрыв, и сразу же после этого послышались крики и стоны. Наверху резко открылась дверь, и по ступенькам торопливо застучали шаги. В подвал спустился военный, в одной руке держа автомат, а второй закрывая лицо.

– Это вас Око нашел? – спросил он, сдерживая стоны.

Сквозь пальцы руки, которой он зажимал правый глаз, обильно текла кровь.

– Да, – ответил муж.

– Давайте я вам помогу, – вскочила я. – У нас есть медикаменты. И бинты. И даже перекись водорода.

– Хорошо... – сел он на кровать. – Посмотрите, что с глазом.

Я осторожно отвела его ладонь от лица и увидела, что маленький осколок пробил нижнее веко. Мы извлекли его, промыли рану, замотали глаз марлевой повязкой. Пока я занималась этим, в подвал спустился еще один боец, раненный в руку. Затем, один за другим, еще два бойца.

– Что случилось? – спросил сын.

– Из дома напротив гранатометчик отработал, сука, – зло сказал раненный в глаз военный.

– Это, наверное, из восьмьдесят первого дома, – определил муж.

– Велком, – протянул мне руку боец, которого я перевязывала первым. – Миша, – он оглянулся на своих товарищей и представил их. – Этот с раненой рукой, – Дед. Он у нас уже старый. Вон тот, что снял броник и разрезал штанину, – Масел. А тот, с которым ваши возятся, – Шамал.

Масел был легко ранен в левую ногу выше колена, а у Шамала была серьезная рана в бедре правой ноги. У него обильно текла кровь. Если бы не женские прокладки на шесть капель, я даже не знаю, что бы мы делали. Оказалось, что у Велкома, помимо ранения глаза, были множественные мелкие ранения спины и ног. Мы помогли ребятам снять бронежилеты, убрали их вместе с оружием в угол и положили раненых на нашу кровать. Подвал был тесноват для такого количества людей и собаки, но выбирать не приходилось.

Пока мы оказывали помощь ребятам, наверху началась перестрелка.

– Сметана, держи сектор, я сейчас в подвал проскочу, – услышали мы голос сверху.

– Делай.

Через минуту в подвал спустились еще два раненых бойца: Куля и Рэмбо. Рэмбо был ранен, как и Дед, в руку, а Куля получил ранение стопы. Пришлось и их разместить на кровати и помочь с перевязкой. У бойцов были маленькие сумочки с медикаментами и ножницами. Перемотав раны, они расселись по углам.

– Воду вскипятить есть где? – спросил Дед. – Кофейку бы или чаю попить.

– Найдем, – ответил сын и поставил чайник.

Вода у нас была своя из колодца и запасов хватало.

– Автомат заклинило, – спустился сверху еще один боец.

– Что там? – поинтересовался у него Шамал. – Сметана, ты Око сообщил, что нас размотало, и нужна эвакуация?

– Сообщил, конечно.

– Держите, – протянул сын бойцу со сломанным автоматом multitools, который всегда носил в кармане ветровки. – Это портативный набор инструментов, – пояснил он, глядя на бойца.

– Спасибо, – ответил тот и сел ковыряться в автомате.

– Да просто возьми чужой. Смысл сейчас его делать? – нервно спросил Шамал.

– Дай эту приبلуду лучше мне, – протянул руку Рэмбо, – осколок себе вытащу. Он не глубоко.

– Видали Рэмбо? – спросил с насмешкой у нас Сметана. – Сам себе вытащу! Он у нас, хоть старый, но опытный. Любит в героя поиграть. Думает, сейчас вытащит осколок, и снова в бой.

– Я смотрю, мы вам есть помешали. Вы садитесь, мы подвинемся, – заговорил с нами Велком.

Мы сели на краешек кровати и стали есть, угощая ребят консервами, яйцами от наших кур и сухариками. Ребята достали свои запасы, и мы все вместе перекусили. Досталось и нашему псу.

Сверху спустился еще один боец и принес железный ящик с патронами.

– Привет, пацаны. БК вам притащили.

– Здорово, Родо. Что с эвакуацией? – поинтересовался Шамал.

– Ночью только. Сейчас нереально.

Как будто в подтверждение его слов во дворе что-то взорвалось. Пыль и волна теплого воздуха проникли в подвал. Сверху скатился военный, которого они оставили там на посту.

– Что там? – встревожился Дед.

– Не знаю, но это что-то большое. Может, танк?

– Насыпь у вас на подвале крепкая? – встревожился Шамал.

– Очень, – ответил муж. – За это можно не переживать. Главное, чтобы солярка не рванула. Она у нас закопана в сарае в бочках. Там же четыре бензопилы, которые мы сами с сыном восстанавливали.

Родо вскрыл железный ящик и раздал патроны ребятам, которые тут же принялись набивать ими рожки автоматов. Заметив, что Родо весь насквозь мокрый, сын достал свои вещи и поделился с ним. У нас было все собрано: сумка сына с вещами, сумка с документами и медикаментами и рюкзак с ноутом, запасными кнопочными телефонами, батарейками и шнурами. Еще была сумка с газовыми баллончиками и горелкой, тушенкой, консервами, печеньем и сахаром, чаем и железной посудой. Мы не знали, что нас ждет, и готовились к худшему варианту.

– Вы хотите это взять с собой? – поинтересовался Масел у моего мужа, рассматривая сумки. – Не донесете. Нам бежать под обстрелами больше полутора километров.

– Ну, может, что-то и оставим, – посмотрел муж на меня и сына. – Хотя, тут все нужное.

– Мы бы вам помогли, но сами видите, нам придется помогать эвакуироваться друг другу, и мы вам не помощники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.